Украинскую
Въ Студенческую библіотеку
на память отъ
Тауфика Кезма.
(1902-1906 гг.).
1908 года 11 Января

Т. Осадчій.

Борцы за землю и правду.

Романъ-былое изъ соціальной жизни на Украйнѣ.

Эпоха 1881-1905 гг.

„Не мни́те, ꙗ҆́кѡ прїидо́хъ
воврещи́ ми́ръ на зе́млю:
не прїидо́хъ воврещи́ ми́ръ,
но ме́чь“ Мате. X, 34.

1908.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА С. И. ИВАНОВА И К°
Кіевъ, Фундуклеевская ул. № 2.

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. д. № 40.
1908.

Оглавленіе.

Стр.
Вступленіе . . . 1
Отголоски событія 1 марта 1881 г. . . . 2
Первые шаги служенія народу . . . 9
Крестьянская рада . . . 26
Возвращеніе на путь истины. Терніи жизни соціалистовъ 32
Въ сердцѣ Украйны . . . 59
Матросы погибшаго корабля . . . 64
Юный народоволецъ на старомъ пепелищѣ . . . 69
Прокламація въ деревнѣ . . . 73
На сахарномъ заводѣ . . . 77
Ольшанскій „бунтъ“ . . . 82
Въ царствѣ капитализма . . . 91
Бабій бунтъ . . . 98
Станъ ликующихъ и господствующихъ . . . 100
Въ Полтавщинѣ. Громадскія дѣла . . . 106
Ликвидація Ольшанскаго „бунта“ соціалистами . . . 109
„Идеальный батюшка“ . . . 112
Изгнанники и среди нихъ предатель . . . 115
Судъ послѣ бабьяго бунта . . . 122
Соціалистическая мысль и первобытная среда . . . 123
„Въ мѣстахъ отдаленныхъ“ . . . 145
Судьба гонимаго Яремы . . . 149
„Соціалистическое хозяйство“ . . . 152
Обычный конецъ мирной культурной работы . . . 157
Въ странѣ крестьянскихъ союзовъ . . . 160

Стр.

На зарѣ 169
Почва для аграрныхъ волненій 177
Выступленіе соціалъ-демократовъ 184
Аграрные безпорядки Полтавщины и Харьковщины . . . 189
На полѣ мирныхъ завоеваній 203
Новыя жертвы кровавой драмы 208
Жизнь—лучшій учитель 211
Борьба за хлѣбъ въ Галиціи 216
Образецъ высшей культуры и дикости 220
Жизнь борцовъ въ ссылкѣ 222
На зарѣ и во дни свободъ 225

Борцы за землю и правду.

Романъ изъ соціальной жизни на Украйнѣ.

(ЭПОХА 1881—1905 ГГ.).

Соціальная жизнь Украйны въ эту эпоху разнохарактерна, безпорядочна и неорганизована. Реформы царствованія Александра II не создали того *общественнаго базиса*, на которомъ могла бы развиваться нормально соціальная жизнь. И эта жизнь, какъ и въ дореформенный періодъ, развивалась *борьбою* заключавшихся въ ней *силъ*. Малорусская поговорка: „кто дужчый, то той и лучшый"—вѣрно отражаетъ эту эпоху. Борьба же этихъ силъ, слѣпыхъ и подчасъ жестокихъ, не могла создать нормальнаго и разумнаго человѣческаго общежитія. И въ этомъ виновны не столько соціальныя группы населенія,—которыя, если были предоставлены самимъ себѣ, навѣрное позаботились бы и сумѣли бы создать нормальный строй жизни,—сколько правительство. Вмѣшательство его, неразумное и несправедливое вносило хаосъ туда, гдѣ безъ этого вмѣшательства жизнь бы нашла соотвѣтствующій выходъ. Государство, не создавшее нормальныхъ условій для развитія жизни, имѣетъ основаніе вмѣшиваться въ жизнь только въ цѣляхъ защиты безправныхъ народныхъ массъ, эксплуатируемыхъ богатыми и сильными. Въ эту же эпоху государственная власть, какъ разъ наоборотъ, своимъ вмѣшательствомъ поддерживала богатые и сильные классы и угнетала массы народа. И въ этомъ заключался весь трагизмъ положенія. Это была не жизнь,—а драма жизни.

Въ этой драмѣ активныя роли принадлежатъ владѣтельнымъ и богатымъ классамъ, поддерживаемымъ правительствомъ. У подножія ихъ стоялъ народъ — трудящіяся массы, невѣжественныя и неорганизованныя, представлявшія вмѣстѣ съ благами природы богатый матеріалъ для эксплуатаціи и насажденія *культуры*. Неравенство борющихся силъ и неправда, лежащая въ основѣ такого строя жизни, выдвинули на арену жизни новыя соціальныя силы въ видѣ интеллигенціи, ставшей на защиту народа. Союзъ интеллигенціи съ народомъ создалъ бы трудящемуся классу въ борьбѣ значительный перевѣсъ силъ, и соціальная жизнь могла бы развиваться нормально и правильно. Но противъ такого союза правительствомъ и владѣтельными классами были приняты всѣ мѣры. И надъ жизнью лучшихъ людей, достигшихъ сознанія общественнаго долга, во весь этотъ періодъ виталъ злой рокъ въ видѣ всевозможныхъ каръ и гоненій. Тѣмъ не менѣе борьба за право народа прорывалась всюду тамъ, гдѣ люди озарялись свѣтомъ разума. И къ концу этой эпохи борьба стала наполнять все содержаніе соціальной жизни, окрашенной господствомъ капитализма. Борьба эта создала борцовъ за лучшій соціальный строй— соціалистовъ, которые, бичуя язвы, порожденныя господствомъ капитала, рисовали картины жизни, полной гармоніи и людского счастья. Соціалистическое движеніе, возникшее и окрѣпшее при свѣтѣ свободы и знанія въ Западной Европѣ, нашло у насъ самую благопріятную почву. Идеалъ всеобщаго людского счастья, гармоніи и свободы, свойственный вообще человѣческому духу,— въ жизни нашей интеллигенціи сыгралъ большую роль. Онъ всегда сопровождалъ ее на ея тернистомъ и многострадальномъ пути. Всѣ героическія и великодушныя сердца несли крестъ свой подъ знаменемъ соціализма, составлявшаго для нихъ евангеліе жизни. Ученіе, въ основѣ котораго лежитъ защита интересовъ всей угнетенной и безправной массы человѣчества и созданіе такого *фундамента*, на которомъ жизнь нормально бы развивалась безъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ,—будетъ всегда дорого людямъ, отыскивающимъ смыслъ въ жизни. Работа этихъ друзей человѣчества—это единственный свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ—царствѣ тьмы, эксплуатаціи и неправды.

I. Отголоски событія 1 марта 1881 года.

Сергѣй Гордіенко былъ въ пятомъ классѣ реальнаго училища въ одномъ изъ городовъ Полтавщины. Болѣзнь отца задержала его нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, въ родной Тарасовкѣ, гдѣ и застало его извѣстіе объ убійствѣ Александра II. Какъ всякое убійство, а тѣмъ болѣе такое выдающееся, оно заставило каждаго оглянуться вокругъ себя и задуматься надъ причинами его. Это было нѣчто похожее на страшное зарево, освѣтившее всю огромнѣйшую страну. Свободы печати тогда не было, и трудно было составить себѣ понятіе о причинѣ этого крупнаго явленія.

Тарасовскій священникъ очень просто объяснилъ въ церкви прихожанамъ: царя нашего убили враги его за то, что онъ освободилъ крестьянъ... И крестьяне повѣрили этой сказкѣ. Гордіенко, идучи изъ церкви, говорилъ своимъ сосѣдямъ, что это неправда, но объяснить хорошенько всей сути онъ былъ не въ состояніи. Ему было стыдно самого себя.—„Вотъ тебѣ и наука—говорилъ ему отецъ—самаго главнаго и не знаешь... Ты долженъ все знать“... Это все зналъ только одинъ Вербицкій, съ которымъ Сергѣй сидѣлъ рядомъ, начиная съ перваго класса. Къ нему онъ и обратился по пріѣздѣ въ училище. Все, что тотъ сказалъ ему, глубоко запало въ душу Сергѣя. Чуткій и впечатлительный, онъ былъ способенъ запечатлѣвать въ себѣ самое малѣйшее вліяніе со стороны окружающихъ. Знаніе и книга—это была святыня Сергѣя. Жизнь въ дѣтствѣ не щадила его и вызвала раннюю работу мозга. Уже въ семнадцать лѣтъ онъ видѣлъ недостатки современнаго строя и душа его, юная и чистая, жадно искала указаній на лучшій порядокъ жизни. Тщетно Сергѣй силился найти эти указанія въ словахъ преподавателей и въ тѣхъ учебникахъ, которые онъ аккуратно изучалъ. Не найдя указаній о лучшемъ строѣ жизни въ той школьной наукѣ, въ которую раньше вѣрилъ, Гордіенко сталъ искать ихъ внѣ школы. Это и сблизило его съ Вербицкимъ, имѣвшимъ связи съ соціалистическимъ движеніемъ. Душа Гордіенка теперь какъ бы чуяла, что соціалисты отважились на послѣдній шагъ въ борьбѣ съ правительствомъ, и теперь онъ страдалъ за погибшихъ людей. Онъ вообще умѣлъ страдать за другихъ. Его нѣжная, нѣсколько больная душа все, что касалось людскихъ бѣдствій, замѣчательно могла воспринимать и на все отзываться. Все это дѣлало молчаливаго, всегда погруженнаго въ думу и книги юношу привлекательнымъ и прекраснымъ. Товарищи говорили о немъ: „онъ не отъ міра сего“... Дѣйствительно, Гордіенко не соотвѣтствовалъ тому жестокому и часто безчеловѣчному строю жизни, который его окружалъ. Онъ былъ рожденъ для новаго строя, гдѣ бы не было той ненависти и той жестокости, которая господствовала въ ту пору. Гордіенко очень рано научился жить въ мірѣ мысли, въ мірѣ идей и идеаловъ. Эта способность отыскивать въ окружающей жизни, подчасъ полной неправды, свѣтлыя точки и на нихъ сосредоточивать свое вниманіе у Гордіенка проявилась очень рано; она была для него спасительною. Соціализмъ для него являлся своего рода оазисомъ въ пустынѣ. Всѣ эти черты дѣлали Гордіенка выдающимся во всемъ училищѣ, гдѣ онъ пользовался общею любовью. Въ его фигурѣ, дышавшей простотой и искренностью, и въ нѣсколько страдальческомъ выраженіи лица и глазъ было что-то, сразу внушавшее довѣріе. Сама природа собрала въ немъ все то, что было лучшаго въ трудящемся людѣ. И онъ былъ неподкупнымъ судьей во всѣхъ случаяхъ школьной жизни. Даже инспекторъ,—на что ужъ былъ господинъ,—и тотъ разъ заявилъ ученикамъ, что Гордіенко—человѣкъ, въ которомъ нѣсть лести. Это, однако, не мѣшало ему преслѣдовать его за ненавистный соціализмъ. И онъ былъ здѣсь изрядно „гонимъ". Мать Сергѣя, видная въ Тарасовкѣ „вдова Гордіенчиха", не мало слезъ пролила изъ-за своего талантливаго сына. Въ послѣдній разъ она со слезами на глазахъ упрашивала директора не выгонять ея сына.

— Пусть оканчиваетъ, — заявилъ, наконецъ, директоръ, — только пусть выброситъ изъ головы этотъ пагубный соціализмъ.

Мать Сергѣя была едва грамотная и на радостяхъ забыла это мудреное слово. Водворяя его обратно въ училище, она хотѣла передать ему волю начальства, но не могла вспомнить. Сергѣй, впрочемъ, напомнилъ матери.

— О соціализмѣ онъ говорилъ навѣрное...

— Да, о проклятомъ соціализмѣ...—повторила она и съ этихъ поръ она уже этого слова не забывала. Для нея оно оказалось роковымъ.

Вина же Гордіенка заключалась въ томъ, что онъ изъ подробнаго отчета, напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" о дѣлѣ 1 марта сдѣлалъ извлеченіе и прочелъ его всему классу. Извлекъ онъ оттуда всѣ показанія людей, погибшихъ на висѣлицѣ, въ которыхъ видны были стремленія принести себя въ жертву на пользу народа. Сергѣй сидѣлъ надъ этой работой цѣлый мѣсяцъ и много переболѣлъ за людей и за тотъ отвратительный порядокъ, который вынуждаетъ людей на подобныя жестокія мѣры борьбы... До этого времени Гордіенку казалось, что и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, какъ его съ дѣтства учили. Но чѣмъ больше онъ углублялся въ жизнь, тѣмъ больше онъ видѣлъ, что въ жизни руководятъ слѣпыя силы и болѣе сильные душатъ слабыхъ. Изъ всего отчета о дѣлѣ Гордіенко извлекъ крупицу истинно-человѣческихъ дѣяній и хотѣлъ показать ее товарищамъ; для этого онъ и воспользовался свободнымъ урокомъ учителя, заболѣвшаго отъ пьянства и проигрыша денегъ.

Хотя ученики и приняли всѣ мѣры предосторожности, поставивъ возлѣ дверей стражу, все же директоръ подслушалъ и вломился въ классъ, когда Гордіенко оканчивалъ свое сообщеніе.

—Убійства,—читалъ онъ,—хотя бы во имя самыхъ великихъ цѣлей, производятъ на мою душу тяжелое впечатлѣніе. Ихъ нужно избѣгать... Съ другой стороны, не говоря уже о русской исторіи, вообще бѣдной мыслью, но и во всемірной встрѣчается мало актовъ, столь великихъ и героическихъ. Въ исторіи же соціализма и борьбы за интересы народа съ его угнетателями—это единственный въ своемъ родѣ...

Директоръ изъ всѣхъ этихъ словъ за дверью разслышалъ только одно „соціализмъ“—самое ненавистное для него, и сталъ гнать Гордіенка.

— Опять соціализмъ!.. кричалъ онъ. Крикъ былъ такъ силенъ, что ученики сосѣднихъ классовъ, бросивъ урокъ, выбѣжали.—Вонъ изъ класса... вонъ сейчасъ... въ 24 часа, чтобъ и въ городѣ тебя не было!.. Директоръ съ пѣною во рту гналъ Сергѣя, онъ готовъ былъ тащить его въ канцелярію собственными руками, чтобы поскорѣе выпроводить за порогъ.

Въ канцеляріи директоръ снова кричалъ въ присутствіи всего синклита учителей и грубо вытолкалъ Гордіенка за дверь, устрашая жандармами.

Дѣло было въ мартѣ, на улицѣ была грязь; прохожіе шли мимо училища, не обращая на него вниманія. Сергѣй долго не двигался съ мѣста. Такою грубостью онъ былъ сильно оскорбленъ.

— За что же это?—спрашивалъ онъ себя.—Вѣдь отчетъ напечатанъ правительствомъ. Душа его была спокойна; онъ только выполнилъ свой долгъ и теперь былъ готовъ на всѣ оскорбленія. Онъ думалъ только о достоинствѣ человѣка, которое въ его лицѣ было такъ жестоко поругано. Но это не былъ первый случай и Сергѣй махнулъ рукой.

Въ это самое время весь седьмой классъ высыпалъ на улицу, чтобы провожать товарища.

— Прощайте, братцы,—сказалъ Гордіенко со скорбной улыбкой на лицѣ,—кто знаетъ, встрѣтимся ли мы...

— О нѣтъ, Сергѣй, ты возвратишься...—кричали ученики,—мы всѣ пойдемъ къ „нему“, пусть онъ только отойдетъ... все училище пойдетъ къ „нему“... Или тебя возвратятъ, или всѣхъ насъ выгонятъ... Лица учениковъ были энергичны и оживленны: всѣ они вѣровали въ скорое возвращеніе Сергѣя.

— Ну, что жъ дѣйствуйте, — проговорилъ на прощанье Сергѣй,—а я пойду домой, кстати начинаются весеннія работы, помогу матери.

— Ну, ужъ насчетъ помощи матери извини,—засмѣялся Вербицкій,—она тебя угоститъ за такой гостинецъ.

Но Гордіенко не унывалъ. Черезъ часъ его можно было видѣть за городомъ со связкою книгъ: онъ держалъ путь въ Тарасовку. Его не страшила распутица; на душѣ у него было такъ ясно отъ выполненнаго долга, что онъ готовъ былъ идти куда угодно—въ тюрьму, въ Сибирь. Сергѣю была не страшна даль, не страшна ночь.

Извѣстіе объ изгнаніи Сергѣя въ тотъ же день облетѣло все училище и ученики на другой день во время большой перемѣны предстали предъ грозныя очи начальства. Но начальство было неприступно и неумолимо. Ученики еще разъ пробовали захватить врасплохъ скрывавшееся начальство, но имъ это не удалось. Въ теченіе всей недѣли никто не хотѣлъ серьезно учиться,—изгнаніе Сергѣя какъ бы витало надъ училищемъ въ видѣ темной тучи, душившей мысль учащихся. Начальство должно было задуматься. Наконецъ оно стало подавать надежды. Седьмой классъ тотчасъ послалъ Сергѣю телеграмму о возвращеніи. Сергѣй возвратился и ему ученики устроили встрѣчу. На лицахъ всѣхъ, даже первоклассниковъ, былъ написанъ восторгъ. Гордіенко даже заплакалъ. Это было настоящее торжество истины, и онъ еще больше увѣровалъ въ соціализмъ.—Создайте для людей хорошія условія, дайте имъ справедливые законы и учрежденія,—говорилъ онъ товарищамъ,—и все измѣнится въ одинъ день.

— И нашъ г. директоръ станетъ ангеломъ, — сострилъ кто-то.

— И онъ измѣнится,—повторилъ Сергѣй. — Онъ только одинъ винтъ въ цѣлой машинѣ. Достаточно измѣнить ходъ машины, чтобы винты стали работать на благо народа.

— Вспомни же Кибальчича и Желябова... Они тоже вѣровали въ измѣненіе хода машины...—проговорилъ Вербицкій,—а что жъ, измѣнили ея ходъ?

— Блаженни вѣрующіе,—кто-то вставилъ снова.

— Не вѣровать, господа, нельзя,—сказалъ Сергѣй, нужно вѣровать въ народъ, въ народную правду, въ добро, въ то, что настанетъ же на землѣ царство правды. Безъ такой вѣры не стоило бы намъ и жить.

— Вѣра дѣло хорошое,—заговорилъ снова Вербицкій,—но вѣровать слѣдуетъ только въ настоящія силы, а не въ миѳическія. Вѣровать въ призраки—это плохое дѣло.

— Нѣтъ, господа, Сергѣй молодчина въ своей роли! Онъ настоящій соціалистъ, нѣчто вродѣ Христа; но вѣровать слѣдуетъ только въ свои силы... Кулакъ и кулакъ еще долго, если не всегда, будетъ имѣть рѣшающее значеніе... Наши предшественники достаточно, кажется, вѣровали и надѣялись, а что дала намъ эта вѣра?..

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ учителя.

Гордіенко оканчивалъ училище и былъ теперь лишь гостемъ. Изгнаніе его за соціализмъ вызвало особенный интересъ къ нему даже тѣхъ учениковъ, которые раньше ничѣмъ не интересовались.

Разъ директоръ такъ ополчается, — думали они,— значитъ дѣло важное—этотъ соціализмъ. Однако начальство нагнало такого страху, что никто не смѣлъ въ классѣ даже проговорить этого слова. Но вотъ экзамены окончены и Сергѣй держалъ уже въ рукахъ аттестатъ. Братія обступила его со всѣхъ сторонъ и потянула въ лѣсъ. Этотъ вѣковой дремучій лѣсъ въ глазахъ юношей, ютившихся въ пыльномъ городѣ, былъ какимъ-то сказочнымъ раемъ; онъ многое могъ бы повѣдать г. директору о дѣлахъ реалистовъ, но цѣломудренно молчалъ. Здѣсь то въ лѣсу, на просторѣ, по преимуществу и процвѣталъ „ненавистный“ соціализмъ. На этотъ разъ собраніе оказалось особенно многолюднымъ. Проводы Гордіенка вышли на славу. На широкой полянѣ расположились и взрослые и даже малыши. По сторонамъ, какъ бы на стражѣ, стояли дубы и липы, и юнцамъ нечего было бояться недреманнаго ока начальства. Пусть бы оно даже появилось — несдобровать бы ему здѣсь!.. Пришли сюда буквально всѣ ученики послушать „гонимаго“ товарища. А этотъ товарищъ былъ до чрезвычайности скроменъ. Ему было непріятно, что всѣ пришли его провожать. Всѣ ждали, что онъ скажетъ что-либо особенное, выдающееся. Но у Сергѣя не было ничего такого особеннаго. Онъ хотѣлъ сказать товарищамъ самое обычное, самое простое. И онъ не могъ не сказать. Липы и дубы шумѣли, кругомъ била ключемъ жизнь. Трепетъ жизни чувствовался во всемъ. У Сергѣя сильно забилось сердце, когда онъ выступилъ. Взоръ его какъ бы молилъ о снисхожденіи.

— Вы хотите услышать отъ меня о соціализмѣ,—началъ Сергѣй не безъ смущенія.

— Да, о немъ—объ этомъ „пагубномъ ученіи“, по классификаціи директора... смѣялись нѣкоторые.

— Да, это ученіе дѣйствительно пагубно для всѣхъ темныхъ силъ...

— Подожди же, братъ Сергѣй!... кричалъ издали Вербицкій, поспѣшавшій что есть мочи съ цѣлымъ десяткомъ гимназистокъ.

Появленіе Вербицкаго нарушило торжественность собранія, кто-то... даже сострилъ:

—Вербицкій не забылъ захватить и Олю, спутницу жизни...

Сергѣй былъ какъ бы радъ передышкѣ. У него на лбу выступили капли пота отъ напряженія. Весь онъ былъ погруженъ въ мысль.

— Соціализмъ имѣетъ цѣлью водворить правду на землѣ,— началъ Сергѣй. Теперь вы понимаете, почему люди, живущіе неправдою, такъ сильно ненавидятъ соціализмъ... Всю суть соціализма можно выразить двумя текстами евангелія: „воздадите коемуждо по дѣламъ его „и“ кто не трудится, тотъ да не ястъ“.

— Сергѣй, оказывается, лучше знаетъ священные тексты, чѣмъ нашъ попъ!—сказалъ кто-то въ шутку, но остальная братія была настроена серьезно. Самъ Сергѣй повидимому напрягалъ сильно свою мысль, чтобы въ послѣдній разъ сказать что-либо интересное. Нужно было въ нѣсколькихъ словахъ сказать очень многое.

— Соціализмъ,—продолжалъ Сергѣй,—это забота человѣка о человѣкѣ, кто-бы онъ ни былъ,—забота общества о своихъ членахъ. И до сихъ поръ общество и государство заботились о людяхъ, но только не обо всѣхъ, а о богатыхъ и знатныхъ,—соціализмъ же требуетъ одинаковой заботы обо всѣхъ людяхъ. Онъ стремится создать усиліями общества и лучшихъ людей справедливый порядокъ жизни. Соціализмъ борется съ порядкомъ, возникшимъ давно еще на звѣриныхъ основахъ и уже не отвѣчающимъ теперешней природѣ человѣка... На этомъ словѣ Сергѣй остановился, прерванный возгласами: „именно, на звѣриныхъ основахъ“.

— Люди переросли эти основы—продолжалъ онъ,—и они прямо задыхаются въ тискахъ. Какъ ни печально, а нужно признать, вопреки мнѣнію нашего отца Ивана, что природныя свойства человѣка не божественныя, а звѣриныя. Человѣкъ поработилъ человѣка, поставивъ его въ бѣдственное положеніе... И, чтобы закрѣпить навѣки это положеніе, создалъ такіе же звѣриные законы и учрежденія. И такъ было на протяженіи тысячелѣтій. Порабощенные люди мало-по-малу утрачивали даже первоначальный человѣческій обликъ. Тѣмъ временемъ мысль человѣка росла и, какъ цвѣтокъ, развивалась,—человѣкъ становился человѣкомъ. Это былъ лучъ свѣта, освѣтившій до того времени темную жизнь людей. При свѣтѣ знанія представились во всей своей наготѣ и жизнь порабощеннаго люда, и всѣ вѣковыя неправды и всѣ бѣдствія людей. Невозможность жить и развиваться при такихъ порядкахъ ополчила лучшихъ людей на борьбу со всей этой неправдой; они стали бороться противъ порабощенія человѣка человѣкомъ; они хотятъ такой жизни, чтобы всѣ люди имѣли одинаковое право на жизнь и на счастье...—По мѣрѣ того, какъ Сергѣй развивалъ свою мысль, лицо его оживлялось и на полянѣ водворилась гробовая тишина. Послѣднія слова его звучали задушевностью и были прямо таки красивы; они вызвали цѣлый громъ аплодисментовъ, восторгъ юношества.

Сергѣй не смутился и продолжалъ. Въ этихъ борцахъ за всеобщее человѣческое счастье воплотилась вся мощь человѣческая и противъ нихъ ополчились всѣ темныя силы. А силъ этихъ тьма тьмущая. Онѣ и стали гасить каждый свѣтлый лучъ, чтобы поддерживать на землѣ тьму и порабощеніе людей. Властные и богатые и ихъ правительства всегда были готовы задушить борцовъ за новый соціальный строй—соціалистовъ. Они ихъ бросали въ тюрьмы, ссылали въ ссылку и, наконецъ, вѣшали... Съ тѣхъ поръ, какъ былъ казненъ родоначальникъ соціализма Бабефъ въ 1797 году, правительства всѣхъ странъ поднимали гоненія противъ этихъ великодушныхъ борцовъ за всеобщее человѣческое счастье на землѣ. Мысль объ этомъ счастьѣ и увѣренность въ правотѣ своего дѣла является путеводной звѣздой, освѣщающей ихъ многострадальный и тернистый путь...—Слова эти закончилъ Сергѣй, какъ апостолъ новаго ученія, которому былъ преданъ всей душей. Товарищи встали и почтили память погибшихъ борцовъ.

Гулъ голосовъ, шумъ деревьевъ наполнялъ души юношей какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Сергѣй былъ растроганъ. Со слезами на глазахъ онъ цѣловалъ товарищей и быстро двинулся въ дорогу. За нимъ долго слѣдовала братія, отдававшая ему какъ бы послѣдній долгъ.

— Такъ будемъ же, господа,—сказалъ уже съ дороги Сергѣй,—настоящими соціалистами...

— И настоящими товарищами!.. кто-то громко сказалъ изъ толпы.

Этими словами былъ законченъ самый ранній періодъ его жизни. Впереди предстояли уже серьезныя заботы.

Первые шаги служенія народу.

Сергѣй прошелъ десять верстъ, а въ груди у него осталась та же острая боль. Разставшись съ товарищами, онъ окунулся въ жизнь, какъ въ безбрежное море, и чувствовалъ свое одиночество, свое безсиліе. Поднявшись на вышку, откуда можно было обозрѣвать широкую даль, Сергѣй весь погрузился въ созерцаніе. Много разъ онъ раньше проѣзжалъ и проходилъ здѣсь, но почему-то ни разу эта картина не вызывала у него тѣхъ могущественныхъ впечатлѣній, которыя всплыли сегодня въ его встревоженной душѣ. Стоялъ прекрасный іюньскій день; нивы со спѣющими хлѣбами чередовались съ лугами, лѣсами и селами и все это можно было обозрѣвать съ высоты. Чарующій видъ природы тоже пробуждалъ работу мысли и Сергѣй теперь обладалъ способностью проникнуть въ самые сокровенные углы окружающей жизни. Онъ хотѣлъ въ своемъ воображеніи изобразить соціальную жизнь и этой мѣстности и всего края. Перебирая въ умѣ все, что онъ зналъ и наблюдалъ, и группируя разрозненныя факты, Гордіенко мало-по-малу мысленно представилъ себѣ жизнь родного края въ видѣ своеобразной картины—пирамиды. Внизу самую широкую, можно сказать, безграничную полосу занимаютъ безземельные и малоземельные крестьяне, подсусѣдки и рабочіе,—

все это черное человѣчество, трудящееся съ утра до ночи въ врязи, не имѣющее подчасъ чѣмъ наготу свою прикрыть. Оно вѣчно копается въ землѣ, но то, что добываетъ, изъ его рукъ уплываетъ вверхъ подъ чернымъ покрываломъ. У него же остается ломоть чернаго хлѣба, чашка картофеля и рюмка водки. Эти блага служатъ нерѣдко предметомъ спора, драки и даже убійства другъ друга. Немного выше стояла уже меньшая по объему группа настоящихъ крестьянъ и казаковъ; они были одѣты поприличнѣе и лица у нихъ были поосанистѣе. Ѣли они хлѣбъ настоящій; среди нихъ было меньше пьяныхъ, меньше драки и споровъ. За этою группою стояли крестьяне богатѣи, мелкопомѣстные дворяне и попы, а въ видѣ гостей здѣсь присутствовали становые и исправникъ. Група эта была ужъ совсѣмъ небольшая. Лица и животы здѣсь были посолиднѣе. Вся группа находилась за совмѣстной обильной трапезой, при чемъ явства въ значительной мѣрѣ притекали снизу отъ самой многочисленной группы. Притокъ этотъ совершался подъ чернымъ покрываломъ, которое держали одной рукой становой и исправникъ, а другою—попы. На самой же вышинѣ за роскошнымъ столомъ помѣстилась семья здѣшняго сіятельнаго графа, потомка Екатерины, владѣвшаго десятью тысячами десятинъ. Здѣсь за обильной трапезой помѣщался и губернаторъ, и митрополитъ, и самъ министръ. Всѣ они одною рукой кушали, а другою поддерживали то же черное покрывало, подъ которымъ явства притекали снизу. Вся пирамида окружена цѣпями и сѣтями, на подобіе того, какъ окружаютъ ими памятники воинамъ-героямъ, вставляя въ цѣпь пушки и штыки. Большая часть пирамиды, особенно вся нижняя ея часть, была окутана напущеннымъ туманомъ. И въ этомъ туманѣ, во mракѣ, едва видимая чья-то—не то человѣческая рука, не то звѣриная лапа; она тащила что есть мочи явства и питія со столовъ куда-то въ пространство, откуда исходитъ туманъ и другія бѣдствія для людей. Эта рука забирала больше внизу, гдѣ было больше темноты и тумана и гдѣ звѣроподобная жизнь людей была полна несогласія и раздора... И эти яства и питія и руки и лица людей были обагрены кровью. Окровавленными руками люди вырывали другъ у другъ хлѣбъ и таскали другъ друга по тюрьмамъ и вертепамъ... Картина эта была бы слишкомъ тяжела и безотрадна, если бы въ сторонѣ ея не виднѣлось восходящее солнце, которое своими живительными лучами мало-по-малу разгоняло туманъ. Люди подъ вліяніемъ свѣта увидѣли всю неправду своего существованія, всю наготу своей жизни. Особенно много свѣтъ сдѣлалъ внизу, гдѣ эти почти дикіе люди увидѣли, какъ они страшно отстали отъ тѣхъ, что сидѣли на ихъ спинахъ сверху.

Собравшись съ силами и сомкнувшись въ ряды, это человѣчество двинулось *великимъ* шествіемъ вверхъ...

И Гордіенку страшно захотѣлось дожить и увидѣть собственными глазами это побѣдоносное шествіе вверхъ забитаго и забытаго люда. Ему казалось, что мѣрѣ того, какъ массы будутъ подыматься побѣдоносно вверхъ, къ нимъ будутъ по пути присоединяться и всѣ тѣ, что были до тѣхъ поръ наверху. И такимъ образомъ уничтожатся всѣ перегородки между людьми и настанетъ гармоническая жизнь, въ которой всѣ люди будутъ братьями...

Съ этой картиной гармонировала чудная природа, окружавшая Сергѣя, и онъ спрашивалъ себя: почему въ природѣ все устроено такъ цѣлесообразно и красиво и почему въ жизни человѣческой, въ жизни разумныхъ существъ, нѣтъ этой гармоніи и красоты? Сергѣю при этомъ вспомнились слова поэта:

Почему подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Вопросъ, почему существуютъ всѣ эти неправды, не выходилъ изъ юной головы. Раньше Сергѣй вѣровалъ въ божественный порядокъ. Но чѣмъ онъ больше задумывался надъ этимъ, тѣмъ больше убѣждался въ отсутствіи такого порядка: самое божество человѣкъ создалъ своимъ воображеніемъ. И человѣкъ послѣ этого получился въ глазахъ Сергѣя страшно одинокимъ. Люди казались ему какъ бы случайными, слабо мерцающими искрами, безцѣльно брошенными на произволъ неумолимой стихіи. Борьба слѣпыхъ и темныхъ силъ только изрѣдка озарялась разумомъ человѣка. И человѣкъ этотъ съ его бѣдствіями сталъ центральнымъ мѣстомъ въ жизни Сергѣя, на него и на его всемогущій разумъ онъ перенесъ свою вѣру. Внутри самого человѣка онъ началъ искать силъ для установленія порядка человѣческой жизни.

Сергѣй шелъ долго и долго думалъ. Какимъ образомъ освѣтить жизнь этихъ народныхъ массъ,—думалъ онъ,—и сказать имъ: встаньте и идите вверхъ туда, куда уходятъ вѣками результаты вашего труда?.. Сергѣй перебралъ всѣ средства и долженъ былъ прійти къ заключенію, что этого сдѣлать нельзя. Какъ бѣдствовалъ народъ, такъ и будетъ долго еще бѣдствовать... Таково было рѣшеніе юноши и онъ сильно усталъ подъ тяжестью этихъ думъ. До Тарасовки оставалось еще много; онъ сѣлъ на межѣ и задумался надъ тѣмъ, что же дальше дѣлать? Учиться, или идти работать, подымать спящее человѣчество. У него были только эти два пути. Полуголодное существованіе, какое Сергѣй велъ въ городѣ, не особенно привлекало его опять туда же... Города онъ вообще не любилъ; онъ былъ чуждъ ему. Одно лишь только Сергѣй цѣнилъ въ городѣ—это книги. Книга служила свѣточемъ въ его жизни.

Сидѣлъ онъ долго на межѣ. По сторонамъ стояли нивы, надъ ними высоко подымался жаворонокъ, щебеталъ перепелъ; вѣтеръ катилъ волны спѣющей пшеницы, но до всего этого Сергѣю какъ бы не было никакого дѣла. Онъ жилъ въ сферѣ человѣческихъ бѣдствій, среди своихъ думъ.

— Сергѣй, что ты такъ задумался? окликнулъ его голосъ проѣзжаго. Сергѣй поднялъ голову и увидѣлъ одного изъ Ивановъ—тарасовскихъ парней, работавшихъ въ сосѣдней экономіи. Иванъ ѣхалъ на возу, а сзади была цѣлая валка такихъ же возовъ, возившихъ навозъ.

— Усталъ навѣрное, — заговорилъ Иванъ, не дождавшись отвѣта,—садись, подвезу до экономіи. Сергѣю была пріятна встрѣча съ Иваномъ, съ которымъ онъ учился въ земской школѣ, и онъ сѣлъ на возъ, на которомъ остались слѣды навоза.

— Что жъ, Иванъ,—сказалъ Сергѣй, глядя пристально въ глаза парню,—разошлись мы съ тобой. Ты вотъ уже десятокъ лѣтъ работаешь, а я до сихъ поръ учусь.

— Да, работаю...— сказалъ Иванъ и вздохнулъ,—видишь, какая наша работа... на пановъ работаемъ... у отца не на чемъ работать.

— Вижу—отвѣтилъ Сергѣй. —Ты кажется и въ Херсонщину ходилъ на заработки?

— Да, ходилъ,—сказалъ неохотно Иванъ.—Тутъ не хватаетъ на всѣхъ работы.

— А гдѣ лучше работать? спросилъ Сергѣй.

— Вездѣ хорошо нашему брату—отвѣтилъ Иванъ. Дома все-таки лучше... Въ воскресенье, въ праздникъ тутъ и въ Тарасовку пойдешь и на душѣ легче: все свои люди, да и работа легче, а тамъ просто страшно бываетъ самому... Я работалъ у нѣмцевъ; вотъ выжимаютъ соки у нашего брата, будь они прокляты!..

И Иванъ плюнулъ, махнувъ рукой. Стоитъ ли объ этомъ говорить,—сказалъ онъ.

—Лучше, Сергѣй, разскажи, что ты будешь дѣлать, какъ окончишь науку?

— Служить буду вашему брату,—не безъ затрудненія отвѣтилъ Сергѣй.

Иванъ удивился такому отвѣту. Служить нашему брату? Онъ даже переспросилъ его.

— Буду служить народу,—повторилъ Сергѣй,—буду его учить, наставлять, буду бороться съ панами...

Иванъ помахалъ головой.—Трудно, Сергѣй,—сказалъ онъ,—народъ нашъ темный... паны съѣдятъ тебя живьемъ, проклятые они... ты еще ихъ хорошо не знаешь.

—Знаю,—отвѣтилъ Сергѣй,—но нужно же когда-нибудь начинать эту работу или, по твоему, все это такъ и должно оставаться во вѣки вѣчные?

— Вѣроятно, такъ оно всегда будетъ, — отвѣтилъ Иванъ, сворачивая съ дороги, чтобы дать мѣсто экипажу съ владѣльцемъ и цѣлой его семьей, и снимая шапку.

— Нѣтъ, не будетъ,—сказалъ Сергѣй. Всѣ они будутъ работать, а имѣнія ихъ будутъ принадлежать народу.

— Какая ихъ работа, — и Иванъ махнулъ рукой. Нашелъ, молъ, работниковъ, нечего сказать.

—Пусть бы они не работали, Богъ съ ними, съ ихъ работой,—сказалъ Иванъ,—смотрѣли бы они на насъ, какъ на людей, и этого было бы достаточно для насъ. Теперь же нашъ братъ въ ихъ глазахъ все равно, что скотина... Посмотрите въ нашей экономіи, какъ мы живемъ, что ѣдимъ, гдѣ спимъ... Знаешь, Сергѣй, рядомъ съ нами стоитъ псарня и тамъ содержится десятка два собакъ для охоты,—вѣрь моей совѣсти, что у собакъ лучше помѣщеніе и пища лучше, и для пановъ ихъ собаки далеко цѣннѣе, чѣмъ десять такихъ Ивановъ, какъ я.

— Твоя правда,—сказалъ Сергѣй,—вотъ и нужно бороться съ такой неправдой..

Иванъ снова махнулъ рукой.—Борись, какъ хочешь, а они все-таки тебя съѣдятъ,—сказалъ онъ, наконецъ, и сталъ сворачивать въ панскій дворъ. Сергѣй соскочилъ, и на прощанье сказалъ: приходите всѣ вы завтра на леваду... будемъ толковать.

— Хорошо, придемъ... И лицо Ивана, все время мрачное, какъ бы чѣмъ-то озарилось.

Сергѣй снова шелъ и думалъ, думалъ о рѣчахъ Ивана. Въ сущности онъ былъ правъ. Какъ ты начнешь работу въ народѣ? спрашиваетъ онъ самъ себя,—темный онъ и неподвижный. И то правда, что паны съѣдятъ нашего брата. Они сплочены и организованы. И снова получилось у него безвыходное положеніе, и снова юноша весь уходилъ въ мысль и снова онъ отдыхалъ на межѣ. Домой онъ не спѣшилъ; ему хотѣлось подольше оставаться со своими мыслями. Но этимъ мыслямъ мѣшали проѣзжіе, обычно оказывавшіе большое вниманіе Сергѣю. Чрезъ нѣсколько времени Сергѣй снова очутился на возу, но на этотъ разъ его спутникомъ оказался штундистъ, крестьянинъ Тарасовки.

Узнавши отъ Сергѣя, что онъ будетъ вести борьбу съ панами, штундистъ одобрилъ эту мысль... Только не одни ужъ паны во всемъ виноваты—добавилъ онъ,—а попы, а становые,—все это одно кодло... Штундистъ, впрочемъ, скоро перемѣнилъ разговоръ: его интересовало царство Божіе и онъ завалилъ вопросами Сергѣя на этотъ счетъ.

— Сами они, эти господа, царствуютъ здѣсь—сказалъ Сергѣй, а вашего брата отсылаютъ вонъ туда... И Сергѣй указалъ на небо. Оно было ясное, прозрачное и синее.

— А развѣ тамъ ничего нѣтъ? Спросилъ штундистъ.

— Есть тамъ планеты, звѣзды, которыя вы видите ночью, —но нѣтъ тамъ никакого царства...Гибнете вы здѣсь... и на этомъ дѣло и окончится... Не безъ грусти сказалъ Сергѣй, которому всегда было жаль отнимать у бѣдняка его послѣднюю надежду.

Штундистъ былъ пораженъ такимъ отвѣтомъ.

— Неужели на небѣ ничего нѣтъ, кромѣ звѣздъ?

— А нѣтъ,—заявилъ Сергѣй—теперь небо хорошо изучено съ помощью телескопа.

— Да не можетъ быть,—сказалъ штундистъ,—здѣсь пропадаемъ и чтобъ намъ не было тамъ облегченія... При этомъ взоръ крестьянина какъ бы молилъ объ облегченіи.—Сергѣй молчалъ, онъ понималъ тяготу этого люда.

— Человѣкъ долженъ искать облегченія здѣсь на землѣ,— сказалъ онъ, наконецъ,—онъ долженъ устроить царство здѣсь... Такъ думали и первые христіане, они надѣялись, что Христосъ въ самомъ скоромъ времени спустится во всей своей славѣ на облакахъ и устроитъ чудное земное царство, въ которомъ будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними. Царствіе это не наступило, и попы съ панами перенесли его на небо... Сами же они здѣсь хорошо устраиваются.

— Это сущая правда,— сказалъ крестьянинъ, но насчетъ облегченія онъ все-таки оставался при своемъ мнѣніи. Жаль было ему разставаться съ этимъ убѣжденіемъ.

Рѣчь была окончена, такъ какъ Сергѣй долженъ былъ своротить влѣво. На прощанье Сергѣй и штундиста пригласилъ на леваду на завтрашній день. Тарасовка была какъ на ладони. Вся она утопала въ зелени. Безчисленное множество хатъ, клунь и повитокъ растянулось вдоль рѣчки, которая между ними извивалась какъ змѣйка. Хата вдовы Гордіенчихи стояла на краю села на западѣ. Ея садъ и левады замыкали Тарасовку. Сергѣй не любилъ ходить черезъ все село и пошелъ межами (по-за-селомъ). Здѣсь онъ продолжалъ свои думы. Глядя на Тарасовку, Сергѣй подумалъ: Нѣтъ, не соблазнишь ты меня этою призрачною зеленью, —знаю я твои богатства... Вмѣсто плодовыхъ деревьевъ растутъ вербы и осокори, даже вмѣсто травы настоящей растетъ крапива. Вся эта зелень, всѣ эти и покосившіяся и прямо стоявшія хаты только прикрываютъ наготу жизни... Гордіенко дважды совершалъ подворную перепись своей Тарасовки—одинъ разъ, по собственной иниціативѣ, а другой—по порученію земства. Всѣхъ батраковъ и всѣхъ безлошадныхъ онъ зналъ наперечетъ. Теперь, когда онъ въ своемъ умѣ воскрешалъ эту страшную нищету, самъ онъ устрашился ея и рѣшилъ, что жить спокойно при данныхъ условіяхъ онъ не можетъ и не долженъ. Раньше еще были колебанія: не поселиться ли здѣсь, завести плодовый питомникъ, общинную обработку крестьянской земли, —думалъ онъ. Теперь этимъ мыслямъ не было мѣста. Эта крестьянская земля была сосредоточена въ рукахъ богатѣевъ, большинство крестьянъ, кромѣ рабочихъ рукъ да жалкаго жилища, ничего не имѣли.—Какъ помочь этому люду?—спрашивалъ самъ себя Сергѣй и не находилъ никакого отвѣта. Всѣ эти мысли Сергѣй долженъ былъ бросить только въ виду своей усадьбы. Усадьба ихъ выдѣлялась среди другихъ. Отецъ Сергѣя былъ хорошимъ садовникомъ и всю усадьбу засадилъ плодовыми деревьями, да и постройки свидѣтельствовали о заботливой хозяйской рукѣ. Усадьба эта, замыкавшаяся съ одной стороны рѣчкой, а съ другой—лугами, была дѣйствительно привлекательнымъ уголкомъ. Но и здѣсь была оборотная сторона медали. Вдова Гордіенчиха была женщиной съ большимъ гоноромъ, какъ выражались крестьяне. Ея жизнь, жизнь покойного ея мужа и жизнь сына наполовину была погублена тѣмъ, что она была мелкопомѣстной дворянкой. Отецъ Сергѣя былъ наймитъ изъ Хливной и она имѣла несчастье выйти замужъ за „хама“. Тутъ произошла непоправимая ошибка. И Сергѣй былъ жертвой этой ошибки; онъ былъ съ дѣтства свидѣтелемъ семейнаго разлада. Наймитъ „съ батька и дида“, отецъ Сергѣя былъ, кромѣ того „примакомъ“, поселившимся на имуществѣ своей родовитой жены. Это положеніе сдѣлало его нетребовательнымъ и покорнымъ своей судьбѣ. Классовая ненависть, впитавшаяся вѣками въ плоть и кровь, здѣсь должна была проявиться во всей своей наготѣ. Та грязь, которая накопилась въ человѣческой душѣ, здѣсь выливалась въ теченіе всей юношеской жизни Сергѣя.

Онъ былъ свидѣтелемъ грубаго издѣвательства человѣка надъ человѣкомъ. И вотъ мало-по-малу на его глазахъ умиралъ его отецъ съ кличкой „наймытъ изъ Хливной“,—умиралъ потому, что онъ ничего не имѣлъ и былъ „подлаго происхожденія“... И когда Сергѣй былъ въ пятомъ классѣ, онъ умеръ,— умеръ, не повидавши въ послѣдній разъ своего сына, который у него былъ единственнымъ свѣтлымъ лучемъ въ его жизни. Сергѣй спѣшилъ, что есть мочи, но пока дошелъ домой, отна уже поторопились похоронить. Такъ онъ и не увидалъ въ послѣдній разъ человѣка, заложившаго въ него все лучшее и бывшаго виновникомъ его жизни. Сергѣй никогда не забудетъ этого страшнаго дня... Съ этихъ поръ онъ—круглый сирота на свѣтѣ. Некому излить свое горе, некому и понять его! Вотъ почему въ его жизни важную роль играли товарищи и такъ много любви онъ отдавалъ имъ. Этимъ объясняется и горячая любовь Сергѣя ко всему обездоленому человѣчеству. „Наймытъ изъ Хливной“, столбовая дворянка и грунты—играли главную роль въ этой безконечной драмѣ. Драма эта, въ концѣ концовъ, поселила въ его душѣ разладъ и ненависть ко всѣмъ богатымъ и знатнымъ. Душевный разладъ юноши увеличивался въ Тарасовкѣ, гдѣ онъ испыталъ раннія страданія и онъ отсюда старался убѣгать.

Вотъ и теперь,какъ только онъ переступилъ порогъ усадьбы,Сергѣй какъ бы пересталъ быть человѣкомъ и мысль его не подымалась выше самыхъ простыхъ вещей.

На огородѣ жали жито ихъ сосѣди, Якимъ и Степанъ. Они были обычными поденщиками. Вся ихъ задача въ теченіе лѣта заключалась въ томъ, чтобы зимой насытить чуть ли не десятки ртовъ. Вотъ и теперь они безпрестанно нагибались съ серпами въ рукахъ. Лица и спины ихъ были въ поту. На этихъ лицахъ нельзя было прочесть ни одной мысли. Появленіе Сергѣя вызвало у нихъ неподдѣльную радость.

— Тарасовцы ужъ давно васъ ждутъ,—сказали жнецы,—на васъ только и надежда: всѣ дошли до краю.

— Ждутъ,—грустно отвѣтилъ Сергѣй,—но я ничего не могу помочь... Приходите, впрочемъ, завтра на леваду, будемъ толковать...

Рѣчь была прервана появившеюся Гордіенчихою, которая обычно обмѣряла здѣсь каждый нажатый снопъ. Она была недовольна на сына, тяготѣвшаго всегда къ этому „подлому“ народу. Сына она готовила для высшаго чистаго общества, а онъ все спускался въ низы, какъ бы наперекоръ матери.

— Съ хамами здороваешься, а мать позабылъ,—сказала Гордіенчиха, приблизившись къ сыну.

— Сергѣй молча подалъ матери аттестатъ объ окончаніи училища. Увидѣвъ эту бумагу, она забыла всѣ грѣхи Сергѣя и пожалѣла о томъ, что не послала лошади за нимъ.

— Съ этимъ аттестатомъ далеко ли тебѣ до дворянства? спросила Гордіенчиха.

— Сергѣй никогда этимъ вопросомъ не интересовался и не могъ отвѣтить на вопросъ матери, которая рѣшила немедленно выписать его изъ мужичьяго званія.

Слуги Гордіенчихи, Омелько и Параска, сидѣли за своимъ скромнымъ полдникомъ, когда появился въ домѣ Сергѣй, несшій всегда съ ними общую участь. И мать черезъ четверть часа застала всѣхъ ихъ за столомъ. Слуги скоро ушли, остались только сынъ и мать.

— Стилько на тебе работаю,—стала упрекать Гордіенчиха сына,—а ты мене ни за що не маешь, считаешь хуже цихъ хамовъ.

— Вотъ этого разговора я больше слушать не буду,—категорически заявилъ Сергѣй.

И въ одну минуту онъ вспомнилъ всю свою жизнь въ этомъ домѣ, жизнь отца, и горько заплакалъ.

Весь день у него былъ какой-то тяжелый и здѣсь онъ не могъ вытерпѣть этого вѣчнаго спора о хамахъ и не хамахъ. Двадцать лѣтъ прошло, какъ пало крѣпостное право, но здѣсь, въ этихъ богоспасаемыхъ мѣстахъ, оно жило во всей своей неприкосновенности, и бѣлая кость ни за что не хотѣла смѣшаться съ черною.

— Послѣднюю копѣйку положила на тебя, чтобы вывести въ люди,—говорила Гордіенчиха,—а ты и знать не хочешь матери.

Сергѣй хорошо зналъ, откуда шли тѣ гроши, на которыя онъ учился. Изъ-за его науки нѣсколько душъ такихъ, какъ Омелько и Параска, не доѣдали и жили, какъ скоты въ берлогѣ. При этой мысли у Сергѣя невольно вырвалось проклятіе этому подлому строю.

— Будь они прокляты и эти деньги и эти грунты и эти почести, которыхъ вы хотите для меня,—сказалъ, наконецъ, Сергѣй.—Я хотѣлъ бы быть только человѣкомъ и работать на людей.

— Эти твои люди сидятъ у меня въ „печинкахъ",—сказала Гордіенчиха.—Кто же тебя выростилъ? Не мать ли? И зачѣмъ тебѣ эти люди?

На этомъ разговоръ прекратился и Сергѣй отправился на помощь Омельку, который оканчивалъ возку сѣна съ левады.

Вотъ онъ стоитъ на возу, укладывая сѣно, которое подавалъ Омелько. Ихъ вороной стоитъ въ оглобляхъ точно такъ, какъ въ стихотвореніи „Пахнетъ сѣномъ надъ лугами". Семь лѣтъ подъ рядъ Сергѣй поспѣвалъ на эту запоздалую возку сѣна. Но раньше, когда былъ отецъ, онъ жилъ настоящею жизнью. И отецъ, и Омелько, и онъ всегда были неразлучны. Повозивъ сѣно, они брались за серпы. Жатва доставляла имъ много удовольствія. Бывало, они сядутъ отдохнуть на снопахъ и отецъ учитъ сына имѣть душу и не давать въ „поталу" панамъ своего же брата.—„Будь сыну,—говорилъ отецъ,—какъ тотъ Кобзарь, что всю жизнь пѣлъ про жизнь своего же брата. Эти воспоминанія до того заполнили мысль Сергѣя, что онъ работалъ коскакъ, едва не полетѣвъ съ воза. Сергѣю стыдно стало предъ Омелькомъ за свою оплошность.

— Много хлопотъ у васъ въ головѣ,—сказалъ Омелько.

— Да, много,—потвердилъ Сергѣй.—Теперъ я долженъ начинать работу для людей...

— А люди все ждутъ васъ и надѣются... сказалъ Омелько.

Уже солнце скрылось за далекими вербами, уже колоколъ давно призывалъ къ вечернѣ, а наши юноши все еще оканчивали стогъ сѣна. Вотъ и череда прошла, поднялись облака пыли. На дворѣ появилась корова Машка, которую Сергѣй зналъ столько лѣтъ, сколько учился въ училищѣ, и ея дочка. Десятка два овецъ были такъ голодны, что ѣли колючки, росшіе подъ заборомъ. Шествіе замыкала хавронья съ цѣлымъ десяткомъ поросятъ. Съ рѣчки потянулись гуси, утки.

Все имущество вдовы Гордіенчихи было въ сборѣ. Всѣ эти живыя существа, своими движеніями наполнявшія дворъ, напоминали всю жизнь Сергѣю. Онъ привыкъ ихъ видѣть съ дѣтства, когда они составляли часть его жизни. Теперь онъ долженъ уходить „на работу“ и кто зналъ, вернется ли онъ опять сюда или погибнетъ, какъ погибали другіе работники. И жаль ему разставаться. Даже въ данный моментъ его поражало то согласіе, въ которомъ жили всѣ эти существа, и привязанность ихъ къ нему.

Еще черезъ часъ все замолкло; дворъ опустѣлъ. На горизонтѣ появился мѣсяцъ. Жаръ смѣнился прохладой. И Сергѣй отправился съ Омелькомъ на рѣчку. По мѣрѣ того, какъ они спускались внизъ, Сергѣй погружался въ міръ воспоминаній. Здѣсь въ саду, раскинутомъ въ виду рѣчки, и на самой рѣчкѣ протекло его дѣтство, одинокое и замкнутое. Но съ дѣтства у него былъ и товарищъ, который здѣсь оставилъ слѣдъ въ его памяти. Вотъ онъ подросткомъ учится въ земской школѣ. Тамъ же училась и его ровестница, Марьяна—такая же любительница книгъ и науки, какъ и онѣ. Живая и впечатлительная, она подавала большія надежды. Родители ея были значительно богаче и предназначали ее для высокаго круга; тѣмъ не менѣе она любила Сергѣя. И вотъ ежегодно онъ поспѣшалъ къ Ивану Купайлу, чтобы присутствовать при торжествѣ пусканія вѣнковъ. Марьяна тоже пріѣзжала изъ прогимназіи. И здѣсь они встрѣчались. Это былъ настоящій отдыхъ послѣ тревогъ школьной жизни...

— Теперь и это потеряно... — съ страшною болью проговорилъ Сергѣй. Ему, какъ бы наяву, представились всѣ эти вечера и теперь онъ весь перенесся въ прошлое. Вотъ послѣдній вечеръ — такой чудный и дивный по красотѣ природы. Рѣчка была спокойна въ своихъ зеленыхъ берегахъ. Ночь тиха, небо безоблачно и кругомъ масса зелени. На пригоркѣ, на роскошной травѣ расположилось возлѣ вкопанной ели, освѣщенной разноцвѣтными огнями, общество парней и дѣвушекъ. Душею этого общества были Сергѣй и Марьяна, которая уже въ прошломъ году окончила прогимназію. Это была здоровая, красивая дѣвушка. При встрѣчѣ съ Сергѣемъ она его даже поцѣловала. То былъ первый и единственный ея поцѣлуй. Сколько невинности и чистоты было въ немъ..—подумалъ Сергѣй. Онъ какъ сейчасъ помнитъ серьезное и очень грустное лицо Марьяны, которая не была прежнею безпечною дѣвушкою. На нее уже жизнь наложила печать страданія.

— Ты забылъ Марьяну...—говорила она Сергѣю укоризненно,—и совсѣмъ потеряешь ее...

— Нѣтъ, не забылъ,—отвѣчалъ Сергѣй,—все былъ занятъ —учился и работалъ.

— Учился главнымъ образомъ соціализму...—какъ-то странно сказала Марьяна.

— И соціализму учился,—сказалъ Сергѣй, а развѣ что? преступно учиться соціализму?.

— Если бы ты зналъ, что о тебѣ въ окрестности говорятъ... какъ бы со страхомъ сказала Марьяна.

— Это у твоего папаши!—и Сергѣй громко разсмѣялся. Отецъ Марьяны былъ отъявленнымъ крѣпостникомъ. Въ молодости онъ служилъ становымъ и расширилъ свои грунты. Теперь онъ былъ поклонникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и страшный врагъ соціализма.

„Всѣхъ ихъ перевѣшать“—таковъ былъ его девизъ. Такъ какъ онъ ни разу нигдѣ не встрѣчалъ ни единаго соціалиста, а судилъ о нихъ только по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, поэтому въ домѣ Марьяны соціалисты изображались хуже, чѣмъ разбойники, развратники и пр.

— У васъ тамъ собираются всѣ эти знатные,—сказалъ Сергѣй,—интересно, что они обо мнѣ говорятъ.

— Что говорятъ? переспросила Марьяна.—Самъ ты хорошо знаешь... Они ждутъ перваго твоего шага, чтобы схватить.

— Ну, на этотъ счетъ ты ихъ можешь успокоить,—проговорилъ Сергѣй,—готовъ уйти на все лѣто къ Криницкому, а имъ не дамся...

— Къ Криницкому? удивленно спросила Марьяна.—А ты развѣ не знаешь, что недавно его жену засудили въ каторгу на 20 лѣтъ... и ты не боишься ихъ?

— Знаю... повторилъ Сергѣй и засмѣялся.—Да чего же бояться?

— Криницкій—лучшій человѣкъ, какого я только зналъ. Я съ нимъ только разъ встрѣчался, но это святая душа, а не человѣкъ...

— Но ты жены его не зналъ?—спросила Марьяна.

— Ея я не зналъ, но разъ ее сослали на каторгу, значитъ, была порядочнымъ человѣкомъ...

— Она бунты устраивала...—сказала Марьяна,—и мужа бросала и маленькую дочку бросила и за соціалистами пошла... говорятъ, что всѣ эти соціалисты распутные... и всѣ они въ Бога не вѣруютъ... ни во что не вѣруютъ...

Сергѣй только покачалъ головой.—Представляю я себѣ рѣчи всей этой компаніи...—сказалъ онъ. Я бы убѣжалъ отъ нихъ, куда глаза глядятъ...

— Да куда же убѣгать, скажи пожалуйста?

— Поступай учительницей,—сказалъ Сергѣй,—учи народъ...

— Такъ то легко „поступай учительницей“ ... — Попробуй—уговорить отца.

— Да я бы съ твоимъ отцомъ не сталъ бы и говорить...

— А отецъ о тебѣ вотъ тоже самое говоритъ. Кто изъ васъ правъ, я не могу этого рѣшить...—печально проговорила Марьяна.

— И тебѣ, Марьяна, не стыдно слушать такихъ душителей?..

— Онъ—мой отецъ, и онъ страшно боится соціалистовъ и я ихъ боюсь...—сказала Марьяна,—особенно съ тѣхъ поръ, какъ они царя убили... Марьяна остановилась на этомъ словѣ, а потомъ, какъ бы съ мольбой, обратилась къ Сергѣю. Умоляю тебя, откажись ты отъ своего соціализма... Правда ли, что ты соціалистъ? Марьяна съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта.

— Къ сожалѣнію, это правда,—сказалъ Сергѣй. Еще въ прошломъ году вся эта компанія, собирающаяся въ вашемъ домѣ, на меня лгала, а теперь я соціалистъ и соціалистъ навсегда...

— И для меня,—и для Марьяны ты не откажешься?...

— Я, откажусь отъ соціализма?... удивленно проговорилъ Сергѣй.—Это мой богъ—это моя вѣра... какъ я могу отказаться, да и зачѣмъ?... Если и ты порядочный человѣкъ, и если у тебя есть душа, то и ты должна перейти къ намъ... Одно изъ двухъ, Марьяна, или къ намъ, или въ лагерь ликующихъ, всѣхъ этихъ помѣщиковъ, графовъ, становыхъ и поповъ—паразитовъ и душителей народа...

— А вѣдь правда же, что соціалисты хотятъ убивать всѣхъ дворянъ, всѣхъ богатыхъ?...

— Это неправда.—Соціализмъ—это ученіе мира, а не войны, и если соціалистамъ приходится прибѣгать къ оружію, то только потому, что иныхъ мѣръ у нихъ нѣтъ... И какъ тебѣ, Марьяна, всего этого не знать и имѣть такія дикія понятія?... съ грустью сказалъ Сергѣй.

— Когда убили царя, я семь ночей подъ рядъ не спала—я страшно боялась... „убійцы они“—всѣ такъ говорятъ на нихъ.

— Кто же всѣ? спросилъ Сергѣй.—Ваша начальница, твой отецъ?

Болѣе человѣчного ученія, чѣмъ соціализмъ, нѣтъ на свѣтѣ... Познакомся прежде, а потомъ говори... Сергѣй покачалъ головой. Нѣтъ, послѣ этого не бывать мнѣ въ вашемъ домѣ... Ты, конечно, не состояніи бросить этихъ паразитовъ, высасывающихъ кровь народа... ты не способна жить своимъ умомъ...

— Нѣтъ, Сергѣй, не обижай меня: я живу своимъ умомъ... Если бы ты зналъ, какъ мы съ папой страдали послѣ 1 марта, и я хочу все-таки узнать отъ тебя—правда ли, что соціалисты убили царя?...

— Однимъ словомъ на этотъ вопросъ отвѣтить нельзя... серьезно сказалъ Сергѣй.—Это цѣлая исторія, которая теперь не можетъ быть еще и описана... Единственно, что я могу тебѣ сказать: прочитай внимательно судебный отчетъ объ этомъ дѣлѣ...

— Читала я, много разъ читала и даже плакала...

— И я тоже плакалъ и теперь готовъ заплакать: жаль мнѣ людей... людей, какіе только могутъ быть люди...

Интересно, однако, узнать, гдѣ ты читала объ этомъ—не въ „Московскихъ ли Вѣдомостяхъ“ или въ „Свѣтѣ“?. Эти перлы у васъ тамъ процвѣтаютъ?

— Не только въ этихъ газетахъ, — сказала Марьяна,—въ „Нивѣ“ читала.

— Послѣ чтенія такихъ газетъ, мнѣ нечего говорить... Сергѣй снова махнулъ рукой. Все это гады нашего народа...

— А „Нива“ развѣ не хорошая газета?

— Про „Ниву“ этого я не скажу... Но и въ этихъ „Нивахъ“, на которыхъ растутъ только плевелы, прихлебатели исказили истину въ угоду правительству... У васъ большіе поклонники правительства, - обратись ты лучше всего къ первоисточнику, къ „Правительственному Вѣстнику“... онъ есть у вашего знакомаго станового... и тамъ прочти внимательно всѣ показанія обвиняемыхъ и рѣчи защитниковъ и пойми еще и то, что тамъ не написано и не можетъ быть написано... И только тогда суди...

Этотъ споръ далеко отвлекъ молодыхъ людей отъ пусканія вѣнковъ. Онъ былъ прерванъ громкимъ призывомъ всей компаніи.

— Твой вѣнокъ, Марьяна, поплылъ прямо къ тому берегу...—весело кричали дѣвушки.—Сколько мы его къ своему берегу ни привертывали, а онъ все отъ насъ—къ тому берегу... Хохотъ молодежи былъ всеобщій.

Было уже слишкомъ поздно. На этомъ и окончилась эта первая ранняя любовь. Между Сергѣемъ и Марьяной враждебной стѣной сталъ извращенный до неузнаваемости „Московскими Вѣдомостями“ и помѣщиками соціализмъ.

Прошелъ съ тѣхъ поръ цѣлый годъ, но у Сергѣя въ груди повернулось что-то острое и больное при одномъ воспоминаніи объ этой послѣдней встрѣчѣ. Сергѣй, впрочемъ, не былъ сторонникомъ личнаго счастья, но ему страшно хотѣлось имѣть человѣка, котораго онъ любилъ бы...—Пусть бы такой человѣкъ былъ на свѣтѣ и мнѣ было бы легче жить...—подумалъ онъ, наконецъ.

— А что Марьяна не вышла еще замужъ? спросилъ Сергѣй Омелька.

— Какъ же, вышла за станового, — отвѣтилъ Омелько,—и ваша мамаша гуляла на свадьбѣ... свадьба была на славу...

Омелько еще что-то говорилъ, но Сергѣй его не слушалъ.

Онъ весь снова погрузился въ думу. Жаль было ему и Марьяны и дѣла, которому она могла бы служить.—Темная сила обманула ее и захватила въ свои руки...—подумалъ Сергѣй. И виною этою былъ самъ Сергѣй. Увлекшись соціализмомъ, онъ забылъ про Марьяну, находя нечестнымъ затѣвать любовныя исторіи въ такое время, когда лучшіе люди, боровшіеся за народное благо, томились по тюрьмамъ и въ ссылкѣ и когда самъ народъ не имѣлъ насущнаго. Только теперь Сергѣй понялъ узость такого взгляда и невольно содѣянное имъ зло. Марьяна была потеряна прежде всего, какъ работница для народа. Нѣсколько поколѣній выросло на народныхъ спинахъ, изъ сотенъ и тысячъ только одинъ человѣкъ могъ заплатить долгъ, но и онъ по непростительной небрежности пошелъ въ лагерь паразитовъ, чтобы увеличивать и безъ того большой составъ сидящихъ на хлѣбахъ у народа.—Вырвать его оттуда и обратить на путь истины...—такова была мысль Сергѣя, сильно уставшаго и изстрадавшагося за этотъ день.

Родина Марьяны — „Войниловича Пріютъ“ выросъ, какъ грибъ. Этотъ красивый уголокъ имѣлъ свою исторію. Воля и слѣдовавшія за нею „трудныя времена“ застаютъ здѣсь барскій домъ съ большими протекціями и цѣлый десятокъ безформенныхъ лачугъ крѣпостныхъ. Самъ Войниловичъ во цвѣтѣ лѣтъ былъ блестящимъ капитаномъ, промѣнявшимъ свой военный стягъ на должность станового.

Началась чистка „гадючниковъ“. Крѣпостные по обыкновенію надѣла не получили въ силу закона о мелкопомѣстныхъ дворянахъ. Часть ихъ пошла въ Херсонщину на казенныя земли, а часть переселилась въ Тарасовку. Войниловичъ нѣкую сумму денегъ принесъ съ военной службы, а затѣмъ пріумножилъ „свои добра“ въ должности станового. Паразитамъ всегда живется лучше на больномъ организмѣ, чѣмъ на здоровомъ. Воля, надѣленіе крестьянъ—все это не обошлись безъ волненій, и становой воспользовался подходящимъ случаемъ. У сіятельнаго графа онъ добылъ лѣсъ на всѣ постройки, у своего сосѣда онъ за безцѣнокъ купилъ землю, отъ которой по недоразумѣнію отказались крестьяне. Пріютъ былъ обстроенъ и округленъ. Постройки здѣсь стояли въ правильномъ порядкѣ; всѣ онѣ были выстроены въ нѣмецкомъ стилѣ. Весь плацъ—обычное мѣстопребываніе гусей и свиней—превратился въ садъ и паркъ. Все это было заключено въ правильный квадратъ, обнесенный живою изгородью. Планомѣрность тутъ шла дальше внѣшности; она закрадывалась и въ души людей. „*Бога бойтесь—царя чтите*“—было начертано на перекладинѣ широкихъ воротъ, красовавшихся при въѣздѣ въ Пріютъ. Къ сожалѣнію, тѣ люди, которые чаще всего въѣзжали и выѣзжали изъ этихъ воротъ, были неграмотны, и имъ не было никакого дѣла до этихъ высокихъ поученій.

Переходная неопредѣленная пора миновала. На мѣсто крѣпостного труда водворился наемный трудъ и всѣ помѣщики, начиная съ графа и кончая богатѣемъ-казакомъ и крестьяниномъ, свободно вздохнули. Началась новая эра жизни.

Времена стали легче. Въ семидесятыхъ годахъ цѣны на хлѣбъ сильно поднялись и рабочія руки подешевѣли; и Войниловичъ, выслуживши небольшую пенсію, сдѣлался хуторяниномъ. Пробывши такъ долго становымъ, Войниловичъ не могъ не быть деспотомъ. Это былъ обычный крѣпостникъ съ дополненіями, привнесенными службою станового. Человѣкъ онъ былъ непреклонной воли. Воля эта цѣликомъ господствовала не только въ семьѣ, гдѣ онъ былъ прямо страшнымъ для жены и дѣтей, не только во дворѣ, но она хотѣла господствовать во всей этой мѣстности. Онъ былъ богобоязненъ и вѣрнымъ слугой царя и отечества. По прежнему обычаю онъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ сосѣду-графу и иногда приглашалъ его сіятельство къ себѣ въ гости, что онъ считалъ чѣмъ-то болѣе, чѣмъ божественнымъ. Скряга онъ былъ также большой, какъ и всѣ хуторяне. Ничто иное, какъ скряжничество, было причиной того, что единственная его дочь Марьяна, которую онъ одну любилъ на всемъ свѣтѣ, не имѣла гувернантки или бонны, а ходила въ Тарасовскую земскую школу, которая считалась тогда образцовою. Во все время хожденія Марьяны въ эту школу у Войниловича шла душевная борьба. Съ одной стороны, у него душа болѣла, что его дочка, дочь титулярнаго совѣтника и кавалера, сидитъ на одной скамейкѣ съ хамами—съ подлымъ сословіемъ, а съ другой—онъ дрожалъ по поводу тѣхъ десяти рублей въ мѣсяцъ, которыя пришлось бы платить учительницѣ.

Какъ бы то ни было, а Марьяна ходила въ школу и ходила очень охотно. То обстоятельство, что она была цѣлой головой выше всѣхъ остальныхъ, дѣлало ее въ этомъ узенькомъ міркѣ выдающеюся; умъ она имѣла ясный, способный понимать преимущества своего положенія, и Марьяна была главой въ этой образцовой школѣ. Такимъ же привилегированнымъ былъ и Сергѣй, тоже выдѣлявшійся среди этой поголовной бѣдноты. Уже одно то, что и Сергѣй и Марьяна могли питаться лучше и имѣли лучшую одежду, отличало ихъ отъ остальныхъ, а съ другой стороны, они унаслѣдовали качества своихъ родителей. Словомъ, это были дѣти пановъ, высшей породы и эта нѣсколько бѣлая кость рознилась отъ всей остальной сермяжной толпы. Марьяна и Сергѣй были вездѣ предводителями. Такъ какъ дороги ихъ сходились, то мало-по-малу у нихъ завязалась дружба. Сергѣй былъ нѣсколько старше своей подруги и не разъ ее спасалъ, вытаскивая изъ сугробовъ снѣга; а нѣсколько разъ она, идя по рѣчкѣ, попадала въ прорубь, и тогда была цѣлая исторія.

Уже тогда эта дружба обратила вниманіе Войниловича, который не могъ не знать, что Сергѣй, хотя и имѣлъ мать дворянку, но былъ сынъ — хама, да еще какого хама—наймыта изъ Хливной. Чтобы разбить эту дружбу, Войниловичъ взялъ изъ послѣдней группы Марьяну и отвезъ ее въ сосѣдній городишко, гдѣ къ тому времени открылась женская прогимназія.

— Гусь свиньѣ не товарищъ,—говорилъ онъ при этомъ.

Такое высокомѣрное отношеніе вызвало цѣлый рядъ мыслей въ семьѣ Гордіенка, и Сергѣю рѣшено было дать тоже образованіе, во чтобы то ни стало. Жили они въ разныхъ городахъ, но прежняя дружба въ ихъ душахъ теплилась и была своего рода свѣтлымъ лучомъ въ школьной жизни, полной непріятностей и заботы. Вырываясь изъ этой казармы на каникулы, молодые люди иногда сходились и ихъ души попрежнему тяготѣли другъ къ другу. Они даже похожи были другъ на друга. Любовь къ знанію, къ книгѣ у нихъ была врожденной. Не было у нихъ той непріязни къ простому люду, какая отмѣчала ихъ благородныхъ родителей. Кромѣ того въ ихъ душу мало-по-малу закрадывались слова поэта: Жить для другихъ, другимъ служить"...

Силъ у нихъ было много и это желаніе *скрашивать* свою жизнь было тогда почти всеобщимъ у тогдашней молодежи. Ко всему этому присоединился страшный для Войниловича соціализмъ Сергѣя.

Марьяна окончила прогимназію и не знала, что дѣлать. Просила она у отца, чтобы онъ отвезъ ее въ далекій губернскій городъ, но онъ и слушать не хотѣлъ. Во-первыхъ, тамъ нужно было много платить, а во-вторыхъ онъ боялся соціализма, который тогда вылился въ кровавыя формы.

Центральнымъ пунктомъ въ жизни Войниловича явилось замужество Марьяны.

— Оно потушитъ всѣ эти желанія. Такова была мысль отца.

Въ это время, на слишкомъ ограниченномъ горизонтѣ пріютской жизни появляется особа, тоже изъ породы хищниковъ.

Это былъ мѣстный становой, служившій до этого чиновникомъ при губернаторѣ. Это былъ человѣкъ съ вѣсомъ, съ чинами и орденами и вдобавокъ блестящій кавалеръ.

Всѣ мысли и бывшаго станового, и настоящаго были направлены на заключеніе соотвѣтственной сдѣлки. Марьяна была слишкомъ лакомымъ кусочкомъ по взглядамъ станового, и онъ направилъ все вниманіе на пріютъ, гдѣ онъ, къ сожалѣнію, не встрѣчалъ особеннаго сочувствія.

Въ такомъ положеніи дѣло „выгодной сдѣлки“ застаетъ событіе 1 марта 1881 года.

Колокольчикъ на этихъ хуторахъ—пріютахъ убійственной скуки—всегда производилъ надлежащее дѣйствіе, какъ символъ власти. И третьяго марта на его долю выпала слишкомъ завидная участь. Становой былъ не въ обыкновенной тужуркѣ, а въ мундирѣ, а на рукѣ его была широкая полоса черной шелковой матеріи въ знакъ глубокаго траура.

— Я привезъ вамъ страшную новость... сказалъ онъ, когда въ гостинную прибыла и Марьяна. Въ голосѣ его звучало, что то трагически-страшное.—Нашего отца Императора убили соціалисты.

Эти слова у него такъ и замерли на устахъ. Войниловичъ, Марьяна и ея мать, простая женщина, такъ и застыли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ застали ихъ эти слова. Никто не могъ даже слова промолвить.

— Убили гады... сказалъ прежде всего Войниловичъ.

— Да еще какъ убили... и становой сталъ передавать подробности убійства, преувеличивая даже жестокости.

— И кто же убійцы? Это почти мальчишки, недоучки, забывшіе Бога...—говорилъ онъ. А въ это время Марьяна, не проронившая ни слова, заплакала.

Это было какъ бы сигналомъ къ общему плачу. Плакалъ и становой, приговаривая: четвертовать ихъ негодяевъ надо... съ лица земли стереть эту подлую секту...

Трудно подыскать случая болѣе благопріятнаго для сближенія людей, столь далекихъ, какъ Марьяна и этотъ становой. Чуткая душа этой простой дѣвушки, не имѣвшей никакого понятія ни о соціализмѣ, ни о ходѣ общественныхъ дѣлъ, была такъ поражена, что когда дѣло дошло до подробностей, она какъ-то незамѣтно свалилась безъ чувствъ отъ потрясенія. И становому между прочимъ пришлось приводить ее въ чувство: выказать свое человѣколюбіе.

Не скоро послѣ этого пили чай; за этимъ чаемъ была уже и Марьяна, которая съ грустью и съ благодарностью смотрѣла на гостя.

— Опасаются, чтобы эти злодѣи не подняли народа и не пошли грабить и убивать всѣхъ дворянъ...—говорилъ становой,— и я получилъ отъ губернатора телеграмму слѣдить за настроеніемъ народа и за бунтарями... Только-что читалъ въ цѣляхъ предупрежденія извѣстіе на сходѣ въ Тарасовкѣ и всѣ плакали, какъ дѣти...

— Намъ нечего бояться,—сказалъ Войниловичъ,— у насъ слава Богу еще нѣтъ этихъ разбойниковъ...

— Не скажите этого,—замѣтилъ какъ-то таинственно становой и, порывшись въ портфелѣ, досталъ бумажонку съ надписью: „совершенно секретно“.

— Изъ особаго довѣрія, какъ лицу, состоявшему на государственной службѣ, могу показать вамъ...—сказалъ становой, передавая бумагу Войниловичу.

Войниловичъ прочелъ сообщеніе жандармовъ о томъ, чтобы „имѣть неослабное наблюденіе за Сергѣемъ Гордіенкомъ, заподозрѣннымъ въ сношеніи съ преступнымъ сообществомъ, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя“.

— Вмѣсто того, чтобы писать бумаги, этихъ разбойниковъ слѣдуетъ сейчасъ же вѣшать...

Нѣтъ на нихъ Николая Павловича... слишкомъ распустили... Вотъ тебѣ и наука и свобода!.. говорилъ Войниловичъ.

Съ этихъ поръ становой сталъ желаннымъ гостемъ въ пріютѣ Войниловича. И выгодная сдѣлка въ скоромъ времени была заключена.

III. Крестьянская рада.

Государственная власть мало-по-малу отняла у народа одно изъ его природныхъ правъ—право собираться для обсужденія своихъ нуждъ. Лишеніе этого права происходило исподоволь, такъ, что народъ не почувствовалъ этой потери. На Украинѣ народъ всегда цѣнилъ это право. И народъ и казачество при каждомъ подходящемъ случаѣ собирались на рады и обсуждали, какъ свои мѣстныя, такъ и государственныя дѣла. Нуженъ былъ долгій промежутокъ времени, чтобы отнять это право. Крѣпостное право, съ одной стороны, казацкая старшина, а потомъ чиновничій гнетъ, съ другой стороны, обезличили народныя массы, низвели ихъ на степень безправія. Высшія сословія пользовались вообще всѣми правами, въ томъ числѣ и правомъ собираться, а угнетенныя массы были лишены всѣхъ правъ. Современный правовой порядокъ отнялъ у народа самое важнѣйшее изъ правъ—право на жизнь по человѣчески. Въ сравненіи съ этимъ, право собираться на раду кажется незначительнымъ. Между тѣмъ безъ этого права не мыслимо завоеваніе народомъ всѣхъ остальныхъ правъ. Крѣпостному и чиновничьему режиму разобщеніе населенія было выгодно, ибо господство этого режима и покоилось на розни массъ.

Сергѣй не разъ устраивалъ раду у себя на левадѣ. Собиралось десятка три крестьянъ они толковали о томъ-о семъ, а больше о своихъ крестьянскихъ „злыдняхъ“, и расходились. Не то предстояло на завтрашній день. На левадѣ собралась настоящая рада, какой этотъ лугъ не видалъ еще со временъ „козащины“. Несмотря на то, что крѣпостниками здѣсь были свои же братчики, поднявшіеся до дворянства изъ черни, гнетъ панщины былъ силенъ. По меньшей мѣрѣ три четверти населенія были тогда полными рабами пановъ, необезпеченными на завтрашній день. Дворовые, подсусѣдки и неимущіе—по тогдашней терминологіи „нищетные и крайне нищетные“ составляли добрую половину народа. Все это была безхозяйственная братія. Земли она не получила совсѣмъ. Другая половина получила ее тоже мало. Но не въ землѣ тогда былъ центръ тяжести, а въ *волѣ*. Блага этой воли на первыхъ порахъ заслоняли все. Но мало-по-малу выяснялась въ глазахъ народа призрачность этой воли, развивалась хозяйственная предпріимчивость населенія. Всѣ блага воли выражались въ свободѣ наниматься и распродавать грунты кулакамъ. Черезъ двадцать лѣтъ воля эта выразилась во всей своей прелести: помѣщики совмѣстно съ богатѣями-кулаками надъ всѣмъ господствовали. Изъ среды ихъ происходило все начальство, начиная отъ старосты и старшины и кончая губернаторомъ, изъ нихъ же состоялъ судъ, земство. У населенія не было никакой воли и почти никакой земли. И въ защиту этого порабощеннаго народа на протяженіи цѣлаго края не раздавалось ни одного голоса.

Какъ во времена Христа было множество трудящихся и обремененныхъ, стекавшихся къ нему на его голосъ, такъ точно здѣсь эти труждающіеся и обременные шли на зовъ людей, желавшихъ имъ добра.

Среди всѣхъ этихъ экономій, большихъ и малыхъ, среди этихъ винокуренныхъ и иныхъ заводовъ, среди всѣхъ очаговъ эксплоатаціи народа стоялъ небольшой хуторокъ Криницкаго—убѣжденнаго соціалиста, защитника народа. Пріѣзжая на лѣто изъ Кіева, онъ сталкивался, насколько это было возможно, съ окрестными крестьянами. Такимъ образомъ посѣяно была здѣсь зерно сознанія. Сергѣй прожилъ въ хуторѣ Криницкаго минувшее лѣто и теперь, когда ему пріѣздъ сюда былъ воспрещенъ, онъ оставался какъ бы продолжателемъ его дѣлъ. Какъ бы то ни было, а населеніе зашевелилось вокругъ Тарасовки, и рада на лугу Гордіенчихи „на Петра и Павла“ вышла прямо таки на славу. Лугъ этотъ прилегалъ къ кустарнику и къ другимъ лугамъ, покрытымъ рощами. Благодаря этому, незамѣтно собралось на немъ болѣе трехсотъ душъ. Лугъ этотъ, величиною въ десять десятинъ, былъ окруженъ вербами и осокорями и теперь, при яркомъ свѣтѣ солнца, представлялъ великолѣпное зрѣлище. Вся масса народа расположилась на зеленой травѣ у группы столѣтнихъ дубовъ, стоявшихъ на возвышеніи. Эти богатыри являлись какъ бы олицетвореніемъ силы и могущества, и копошившіеся подъ ними люди издали казались какими-то комашками. Все возвышеніе было усѣяно народомъ. Были тутъ люди въ новенькихъ свиткахъ, были въ чемеркахъ, но не было ни одного въ рубахѣ. Это было своего рода торжество, а на праздникъ нашъ крестьянинъ считаетъ неприличнымъ появляться не въ свиткѣ.

Сергѣй въ сопровожденіи Омелька и еще нѣсколькихъ сосѣдей вышелъ на лугъ и былъ сильно пораженъ массою народа,—говоръ голосовъ доносился къ нему за полверсты. Сергѣй сразу понялъ трудность своего положенія. И вчера онъ испытывалъ подобное же положеніе, но тамъ аудиторія ему была больше извѣстна. Здѣсь же онъ прямо растерялся. Однако дѣлать было нечего; отступать было поздно. Сергѣй „набрался духу“ и пошелъ къ толпѣ. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, говоръ стихалъ; люди продолжали лежать на травѣ, кое-кто, впрочемъ, всталъ.

— Добрыдень! съ праздникомъ будьте здоровы,—сказалъ, подходя, Сергѣй.

— Доброго здоровья!..—говорили сотни голосовъ, снявши шапки.

— Дуже багато васъ зійшлось,—сказалъ Сергѣй,—колы бъ чого небудь негарнаго не выйшло зъ нашои рады...

— Лыха не буде, не бійтысь!..—отвѣчали ему, — мы маемо право порадытысь и намъ цего никто не мусыть забороныты.

— Добре,— сказалъ Сергѣй.—Такъ давайте будемо радытысь... Объ чемъ же будетъ наша рада? спросилъ онъ, поднявшись на возвышеніе и обпершись о дубъ.

— Мы не можемо жыть на свити,—послышились голоса,—объ цимъ треба намъ и радыться... Собравшіеся сильно при этомъ „гомонилы", но смыслъ ихъ рѣчи былъ одинъ и тотъ же: Мы задыхаемся отъ нужды, намъ нуженъ выходъ.

— Ты—грамотный, ученый чоловикъ,—говорили старики, выдѣлившіеся изъ состава громады,—послухай насъ и порадь, бо жыття намъ зовсимъ не мае на свити... Самъ ты це добре знаешъ.

— Чы воно намъ ждать ціеи земли, чы не сподиваться? спрашивали и старики, и молодожены.

— Перше усего, люде добри, зарубайте соби разъ навсегда, що нихто объ васъ не хлопочыця, никто объ васъ не заботится. Що вы зробыте для себе, то тилько и матымыте...

— Та не вже, нихто объ насъ не думае?—спросилъ кто-то изъ толпы удивленно.

— Объ васъ думаютъ, но только съ другой стороны,—замѣтилъ Сергѣй,—думаютъ о томъ, чтобы васъ лишить и тѣхъ мизерныхъ правъ, которыя у васъ еще остались.

— Такъ порадь же насъ, що жъ намъ на свити божому робыты?.. на лицахъ крестьянъ было написано прямо таки отчаяніе. До сихъ поръ они надѣялись... были глубоко убѣждены, что о нихъ тамъ, въ Петербургѣ, не перестаютъ думать. Эту миѳическую надежду всегда при каждомъ случаѣ поддерживали попы и дворяне,—начальство всякое. Сергѣй имѣлъ смѣлость эту ложь уничтожить. Онъ категорически заявилъ, что о мужикѣ никто, кромѣ горсти образованныхъ людей, называемыхъ соціалистами, не хлопочетъ.

— Такъ мы всѣхъ кормимъ, за всѣхъ платимъ, а о насъ никто не заботится?.. какъ бы съ ужасомъ вопрошали крестьяне.

— Какъ же, господа,—заявилъ Сергѣй—заботятся, только съ другой стороны...

— Такъ что же намъ остается дѣлать?—заревѣла толпа, полная негодованія.

— Идти ихъ же слѣдомъ и ничего больше... твердо и увѣренно заявилъ Сергѣй, довольный успѣхомъ, которого онъ вообще не ожидалъ.

— Дворяне и всѣ эти помѣщики называютъ себя вашими учителями...—сказалъ Сергѣй,—вамъ ничего больше не остается, какъ у нихъ же учиться...

— Какъ это у нихъ учиться? спросилъ какой-то молодой человѣкъ, повидимому, солдатъ. Если они грабятъ нашего брата, то и намъ приниматься за грабежъ?

— Ихъ кучка, а вѣдь они господствуютъ надъ милліонами, благодаря сплоченію и единодушію. Я вамъ не скажу, что нужно грабить ихъ, но я вамъ могу сказать, что защищать себя отъ ихъ грабежа ваше не только право, но и долгъ, какъ долгъ каждаго человѣка... Самое высшее право на землѣ—это право человѣка на жизнь и на развитіе, и разъ кто-либо посягнетъ на это право—отнимаетъ у человѣка возможность жить—человѣкъ въ правѣ защищаться даже съ оружіемъ въ рукахъ... Сергѣй говорилъ объ этихъ высокихъ матеріяхъ простымъ языкомъ, понятнымъ массѣ, и говорилъ долго. Но толпа очевидно мало поняла изъ его красивой и убѣжденной рѣчи, потому что старики въ концѣ обратились все таки съ вопросомъ: а що жъ, чы буде намъ земля отъ панивъ чы не буде?..

— Безъ борьбы, безъ бійкы,—сказалъ Сергѣй въ заключеніе,—земли вы не получите. Не было еще въ мірѣ такого случая, чтобы кто-нибудь по доброй волѣ отдавалъ награбленное—его всегда отнимали силою...

Старики очевидно выходили изъ терпѣнія. Сергѣй не говорилъ прямо, а обиняками. Они хотѣли отъ него отвѣта короткаго и яснаго. Ты намъ говори прямо, будетъ ли намъ земля колы-небудь или нечего намъ ожидать ее?... Это былъ вопросъ жизни и смерти.

Земля вамъ будетъ, но только не скоро...—отвѣчалъ Сергѣй. Прежде всего будетъ борьба... Теперь вы боретесь другъ съ другомъ за каждый сажень, за каждую ступень, но скоро вы поймете, что это неразумно и перенесете эту борьбу, эту бійку туда, гдѣ есть дѣйствительно за что биться... И только въ концѣ этой длинной борьбы и бійкы за землю она достанется народу.

—Ты намъ скажи, какимъ образомъ это произойдетъ?—приставали къ нему болѣе развитые.

— Владѣніе землей только тогда выгодно, если оно спокойно,—сталъ пояснять Сергѣй.—Борьба же, постоянная бійка за землю дѣлаетъ владѣніе неспокойнымъ и мало выгоднымъ. Паны теперь держатся такъ крѣпко за землю, потому что она даетъ имъ безъ труда и безъ особенныхъ хлопотъ пользу, а когда борьба за землю нарушитъ это спокойствіе, отниметъ эту безтрудовую пользу, тогда кому же охота будетъ владѣть землей и подвергать свою жизнь опасности?.. И владѣніе и невладѣніе землей,—пояснилъ Сергѣй,—все зависитъ отъ васъ и земля свою цѣнность имѣетъ только потому, что вы есть... Не будь васъ, и земля не имѣла бы никакой цѣнности... Цѣнность и доходность землѣ придаютъ всѣ люди, а достается эта доходность только единицамъ—помѣщикамъ.

Сколько ни бился Сергѣй пояснить эту мысль толпѣ она все-таки не понимала. Ему нужно было пояснить ее на примѣрахъ.

— Про землю я думаю отъ якъ:—сказалъ онъ. То, что вы почувствовали свою нужду,—почувствовали то, что ваши старшіе братья васъ надули и у васъ появилась мысль бороться съ ними—это первый шагъ къ землѣ... Еще Шевченко сказалъ: „боритеся, браты, поборете“... И я тежъ вамъ кажу: еднайтесь уси до купы и боритесь за землю. Все отъ васъ, отъ людей залежыть—заключилъ Сергѣй.—Поймите вы, гдѣ ваша польза, кто вамъ другъ, а кто врагъ и гдѣ причина вашихъ бѣдъ, и тогда настанетъ справедливый порядокъ, а пока вы сами своими спинами подпираете всю эту неправду, жалуйтесь только сами на себя... Пока вы работаете на пановъ по четвертаку въ день на своихъ харчахъ, пока васъ бьютъ хозяева и ихъ управители и урядники по мордѣ, какъ и во времена панщины, а всѣ вы несете попамъ послѣдніе крохи, чтобы попасть въ царствіе небесное, нечего вамъ ожидать земли... Сама земля къ вамъ не придетъ...

Кто-то изъ молодыхъ, очевидно умѣвшихъ читать, поднялся и сказалъ: это сущая правда... Еще польскій король сказалъ Хмельницкому, когда тотъ жаловался на пановъ, отнявшихъ у него и землю и жену: „есть у васъ сабли, такъ и отстаивайте ими свое право“... Сами люди виноваты... Захотѣли бы они всѣ, и была бы у нихъ и земля и воля... Громада—велыкый человикъ.

— И это правда! повторилъ Сергѣй,—но она только тогда великая сила, если громада дѣйствительно дружна и сплочена, а тотъ разбродъ, который существуетъ среди васъ, только на руку вашимъ ворогамъ...

Было уже поздно; „сторонніе“ люди собирались въ путь. Нужно было оканчивать раду. Сергѣй приглашалъ всѣхъ войти въ одинъ общій союзъ. Всѣ села должны сплотиться въ одинъ общій братскій союзъ для борьбы за землю... И тогда не будетъ такой силы на свѣтѣ, которая могла бы противостоять такому союзу...

Рѣчи сильно затянулись. Крестьяне не хотѣли расходиться, засыпали вопросами Сергѣя. Но вотъ появился Омелько и сообщилъ Сергѣю вѣсть, что мать съ кочергою въ рукахъ идетъ разогнать всѣхъ хамовъ и „зайнять“ сына до дому.

Дѣйствительно въ сумеркахъ къ дубамъ приближалась Гордіенчиха и слышенъ былъ ея негодующій голосъ:

— Проклятой сволочи не було де зибраться, та въ моимъ добри зійшлысь... Дрючкомъ займу съ свого добра!

Сынъ поспѣшилъ скрыться, за нимъ пошли старики и только молодежь встрѣтила смѣхомъ ругательства Гордіенчихи.

Не имѣя возможности излить свой гнѣвъ на сына, Гордіенчиха зайняла кочергою только Омелька, бросившаго худобу на произволъ. Но оказалось, что и Омелько уже перемѣнился.

— Бить больше не будете...—заявилъ онъ своей хозяйкѣ категорически и очень внушительно.

На Гордіенчиху это подѣйствовало: она больше къ Омельку не лѣзла съ кочергою, но зато по приходѣ домой набросилась на Параску, у которой грѣховъ было всегда безчисленное множество. Но Параска „по духу“ знала свою хозяйку и, какъ только та явилась въ хату, она ретировалась чрезъ „свитлыцю“ на дворъ. Сергѣй же и совсѣмъ не появлялся въ этотъ вечеръ на глаза матери.

— Какъ только бунтарь пріѣхалъ,—рѣшила вдова Гордіенчиха,—такъ все въ домѣ пошло вверхъ дномъ... Отъ всѣхъ этихъ наукъ одинъ вредъ, напрасно только такую силу денегъ зря бросили... И въ душѣ ея подымалась все больше и больше злоба на сына, въ которомъ текла мужичья кровь.

Въ эту ночь она спала одна въ цѣломъ домѣ. Сергѣй помѣстился въ повиткѣ на сѣнѣ. Омелько принесъ ему паляныцю и варениковъ, но онъ долго не дотрогивался до нихъ и ничего не говорилъ. У него предъ глазами все еще стояла эта тьма народа, представителей котораго онъ только-что видѣлъ. И онъ сознавалъ свою безпомощность. Иногда у него появлялось какъ бы угрызеніе совѣсти за то, что онъ не все сказалъ на радѣ, что онъ не внесъ въ души этихъ обиженныхъ людей сильнаго возмущенія противъ своихъ притѣснителей...—Нѣтъ, не могу я этого дѣлать...—рѣшилъ Сергѣй,—нужно изыскать такія мѣры противъ всѣхъ этихъ богатыхъ и властныхъ, которыя не были бы связаны съ насиліемъ... Эту мысль его заглушала другая мысль, подсказывавшая ему, что богатство и власть именно основаны на насиліи... И не порѣшивъ этого вопроса, Сергѣй уже передъ свѣтомъ заснулъ.

Возвращеніе на путь истины. Терніи жизни соціалистовъ.

Въ рединѣ іюля становой рѣшился отправиться въ о́бъѣздъ своего стана. Какъ разъ шла молотьба хлѣба у помѣщиковъ. Они были въ это время наиболѣе щедрыми по части пожертвованій на полицію. Маршрутъ свой онъ думалъ начать со своего тестя, который обѣщалъ ему въ приданное пять тысячъ рублей.— Съ этимъ господиномъ нужно спѣшить,—думалъ онъ.—Боже борони, если меня переведутъ или удалятъ, тогда пропали деньги... Сидя на крыльцѣ и покуривая сигару, приставъ обдумывалъ планъ наступленія на тестя и гг. помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ чинилъ смотръ платьевъ, сшитыхъ для Марьяны мѣстными торговцами. Каждый владѣлецъ мануфактурной лавки, по существующему обычаю, долженъ былъ сшить для новой становихи платье.

Марьяна выносила шестое платье и становой сопровождалъ каждый ея выходъ замѣчаніями, вродѣ слѣдующихъ:

— Проклятый пархъ пожалѣлъ порядочной матеріи для станового... Ну, подожди, я тебѣ это вспомню, паршивый жидюга... Становой до такой степени увлекся этимъ осмотромъ и выборомъ платья, въ которомъ Марьяна должна была отправиться къ отцу, что не замѣтилъ стоявшаго у крыльца человѣка безъ шапки. Человѣкъ этотъ почтительно кашлянулъ, чтобы напомнить о своемъ присутствіи. Становой, наконецъ, обратилъ на него вниманіе.

— Тебѣ что нужно?

Пришедшій поклонился. Это былъ старикъ, церковный сторожъ изъ Тарасовки.

— Бумагу принесъ отъ батюшки,—отвѣтилъ старикъ и подалъ конвертъ, запечатанный церковною печатью. На немъ было написано, кромѣ адреса, слово: „секретно“.

— О! это должно быть интересная бумага...—съ удовольствіемъ проговорилъ становой, привыкшій получать бумаги о кражахъ и дракахъ.

„Имѣю честь увѣдомить ваше высокоблагородіе,—писалъ тарасовскій попъ,—что въ моемъ приходѣ появился соціализмъ, который, какъ зараза, распространился прежде всего между богопротивною штундою, а потомъ перешелъ и на православное населеніе. Это вредное ученіе, погубившее нашего обожаемаго монарха, распространяется у насъ всѣми штундистами и сыномъ вдовы Гордіенчихи Сергѣемъ, 21 года, заразившимся симъ лжеученіемъ во время ученія въ реальномъ училищѣ. Вѣдомо мнѣ, что сей юноша, забывъ страхъ Божій, 30 іюня собралъ мужиковъ со всей округи, поучалъ ихъ соціализму и поносилъ всѣхъ властей и духовнаго своего отца и бунтовалъ необразованное мужичье противъ гг. помѣщиковъ. Смѣю присовокупить, что если сего юношу оставить дальше въ моемъ приходѣ, то мнѣ и гг. владѣльцамъ придется выѣхать совсѣмъ отсюда.—О таковомъ дѣяніи штунды и Гордіенка я сообщилъ и жандармскому полковнику“.

Становой во время чтенія сего посланія все время былъ спокоенъ. Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о штундѣ, онъ замѣтилъ:—штунду, батюшка, напрасно сюда гнешь... Становой по опыту хорошо зналъ, что батюшки всегда напрасно приплетаютъ ненавистную имъ штунду къ политическимъ цѣлямъ, чтобы избавиться отъ нея. Спокойствіе станового, однако, было серьезно нарушено припискою о сообщеніи жандармамъ.

— Это, значитъ, опять выговоръ или удаленіе;—скажутъ: полиція спитъ... подумалъ становой и, не отрываясь отъ бумаги,

Центральна
наукова
бібліотека

проговорилъ къ Марьянѣ:—Видишь на мое вышло... Когда я получилъ бумагу о Гордіенкѣ отъ жандармскаго полковника, чтобы слѣдить за нимъ,—ты мнѣ говорила, что онъ не соціалистъ... я тебя послушалъ,—а теперь посмотри эту бумажонку... Теперь безъ непріятности не обойдется... При этомъ становой непріязненно посмотрѣлъ на Марьяну, которая нѣсколько покраснѣла отъ волненія.

Въ это самое время пришелъ зачѣмъ-то урядникъ, не знавшій, что начальство не въ духѣ.

— Почему это нѣтъ почты?.. три часа жду...—крикнулъ онъ урядику. Тотъ ничего не отвѣтилъ, а стремглавъ побѣжалъ на почту за лошадьми.

— Сейчасъ нужно арестовать,—проговорилъ становой какъ бы про себя. Нужно показать свою распорядительность... Пусть десять человѣкъ будутъ лежать убитыми, никто и пальцемъ не двинетъ, а эти проклятые соціалисты въ печенкахъ у меня сидятъ... одну минуту пропусти, и служба прощай... Это хуже огня... Попъ пишетъ—зараза... Это хуже заразы... Недаромъ ихъ вѣшаютъ... Становой раздумываетъ надъ тѣмъ, не послать ли полковнику телеграмму о появившемся соціализмѣ, чтобы предупредить донесеніе попа.

— А что если попъ вретъ?—подумалъ становой. — Вѣдь они теперь знаютъ виды начальства, которое зло на соціалистовъ, и чтобы раздѣлаться со своими врагами, всегда приплетаютъ соціализмъ... Нужно ѣхать и сейчасъ арестовать, а тогда уже телеграфировать...

Принявъ это рѣшеніе, становой успокоился. Объ окончаніи осмотра платьевъ онъ уже не думалъ; изъ головы у него улетучилась подъ вліяніемъ грозящей опасности мысль о жатвѣ и о приданомъ. Единственно, что занимало теперь его, такъ это мысль о томъ, что супруга его немного подвела. У него въ одно время даже промелкнула мысль: нѣтъ ли тутъ чего-либо романическаго, но Марьяна была слишкомъ безупречна въ этомъ отношеніи.

Въ это время Марьяна переживала тяжелое положеніе. Узнавъ о предстоящемъ арестѣ Сергѣя, она сильно страдала. Не долго она жила замужемъ, но уже успѣла узнать свою крупную ошибку. И по мѣрѣ того, какъ она наблюдала окружающую жизнь въ становой квартирѣ, вырисовывался предъ нею чистый и незапятнанный образъ ея школьнаго товарища. Правда, она никакой особенной жизни не знала и запросовъ у нея никакихъ не было,—тѣмъ не менѣе душа ея инстинктивно жаждала не той жизни, пошлой и мѣщанской, въ которую она окунулась. Отрицательная сторона замужества дала ей слишкомъ себя почувствовать, и она скоро поняла, что отецъ, выдавая ее замужъ за станового, совершилъ обманъ. Онъ зналъ привязанность Марьяны къ Сергѣю и вотъ, чтобы уничтожить ее, облекъ соціализмъ въ такія краски, что она невольно испугалась. Для отца Марьяны, воспитаннаго на „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, соціализмъ представлялся самымъ ужаснымъ, что есть на свѣтѣ. Онъ связывалъ его съ анархизмомъ и терроромъ, а всѣхъ соціалистовъ называлъ душегубами. Чтобы разрѣшить возникшія у нея страшныя сомнѣнія, стоившія ей цѣлой жизни, Марьяна поздно послѣдовала совѣту Сергѣя насчетъ „Правительственнаго Вѣстника“. Вѣстникъ этотъ, валявшійся въ пыли на становой квартирѣ, вдругъ удостоился особенной чести, очутившись неожиданно въ гостиной. Его здѣсь никогда никто не читалъ; выписывался же онъ по приказу начальства. Въ отсутствіе мужа (а отсутствіе его къ счастью Марьяны всегда было продолжительное) Марьяна самымъ внимательнымъ образомъ прочла не только процессъ 1 марта, но и предшествующіе ему процессы. Послѣ этого чтенія она поняла всю лживость ходячаго объясненія соціализма и ей страстно захотѣлось узнать истинную суть. Марьяна собиралась написать объ этомъ Сергѣю, но боялась мужа. Мужъ былъ для нея дѣйствительнымъ страшилищемъ. Онъ неоднократно при ея глазахъ совершалъ расправу въ своей квартирѣ съ провинившимися сотскими и старостами. Онъ билъ ихъ по лицу и она была нерѣдко очевидцемъ подобныхъ кровопусканій и криковъ этихъ беззащитныхъ людей. Кромѣ того, въ становой квартирѣ происходили сдѣлки съ ворами, съ евреями, которые привлекались къ суду за всякія правонарушенія. Какъ разъ въ это время вышелъ законъ, воспрещавшій евреямъ поселеніе въ деревняхъ. Этотъ законъ сильно повысилъ доходы полиціи. Невольно присутствуя при всѣхъ этихъ сдѣлкахъ, Марьяна возненавидѣла до глубины души своего супруга. Одинъ разъ она рѣшила даже бѣжать изъ этого омута, и только отсутствіе пристанища удерживало ее здѣсь; къ отцу же она боялась возвращаться. Всю свою ненависть Марьяна тщательно скрывала, какъ только умѣютъ тайны скрывать женщины. Въ такомъ положеніи дѣло было ко времени полученія доноса изъ Тарасовки. Этотъ доносъ и предстоящій арестъ подлили масла въ огонь, и Марьяна быстро рѣшаетъ спасти Сергѣя отъ ареста.

Смеркало. Еврейская бричка быстро направлялась изъ мѣстечка въ Тарасовку, подымая облака пыли. Почтарь видѣлъ, что становой не въ духѣ и гналъ что есть мочи лошадей. Послѣ дневныхъ работъ въ поляхъ водворилась гробовая тишина, нарушаемая только рѣзкимъ звономъ колокольчика. Въ бричкѣ помѣщались своеобразные супруги. Становой, занятый мыслью о предстоящемъ слѣдствіи, молчалъ; онъ мысленно представляетъ себѣ тотъ моментъ, когда ненавистный соціалистъ будетъ въ его рукахъ и жандармскаго полковника онъ встрѣтитъ словами: онъ здѣсь и все слѣдствіе сдѣлано...—Мысль станового на этомъ не останавливается. Онъ думаетъ, какъ полковникъ потомъ будетъ у него обѣдать, сидѣть рядомъ съ его молодой красивой женой... Это тоже будетъ подымать его въ глазахъ начальства.

Марьяна была очень рада, что мужъ молчитъ. Она тоже думала думу и думала серьезно. Обманули,—обманули нагло, отняли у нея ея любовь и отдали въ становую квартиру... Въ душѣ ея раньше не чувствовалось никогда злобы, но теперь эта злоба страшно росла. Она посылала проклятія сидѣвшему рядомъ съ нею мужу, отцу и всему этому продажному строю, основанному на насиліи и лжи. Эта характеристика строя принадлежала не ей, а тому человѣку, котораго они ѣхали арестовать... Внутренній голосъ ей подсказывалъ, что этого ареста не будетъ и что въ становую квартиру она не возвратится. Эту торгашескую сдѣлку, называемую бракомъ, она презирала, насколько можно презирать, и никогда ея душа не была такъ честна и безкорыстна, какъ въ данный моментъ. Она готова была всю себя принести въ жертву людямъ и дала въ душѣ обѣтъ не имѣть ничего общаго съ притѣснителями народа...

— Сворачивай къ попу!—крикнулъ становой почтарю при въѣздѣ въ Тарасовку.

— А меня отпусти къ отцу...—просящимъ голосомъ сказала Марьяна. Мужъ не считалъ нужнымъ отвѣчать на эту просьбу. И только послѣ того, какъ онъ спрыгнулъ съ брички съ легкостью серны у крыльца батюшки, былъ отданъ приказъ еврею отвезти барыню на хуторъ и живо возвращаться сюда...

Марьяна дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Какъ ни старалась она сохранить хладнокровіе, но это ей не давалось. Она въ первый разъ въ жизни хочетъ быть человѣкомъ. Вотъ она ѣдетъ мимо дома Гордіенчихи. Глаза ея жадно впиваются въ окна и она даже видитъ въ нихъ Сергѣя. Въ головѣ ея мелькаетъ мысль остановиться и сказать. Но потомъ она соображаетъ, что это будетъ ошибка, а ошибокъ она рѣшила избѣгать въ жизни.

Вотъ Марьяна уже за селомъ, откуда видѣнъ Пріютъ Войниловича. Она останавливаетъ извозчика, даетъ ему цѣлковый на чай и говоритъ: поѣзжай медленно назадъ, а я пѣшкомъ пройду до хутора, ты нуженъ мужу...

Еврей поражается щедростью барыни, цѣлуетъ ей руки и медленно отъѣзжаетъ.

— Чтобы мужъ не сердился на меня за то, что я пошла пѣшкомъ, скажешь ему, что ты отвезъ меня самый хуторъ...

— Смотри же, такъ скажи! наказывала Марьяна вдогонку почтарю.

— Слушаю, ваше благородіе, Срулю можете вѣрить...

Марьяна знала, что Срулю можно вѣрить.—Они дѣйствительно умѣютъ хранить тайны не такъ, какъ нашъ крестьянинъ, —подумала она, и мысль ея не могла оторваться отъ этого предательскаго доноса. А вѣдь попъ не былъ на собраніи; ему сообщили, значитъ, сами крестьяне... Вотъ и работай среди нихъ... Марьяна возмущена такимъ предательствомъ и вся поглощена мыслью о спасеніи человѣка, который въ данный моментъ ей особенно дорогъ. Никѣмъ незамѣчаемая Марьяна быстрыми шагами пробирается берегомъ рѣчки къ дому Гордіенчихи. Вся она дрожитъ отъ волненія. Изъ головы не выходитъ мысль: какъ миновать собакъ и самое Гордіенчиху... Дороги здѣсь Марьянѣ были знакомы и вскорѣ она подошла къ усадьбѣ.

— Омелько, а Омелько!... съ волненіемъ и радостью взываетъ издали Марьяна.

Омелько удивленными глазами смотритъ и сразу какъ бы не вѣритъ своимъ глазамъ.

— Марьяна... мелькаетъ въ его головѣ,—но откуда и чего она?... Чего ей тутъ нужно?... Омелько брасаетъ лошадь, которую велъ отъ водопоя и бѣжитъ къ Марьянѣ.

Она знаетъ близость Омелька къ Сергѣю. Не разъ онъ былъ хранителемъ ея тайнъ, и на Омелька Марьяна можетъ положиться.

— Позови скорѣе Сергѣя...—говоритъ она Омельку и вся дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Омелько видитъ, что дѣло не доброе, спѣшитъ и тоже дрожитъ.

— Сергѣй, Сергѣй!...—взываетъ Омелько чрезъ открытое окно,—иди сюда живо... живо...

Сергѣй прыгаетъ прямо въ окно, бѣжитъ за Омелькомъ и за калиткою въ саду видитъ Марьяну... Сразу онъ смотритъ на нее испуганнымъ взоромъ... Марьяна... становиха...

Омелько почтительно уходитъ, видя, что дѣло секретное.

— Убѣгай...—одно слово проговорила Марьяна и заплакала. Ноги ей больше не служили и она повалилась на траву.

— Доносъ, значитъ?... спросилъ Сергѣй, но отвѣта онъ не получилъ.

Оставивъ ее на время, Сергѣй побѣжалъ въ хату забрать одежду и книги, которыя онъ всегда съ собою носилъ и которыя составляли евангеліе соціализма. Возвратившись въ садъ, Сергѣй засталъ Марьяну уже собравшеюся съ силами.

— Идемъ...—сказала она,—чрезъ полчаса придутъ тебя забрать...

Молча онъ повиновался... Но, прежде чѣмъ уйти, Сергѣй позвалъ Омелька, крѣпко пожалъ ему руку и поцѣловалъ.

— Прощай, Омелько... смотри же не спи, продолжай наши дѣла и молчи. Одно слово: „ничего не знаю“... и про Марьяну—Боже упаси... Она возвратилась на путь истины...—Эти слова были полны восторга.

Омелько тоже ожилъ и ему сильно хотѣлось хоть бы взглянуть на Марьяну. Теперь она казалась ему такой прекрасной. Но въ это время спутники уже пробирались чрезъ канавы и кусты и были далеко отъ него. Омелько стоялъ и смотрѣлъ въ слѣдъ уходившимъ. Ему казалось, что онъ потерялъ что-то очень дорогое и двѣ слезы невольно покатились изъ его карихъ глазъ. Дѣло, значитъ, плохо... рѣшаетъ онъ.

Пробѣжавши нѣсколько левадъ и запыхавшись, убѣгавшіе сразу остановились, чтобы сообразить, гдѣ они и куда идти. Оба они чувствовали облегченіе въ груди.

— Знай, Сергѣй, что я твоя... прильнувши къ груди Сергѣя, сказала Марьяна.—Навсегда твоя... пойду за тобой, куда угодно... Теперь и я соціалистка... Какъ это сталось, узнаешь потомъ... А теперь спасайся... Тебѣ Сибирь грозитъ...

Марьяна говорила отрывисто и, какъ ребенокъ, жалась къ Сергѣю. Послѣдній ничего не могъ сказать, онъ только цѣловалъ руки, лицо, одежду Марьяны.

— Правда, значитъ, восторжествовала...—проговорилъ онъ, наконецъ—такъ пусть же она всегда будетъ свѣточемъ въ нашей жизни...

— Прости меня,—сказала Марьяна,—я сдѣлала страшную ошибку... и я сильно поплатилась за свое невѣжество... Теперь уже насъ никто не разлучитъ... И Марьяна снова заплакала. Она забыла объ опасности. Въ данную минуту для нея не было ничего страшнаго. Съ Сергѣемъ она готова была идти на край свѣта. За послѣдніе годы, за всю жизнь у нея накопилось много запросовъ, много горя. И въ данный моментъ Марьяна хотѣла подѣлиться этимъ горемъ съ человѣкомъ, который могъ бы понять ее.

— Не плачь,—сказалъ бодро Сергѣй,—не плакать, а работать нужно, Марьяна... Не боюсь я этой Сибири и ухожу только для того, чтобы работать...

Наступила торжественная минута. Эти люди безъ словъ понимали другъ друга, ихъ души составляли одно цѣлое. Разстались они молча. Слова бываютъ не нужными тамъ, гдѣ есть на лицо дѣло.

Марьяна далеко проводила Сергѣя и только тогда своротила въ хуторъ. Юноша остался и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя въ слѣдъ ея. За эти полчаса онъ пережилъ столько самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. И страхъ, и радость, и горе, и счастье—здѣсь все это смѣшалось. Все это больше походило на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность. Душа юноши была полна торжества. Теперь онъ снова вѣрилъ въ человѣческое достоинство. Долго онъ стоялъ и глядѣлъ то на хуторъ, укрывшій отъ него съ глазъ дорогого человѣка, то на Тарасовку, окутанную мглою, И, прощаясь съ родною деревней, которую онъ такъ любилъ, онъ прощался со всѣмъ раннимъ періодомъ жизни, со своими юношескими грезами.—Прощай страна родная,—проговорилъ онъ:

Страна пановъ,
Страна рабовъ...
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ...

Сергѣй уже далеко ушелъ, а это четверостишіе Лермонтова не выходило у него изъ головы.

Омелько скоро пришелъ въ себя по уходѣ Сергѣя. Онъ прежде всего рѣшилъ извѣстить Гордіенчиху и убрать оставшіяся книги Сергѣя, о чемъ тотъ его просилъ.

— Сергѣй Ивановичъ ушли...—говорилъ онъ, какъ-то путаясь, своей хозяйкѣ.

— Куда его понесло?...—можетъ быть снова бунтовать народъ?...

—Вы лучше молчите объ этомъ...—сказалъ Омелько внушительно, скоро къ намъ явится полиція и нужно будетъ говорить ей: „ничего не знаю“...

— Иди, дуракъ!...—проговорила Гордіенчиха со злостью.—Ты его на всѣ эти дѣла и направилъ, собака ты... хамская душа.

Омелько впрочемъ не дослушалъ рѣчи хозяйки и понесъ зарыть въ сѣнѣ остатки добра Сергѣя. Пробовалъ онъ послѣ этого заснуть, но сонъ далеко ушелъ отъ него. Все существо его было объято какимъ-то непонятнымъ чувствомъ. И сожалѣніе о разлукѣ и страхъ—все это смѣшалось.

Въ то самое время, когда Сергѣй, разставшись съ Марьяной, отправился окольными путями въ городъ, становой, окончивъ допросъ батюшки, написалъ постановленіе о задержаніи Сергѣя. Передъ нимъ стоялъ самоваръ, бутылка водки и масса тарелокъ со всякими яствами. Но становой—охотникъ вообще до яствъ и питій,—теперь почти не дотрогивался до нихъ. Онъ злился на попа за его доносъ жандармамъ, злился на урядника, который своевременно не донесъ ему, злился на старосту, который медлилъ своимъ появленіемъ къ нему.

— Барыню благополучно отвезъ въ самый хуторъ и они велѣли вамъ кланяться... — докладывалъ подобострастно Сруль Гольбергъ становому.

— Пошелъ вонъ, жидюга!... крикнулъ становой. Онъ хотѣлъ въ это время послать къ черту и барыню, но сдержался и только плюнулъ по уходѣ еврея.

Чрезъ минуту становой уже былъ въ бричкѣ. Староста, „задыхавшись“, поспѣшалъ что есть мочи къ нему. За старостой шли понятые.

— Цѣлый часъ жду я васъ, мерзавцы!... кричалъ становой. —Ну, садись, дубина, и вези къ Гордіенчихѣ.

Было уже около полуночи, когда бричка остановилась возлѣ дома Гордіенчихи.

Омелько вышелъ на встрѣчу.

— Ты кто?—грозно спросилъ становой.

— Я наймытъ Гордіенчихи,—отвѣтилъ Омелько.

— А сынъ ея дома?

— Не знаю,—отвѣтилъ Омелько.

— Какъ не знаешь?...

— Хозяйка есть дома, а сына не знаю...

— А гдѣ же онъ можетъ быть? злился все больше становой.

— Не знаю...

Опять не знаю... да я тебѣ, мерзавцу... И съ этими словами становой крѣпко постучалъ въ окно. Гордіенчича не спала, конечно, и скоро отворила дверь.

— Сынъ вашъ дома? спросилъ становой.

— Нѣтъ его дома,—отвѣтила мать.

— А гдѣ же онъ? снова можетъ пошелъ бунтовать народъ...

— Не знаю...—былъ отвѣтъ.

— И тутъ не знаю... Ну, будете вы у меня знать... пригрозилъ становой.

— Очень просто не знаю: онъ мнѣ не говоритъ, куда идетъ...—заявила съ достоинствомъ Гордіенчиха.

— Когда же онъ ушелъ?—спрашиваетъ становой.—Хорошіе родители, нечего сказать!.

— Я не видѣла, когда онъ уходилъ... отвѣчаетъ мать.

— Староста! восклицаетъ становой—позови мнѣ со двора того болвана, который тоже твердитъ: „не знаю“...

Омелько появляется и ждетъ уже болѣе сильныхъ внушеній отъ становаго.

— Говори, гдѣ Сергѣй Гордіенко, а то въ морду получишь!...

— Я возилъ снопы цѣлый день, какъ же мнѣ знать куда онъ ушелъ.

— Вы, значитъ, сговорились, чтобы укрывать бунтовщика —нарушителя царскихъ законовъ... Его нужно отправить въ Сибирь, а вы укрывать хотите... Я вамъ покажу... И становой кричалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Забирай, староста, въ холодную обоихъ и этого олуха и ее, старую с..... Становой окончательно вышелъ изъ себя и кричалъ на весь домъ.

— Нѣтъ, г. приставъ,—заявила Гордіенчиха.—Вы, вѣроятно, забыли меня? я вѣдь дворянка и въ родственныхъ связяхъ съ вашею супругою... И на вашей свадьбѣ, если припомните, сидѣла рядомъ съ вашею женою... Воля ваша, а въ холодную я не пойду.

Приставъ нѣсколько смѣшался. Гордіенчиха говорила правду.

— Побѣги, останови старосту...—скомандовалъ онъ понятымъ. Омелько такимъ образомъ остался дома. Тѣмъ временемъ понятые перерыли все добро Гордіенчихи, выбросили изъ сундуковъ ковры, сукна, плахты и полотна на полъ. Становой всюду самъ шарилъ.

— Пронюхалъ, значитъ, каналья, и удралъ...—заявилъ становой и, увидѣвъ на дворѣ Омелька, пригрозилъ ему рукой.—А тебѣ, мужичье рыло, нужно бы морду побить за твое „не знаю“ да пусть на другой разъ остается... Теперь я буду часто у васъ въ гостяхъ.

Съ этими словами становой и удалился, чтобы сейчасъ разослать гонцовъ во всѣ стороны. Солнце всходило изъ-за далекого лѣса. Лучи его старались проникнуть въ маленькое окошечко хаты Гордіенчихи; они освѣтили тотъ хаосъ, въ который обращено при обыскѣ все ея добро. Она сидѣла въ кухнѣ на лавкѣ цѣлый часъ неподвижно и проклинала тотъ день, въ который родила Сергѣя. У нея онъ былъ одинъ — надежда и радость... Чтобы дать ему возможность учиться, она ночей не спала, собирала гроши по копѣйкѣ, а теперь вотъ до чего довела наука!... въ Сибирь хотятъ сослать... Эти слова станового не выходятъ изъ ея головы и она сидитъ и плачетъ, причитывая. Всю жизнь была одной и умирать придется одной.

Омелько и Параска тоже были потрясены; они не знали, за что браться. И въ первый разъ въ жизни эта женщина, гордившаяся своимъ призрачнымъ, никому не нужнымъ, дворянствомъ, почувствовала близость къ этимъ простымъ людямъ, которыхъ всю жизнь эксплуатировала и не считала людьми. „Всѣ эти Омельки и Параски болѣе достоины названія человѣка, чѣмъ всѣ эти сытые и властные“... Эти слова Сергѣя только сегодня она вспоминала, какъ какое-то откровеніе и пожалѣла, что такъ поздно познала эту простую истину. Вспоминала Гордіенчиха и всю свою темную жизнь и предъ нею во весь ростъ вырисовалась фигура покойника мужа, этого наймыта изъ Хливной. Этотъ человѣкъ всегда появлялся предъ ея взоромъ, когда у нея была какая-либо печаль. Гордіенчиха увидѣла его сейчасъ какъ бы живымъ и вся задрожала... Онъ укоризненно на нее посмотрѣлъ своимъ мягкимъ всепрощающимъ взлядомъ, какъ бы говоря: „ты погубила меня, погубила сына, ты готова была погубить все, что есть хорошого въ мірѣ, оставивъ неприкосновеннымъ только свое дворянство, свои грунты...

* * *

По мѣрѣ того, какъ Марьяна приближалась къ хутору, ея мечты и счастье уносились въ высь. Ею овладѣвали воспоминанія о томъ, что она вынесла за свои семнадцать лѣтъ въ этомъ прекрасномъ „Пріютѣ Войниловича". Выдача ея замужъ за станового была высшею подлостью и она рѣшила съ нею ни за что не мириться. Марьяна идетъ полемъ. Здѣсь въ дѣтствѣ она пасла ягнята также, какъ и пасъ ихъ Сергѣй, и какъ счастливы они тогда были. Но съ тѣхъ поръ ея отецъ сталъ подыматься вверхъ, тяготѣть къ мѣстной знати и она попала въ сферу мелкаго мѣщанства, изъ котораго не можетъ никакъ вырваться. Теперь она чувствуетъ, что предстоитъ жестокое объясненіе съ отцомъ. А отецъ ей кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Ему душно на этихъ двухстахъ десятинахъ прекраснаго чернозема и въ этой уютной усадьбѣ, окруженной деревьями, постройками и наполненной скотомъ и рабами. Онъ хотѣлъ бы подняться выше этихъ построекъ и всѣмъ кричать: „Вотъ Владимиръ Войниловичъ, примѣрный собиратель грунтовъ, примѣрный семьянинъ, вѣрный слуга царя и отечества, титулярный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны". И вдругъ дочка этого примѣрнаго семьянина, до сихъ поръ бившаго, однако, старуху-жену, оставитъ столь же благонамѣреннаго супруга коллежскаго ассесора, и тоже кавалера ордена и уйдетъ къ крамольникамъ... Войниловичъ этого не вынесетъ и тамъ, гдѣ встрѣтитъ эту блудную дочь, тамъ ее и прикончитъ.... Для Марьяны получается безвыходное положеніе. Теперь она клянетъ все это добро отца и его жестокость, обезличившую ихъ души.

Еще до появленія Марьяны Войниловичъ инстинктивно чувствовалъ тяжелое ея положеніе въ становой квартирѣ. Самъ онъ сознавалъ, что погубилъ свою дочь, „завязав ій свит", какъ выражалась мать. Теперь, увидѣвъ Марьяну, пришедшую пѣшкомъ, онъ сразу почувствовалъ разрывъ.

— Что, бросила? спрашивалъ онъ жену. Теперь эта женщина была еще больше обезличена и безотвѣтна.

— Не будетъ она жить съ нимъ... загубили мы ее, молодую... сказала мать.

— Молчать, стара сука!...—кричитъ Войниловичъ на весь домъ точно также, какъ онъ кричалъ будучи становымъ.

— До какихъ поръ наша мать будетъ сукой?. спрашиваетъ отца Марьяна, услышавшая чрезъ пять комнатъ это давно извѣстное ей ругательство отца.—До какихъ поръ вы будете поносить всѣхъ насъ?

Войниловичъ былъ сильно озадаченъ приподнятымъ голосомъ Марьяны.

— Откуда ты это, голубка, научилась?. спрашиваетъ онъ ее какъ то странно,—не отъ смутьяновъ ли и крамольниковъ?..

— Смутьяны...—повторила Марьяна,—вы. Всѣ эти становые, попы и всѣ богачи—это и есть настоящіе смутьяны... Не было бы васъ, и смуты никакой не было бы на землѣ...

— Такъ ты, значитъ, уже напахталась ихъ духомъ... съ ненавистью и ироніею проговорилъ Войниловичъ — это значитъ вольнодумство и соціализмъ... вонъ изъ моего дома!... При этомъ онъ топнулъ такъ сильно ногой, что стѣны задрожали.

— Завтра уйду... будь вы прокляты со своимъ добромъ... совершенно спокойно проговорила Марьяна.—Много удовольствія быть въ этомъ омутѣ...

Марьяна была очевидцемъ, какъ этотъ прекрасный Пріютъ возникъ и кѣмъподдерживается въ немъ жизнь... И теперь у нея, какъ огонекъ, вспыхнула мысль, чтобы все это, созданное насиліемъ, уничтожить, уничтожить до основанія все то, гдѣ гнѣздятся всѣ эти вѣрные слуги отечества и настоящіе грабители народа.

Мысли этой, крѣпко засѣвшей у нея въ головѣ, Марьяна, однако, не высказала отцу и съ нею она уснула. Она въ первый разъ въ этомъ домѣ почувствовала себя человѣкомъ. И какъ только она заговорила инымъ голосомъ,—Войниловичъ сразу испугался. Это дало Марьянѣ основаніе сдѣлать такой выводъ. Если бы всѣ эти рабы заговорили человѣческимъ голосомъ, заявили о своихъ человѣческихъ правахъ, то это былъ бы конецъ неправдѣ на землѣ. И на мѣстѣ всѣхъ этихъ пріютовъ, гдѣ гг. Войниловичи издѣваются надъ людьми, появилась бы жизнь на чисто человѣческихъ началахъ.

— Времена... вотъ ужъ проклятыя времена... проговорилъ Войниловичъ, укладываясь спать—и вся эта проклятая крамола... вѣрнымъ слугамъ отечества жить нельзя... видано ли на свѣтѣ, чтобы родныя дѣти поднялись на своихъ родителей?... Эту стоглавую гидру нужно искоренить... Жаль, старъ я... Самъ бы поступилъ въ жандармы и какъ змѣю душилъ бы... Встревоженному воображенію Войниловича казалось, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ крамолой и соціалистами, которые подбирались уже къ нему самому. Вдругъ его мысль какъ бы озарилась какимъ-то соображеніемъ.—Знаю я, откуда все это идетъ... продолжалъ Войниловичъ,—все это отъ хама изъ Хливной... Эта мысль, возникшая неожиданно, сразу заявладѣла имъ. О! это была спасительная мысль, отогнавшая отъ него далеко сонъ.

Войниловичъ съ юношескою бодростью схватывается, накидываетъ на себя халатъ, вооружается „окулярами", садится за столъ и медленно дрожащею рукою выводитъ слово за словомъ: „Почтительнѣйше доношу Вашему Превосходительству, о томъ, что намъ всѣмъ вѣрноподданнымъ дворянамъ жизни нѣтъ отъ единого крамольника и соціалиста, происходящаго изъ мужичьяго званія, Сергѣя Гордіенка, бунтующаго народъ, нашихъ слугъ и дѣтей нашихъ совращающаго съ пути истины и долга. О семъ доноситъ потомственный дворянинъ и кавалеръ, вѣрноподданный своего императора, Владиміръ, сынъ Войниловичъ".

Запечатавши сіе посланіе въ конвертъ, Войниловичъ грубо растолкалъ спавшаго въ сѣняхъ лакея и приказалъ ему разбудитъ Семена.

Чрезъ четверть часа Семенъ, носившій почетное званіе помощника кучера, былъ на ногахъ и въ полномъ облаченіи.

— Поѣзжай, другъ мой, въ городъ и сдай эту бумагу губернатору и скажи тамъ, что она отъ помѣщика Войниловича. Семенъ былъ не на шутку удивленъ всѣмъ происходившимъ. Обычно баринъ въ это время спалъ безмятежно, а въ эту ночь онъ былъ какъ въ лихорадкѣ.

— Что-то важное случилось,—соображаетъ Семенъ,—коли бумагу посылаютъ самому губернатору... При этомъ словѣ Семенъ проникается важностью бумаги и важностью возложенной на нею миссіи. Для Семена губернаторъ былъ чѣмъ-то недосягаемо высокимъ и страшнымъ. Наскоро онъ осѣдлалъ вороного и двинулся въ далекій путь. Въ это время на востокѣ появился первый лучъ солнца; онъ освѣтилъ Пріютъ Войниловича, задернутый дымкой утренняго тумана. Масса деревьевъ, посаженныхъ правильными рядами, хорошо расположенныя постройки, утопавшія въ зелени, невольно привлекали взоръ путника, который могъ подумать, что здѣсь не жизнь, а рай. Въ то же самое время не было здѣсь ни одного человѣка, который могъ бы себя чувствовать по человѣчески. Въ хоромахъ эту ночь буквально всѣ мучились. Марьяна прямо таки задыхалась. Мать ея не уснула послѣ спора ни одной минуты. Два брата Марьяны, кадеты, обезличенные и запуганные, то и дѣло вздрагивали и схватывались во снѣ подъ вліяніемъ страшныхъ и нечеловѣческихъ криковъ отца. Не лучше дѣло было и на людской половинѣ. Тамъ коровница и птичница Палашка должна была вставать до восхода солнца за часъ, а ложилась она послѣ полуночи. Выдоивъ десятокъ коровъ, она едва держалась на ногахъ. Черная кухарка, варившая три раза въ день въ ведерныхъ казанахъ какую-ту бурду для рабочихъ и пекшая имъ хлѣбъ чернѣе чернозема, тоже кляла свою судьбу. Цѣлый десятокъ батраковъ, никогда не умывавшихся и мало-помалу утратившихъ человѣческій образъ, коротали жизнь день до вечера. И на лицахъ всего этого подневольнаго человѣчества нельзя было прочесть ни одной мысли, ни одной надежды. Это было какъ бы оголтѣлое мертвое царство—царство Владиміра Войниловича. Механически люди начинали работу съ восходомъ солнца, но самый этотъ восходъ никогда ихъ не интересовалъ. Солнце свѣтило и грѣло ихъ натруженное тѣло, но не вызывало въ ихъ душѣ никакихъ мыслей. И жизнь ихъ проходила изо дня въ день однообразная и безпросвѣтная.

Становой засѣлъ на два дня въ Тарасовкѣ, чтобы выискать крамолу. Прежде всего онъ „перетягавъ“ всѣхъ штундистовъ, которыхъ уличалъ попъ и его приближенные крестьяне. Они то и донесли попу на Сергѣя на другой день послѣ собранія на лугу. Какъ ни бился становой, все-таки не обнаружилъ никакого касательства штунды къ соціализму. Тогда онъ сталъ выискивать грѣхи Сергѣя. Тарасовская расправа приняла необычайное зрѣлище. Это была пора возовицы; каждому не хотѣлось терять рабочаго дня. Староста, сотскій и десятскіе кого попадали на улицѣ съ снопами, того и таскали „до росправы“. Такимъ образомъ, улица возлѣ расправы была запружена людьми и возами, нагруженными снопами. Крестьяне пробовали отказаться отъ участія въ радѣ, но становой такъ сильно кричалъ, что не было никакой возможности этого сдѣлать. Кто же упорно отказывался, того сажали въ холодную. Особенно посчасливилось въ этомъ отношеніи Омельку.

— Ты ходилъ звать Гордіенка на собраніе? спрашиваетъ его становой.

— Не знаю...—отвѣчаетъ Омелько.

— Какъ же ты не знаешь,—кричитъ становой,—врешь ты сякой, такой сынъ.

— Научалъ онъ тебя не слушать властей?

— Не знаю... былъ тотъ же отвѣтъ Омелька.

— Ну, такъ ты будешь у меня знать... возьмите его въ холодную... И Омелько просидѣлъ два дня.

На другой день подъ вечеръ въ Тарасовку прямо къ попу подъѣхалъ фаэтонъ четверткой лошадей. Въ немъ сидѣлъ грозный для полиціи жандармскій полковникъ и прокуроръ.

Становой не шелъ, а прямо бѣжалъ къ начальству. У него было исписано двѣ дести бумаги и на каждомъ листѣ выступала крамола.

— Опять у васъ въ станѣ соціалисты!.. сказалъ строго полковникъ. — Такъ вы хорошо слѣдите за ними... О Гордіенкѣ у меня имѣется десять донесеній, а вы лично не знали, пока вамъ не написалъ я и отецъ Василій... Вотъ вамъ еще одно донесеніе губернатору... И полковникъ передалъ ему бумагу Войниловича. Становой, увидѣвъ подпись, пришелъ прямо таки въ изступленіе.

— Удружилъ тестекъ миленькій,—подумалъ онъ.

— Уже арестовали или нѣтъ? спросилъ потомъ полковникъ.

— Нѣтъ... его не розыскали... трусливо отвѣтилъ становой.

— У васъ всегда не розыскали, два дня назадъ былъ, а теперь нѣтъ... хорошая полиція!.. Сейчасъ подавайте въ отставку,— такъ мнѣ губернаторъ сказалъ... Полковникъ на минуту отстановился, какъ бы что то припоминая, а затѣмъ продолжалъ: въ прошломъ году въ вашемъ станѣ народъ бунтовалъ Криницкій и вы тоже объ этомъ не знали, а въ этомъ году его ученикъ... Этого вы тоже не знаете, что Гордіенко все прошлое лѣто прожилъ на хуторѣ у Криницкаго и онъ его обратилъ въ революціонера, послѣ чего Гордіенко проповѣдывалъ соціализмъ въ реальномъ училищѣ... Это мы уже хорошо знаемъ.

Чрезъ десять минутъ становой велъ десятка два крестьянъ къ полковнику. Причемъ впереди шли три человѣка—пріятели батюшки, удостовѣрявшіе, что Гордіенко говорилъ на радѣ и противъ царя, и противъ Бога, и противъ властей, и противъ пановъ, и противъ батюшокъ.

„Винъ казавъ, що уся панська земля одійде людямъ, тилько жъ треба, щобъ люде за це добре взялися, бо паны безъ бійкы цеи земли не оддадуть“...

Къ вечеру былъ приглашенъ и Войниловичъ. Пріѣхалъ онъ фаэтономъ и четверикомъ, въ дворянскомъ мундирѣ и съ орденомъ. Здѣсь въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ зятемъ, стоявшимъ на дежурствѣ у дверей, и узналъ отъ него любопытную новость объ отставкѣ.

— Спасибо, папенька, удружили своимъ доносомъ... — сказалъ становой.

Войниловичъ, узнавъ въ чемъ дѣло, только почесалъ затылокъ. Слава Богу, что не отдалъ еще приданнаго...—подумалъ онъ...—Вотъ бы далъ маху...

— Можете успокоиться,—сказалъ полковникъ Войниловичу, —этого смутьяна больше здѣсь не будетъ... въ этомъ вы можете на насъ положиться... Мы его въ Якутку упремъ годиковъ на пять... тамъ охладитъ онъ свой пылъ... Вонъ сколько на него доносовъ! И полковникъ показалъ увѣсистую папку бумаги.

— А за то,—продолжалъ полковникъ,—что вашъ становой проспалъ, далъ возможность бунтарю уйти—онъ удаленъ и будетъ г. прокуроромъ преданъ суду за бездѣйствіе власти.

Вамъ же и отцу священнику истиная благодарность отъ меня и г. губернатора. При этомъ полковникъ, а за нимъ прокуроръ пожалъ руку Войниловичу и батюшкѣ.

— Рады споспѣшествовать пользѣ государственной...—сказалъ Войниловичъ и, подобострастно поклонившись, уѣхалъ.

На другой день былъ собранъ полный сходъ возлѣ расправы. Всѣ должны были бросить работу и идти выслушать милостивыя слова начальства. Десятка полтора штундистовъ были собраны еще съ вечера въ расправѣ и всю ночь они провели въ тревогѣ. За эти три дня начальство нагнало такого страху на населеніе, что каждый крестьянинъ провелъ послѣднюю ночь въ безпокойствѣ за свою судьбу. Если бы Сергѣй могъ повидать эти испуганныя лица крестьянъ, собравшихся здѣсь, то онъ увидѣлъ бы, какъ далеко время дѣйствительной борьбы съ эксплуататорами. Ни одной мысли на лицѣ, ни одной надежды въ душѣ этого населенія не было. Надъ душами этихъ забытыхъ людей тяготѣлъ какъ бы злой рокъ. Это было растеніе, выросшее у битой дороги на припекѣ. Здѣсь въ средѣ крестьянъ были и христопродавцы, донесшіе попу о собраніи, и эти люди не возбуждали противъ себя особой непріязни. О серьезномъ протестѣ не могло быть и рѣчи. И здѣсь, какъ и вездѣ, единственною мыслью Тарасовскаго крестьянина была мысль „о землѣ". Сейчасъ послѣ воли помѣщики какъ бы растерялись, сами не вели хозяйства, а землю сдавали въ аренду. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ были хорошія цѣны на хлѣбъ, онѣ вмѣстѣ съ низкими цѣнами на рабочія руки поставили на ноги помѣщиковъ и тѣ перешли на собственное хозяйство. Мелкопомѣстные и богатые крестьяне и казаки скупали грунты бѣдноты, среднее же крестьянство съ голотой бѣдствовало. О своихъ бѣдствіяхъ эти люди прежде всего аппелировали къ небу и долго ждали оттуда помощи. Но годы шли, а помощи отъ неба все не было и не было. Напротивъ, это небо какъ бы забыло о существованіи на землѣ голодныхъ и голыхъ и посылало на землю стихійныя кары. Ждалъ крестьянинъ милостей изъ столицы,—тоже долго ждалъ и молился, но годы шли, а оттуда тоже никакихъ вѣстей не было, никакой надежды. Прося у неба милости онъ не зналъ, что скрыто тамъ за голубымъ сводомъ. Онъ зналъ только, что оттуда падаетъ благодатный дождь, благодатное тепло и что оттуда исходитъ и градъ и молнія, несущія людямъ бѣдствія.. Все это указывало ему на то, что тамъ долженъ быть верховный судья, видящій съ высоты человѣческія бѣдствія и людскую неправду,—и крестьянинъ ждалъ. Земные боги тоже были вдали отъ него; они были также окружены такою же таинственностью. Крестьянину въ простотѣ души тоже казалось, что они видятъ и хорошо знаютъ его бѣдствія и онъ ждалъ годы и терпѣлъ и терялъ надежду... У Тарасовскаго крестьянина неожиданно появилось еще одно божество, тоже окутанное таинственностью. Это была „наука“. Наука въ глазахъ покойнаго Гордіенка была чѣмъ-то божественнымъ. Когда Тарасовцы спрашивали его: „зачѣмъ онъ отвезъ сына въ городъ“? онъ всегда твердилъ, что эта наука осчастливитъ всю Тарасовку, тщетно ожидавшую столько лѣтъ милостей неба и земныхъ боговъ. Гоненія, воздвигаемыя панами на эту науку, Тарасовцамъ были не безызвѣстными. Все это окружало и Сергѣя такою же таинственностью, какъ голубой сводъ окружаетъ содержимое неба... И вдругъ и эта надежда уносится въ даль.

— Вашего бога немае и не буде,—говорятъ на сходѣ богатѣи,—его зашлють не тильки въ Сибирь, а ще за Сибирь... И васъ усихъ заберутъ у тюрьму...

Они теперь чувствуютъ силу за собой. Тамъ у попа сидятъ ихъ охранители, окруженные тою же таинственностью. Нахлѣбники батюшки тоже воспряли духомъ; они гордо подняли голову и вмѣстѣ съ багатѣями „допекаютъ“ голоту. Послѣдняя думаетъ свою горькую думу. Не будь въ данный моментъ охранителей, да еще какихъ... Недаромъ богатѣи съ такимъ подобострастіемъ возглашаютъ: самъ полковникъ „тайной полиціи и прокуроръ“... Слова эти производятъ прямо таки страшное дѣйствіе на среднее крестьянство. Оно наиболѣе угнетено. На лицахъ этихъ крестьянъ написана тупая неизвѣстность и даже страхъ. Эти люди всю жизнь только то ии дѣлали, что возились съ землей; каждый день, каждый часъ надъ ихъ душами тяготѣла нужда... Ко всему тому, что не касалось прямо этой земли,—они были совершенно равнодушны. Вотъ они и теперь безучасны къ препирательствамъ богатѣевъ съ голотою.

— Подождите, дукари, уѣдутъ... мы съ вами помѣряемся силами... —кто-то изъ голоты не утерпѣлъ и брякнулъ.

— А! такъ винъ нахваляется... подняли цѣлый гвалтъ богатѣи—тащи его къ полковнику...

Они, какъ осы обступили смѣльчака, но послѣдній, оставивъ даже свитку въ рукахъ одного изъ нихъ, и самъ былъ таковъ.

Масса ко всему этому была равнодушна. Иначе она отнеслась къ появленію Гараська. Это былъ тоже ходатай крестьянскій. Серьезный, сильный, коренастый, по своей природѣ онъ былъ какъ бы созданъ для ходока. Исходилъ онъ Херсонскія и Кубанскія степи и теперь собирался на Амуръ... Это былъ своего рода искатель кладовъ. Самъ онъ былъ неграмотенъ, а межъ тѣмъ у него за пазухой было много всякихъ плановъ и описаній. Вотъ и теперь онъ принесъ „Сельскій Вѣстникъ“ съ описаніемъ льготъ для переселенцевъ на Амуръ.

— Сто десятинъ земли на семью...—проговорилъ онъ.—Вотъ гдѣ жить нашему брату... Эти слова произвели прямо таки магическое дѣйствіе. Всѣ заколыхались и кольцомъ обступили Гераська.—Не вѣришь, —говорилъ онъ,— такъ читай... И „Сельскій Вѣстникъ“ очутился въ рукахъ грамотѣя, который съ трудомъ отыскивалъ эти сто десятинъ... Герасько не утерпѣлъ и самъ ткнулъ пальцемъ.

— Десять лѣтъ твержу дуракамъ,—говорилъ Герасько,—а они ни пальцемъ не шевельнутъ; скоро сядете другъ на друга... При этомъ онъ широко раздвинулъ руки, стараясь показать этимъ, какъ много земли есть на свѣтѣ.—Собирайтесь, братья, въ переселеніе —говорилъ онъ.

— И давно бы такъ сдѣлать вмѣсто того, чтобы галдѣть здѣсь... подхватили богатѣи, для которыхъ это былъ случай расширить свои грунты.

— Вы, толстопузые, переселяйтесь, а нашему брату не съ чѣмъ...—кто-то изъ голоты снова брякнулъ. Но эти возгласы были заглушены рѣчами средняго хозяйственнаго крестьянства, въ глазахъ котораго „переселеніе“ являлось какъ бы оазисомъ въ пустынѣ.

И на долю Гераська выпалъ настоящій тріумфъ.—Сейчасъ выбирайте уполномоченныхъ и поѣдемъ въ Херсонщину — сказалъ онъ и толпа вся заревѣла: согласны... согласны... нехай буде Герасько первымъ уполномоченнымъ...

Въ это самое время издали показался фаэтонъ съ начальствомъ. Крестьяне пріостановились и сняли шапки. Впередъ вышли богатѣи.

— Здорово ребята!.. прогремѣлъ голосъ полковника, явившагося съ сопровожденіи крестьянскаго члена—мѣстнаго помѣщика.

— Здравія желаемъ вашему высокоблагородію! кричали богатыри.

— Вы что же бунтовать вздумали?.

— Никакъ съ нѣтъ,—отвѣчали они же.—Былъ одинъ бунтарь, но онъ не нашъ...—Не нашъ!..—кричала уже болѣе широкая толпа.

— Я такъ и зналъ, что это одинъ смутьянъ.., зналъ, что вы вѣрны батюшкѣ-царю, который о васъ такъ безпокоится... Будьте спокойны, съ нимъ мы еще справимся... Больше мутить тутъ васъ не будетъ... а вотъ насчетъ штунды подумайте... вредная она...

— Штунду тоже выслать...—раздались голоса.—Не надо намъ штунды! Пиши, старшина, приговоръ... закричала вся толпа.

— Прощайте, братцы, глядите же, чтобъ намъ больше не пришлось къ вамъ пріѣзжать.

— Рады стараться...—прокричали тѣ же горлачи, что стояли впереди. Толпа безмолствовала. Власти, довольныя выполненной миссіей, поѣхали на чашку кофе къ графу. Онъ тоже не оставался въ долгу и посылалъ письмо губернатору. Здѣсь нужно было тоже успокоительное дѣйствіе. Рукопожатіе графа и обѣдъ за графскимъ столомъ для полковника и прокурора, выбившихся изъ низовъ, имѣли также притягательную силу. Графъ былъ видною персоною при дворѣ. Съ помощью графа можно было просунуться въ губернаторы...

Смеркало. Тарасовка послѣ дневнаго труда, послѣ двудневныхъ волненій собиралась на покой. Всѣ знали, что „архангелы“ уѣхали и на душѣ у каждаго было какъ бы облегченіе. Въ селѣ водворилась поразительная тишина. Эту тишину, возможную только въ глуши, нарушалъ доносившійся съ большой дороги колокольчикъ. Въ графской каретѣ четверикомъ прослѣдовали пресыщенные и нѣсколько пьяные строгіе блюстители закона и спокойствія на русской землѣ. Поѣсть сладко и вкусно, выпить и добраться до высшихъ ступеней по чиновничьей лѣстницѣ—вотъ, что наполняло содержаніе жизни этихъ „устроителей порядка на землѣ“. Имъ не было въ сущности никакого дѣла до всего того, что волновало въ ту пору жизнь народныхъ массъ, въ которыхъ они видѣли стадо звѣроподобныхъ существъ и не признавали за ними никакихъ человѣческихъ правъ.

Запоздавшіе на поляхъ люди проходили мимо расправы. Эта расправа, въ которой три дня столько выстрадало людей, внушала имъ отвращеніе. Къ этому присоединялся какой-то инстинктивный страхъ отъ доносившагося издали звона колокольчика, который всегда несъ бѣдствія крестьянину. И онъ поскорѣе уходилъ домой, въ свою скорлупу. Даже крики, исходившіе изъ расправы, никого изъ проходившихъ мимо нея не останавливали. „Слава Богу, що не мене бьють“...—думалъ прохожій и спѣшилъ укрыться.

— Ты почему, мерзавецъ, не донесъ мнѣ о собраніи? —кричалъ становой на сотскаго. Не дожидаясь никакого отвѣта, становой наносилъ ему удары по лицу. Остановился онъ только тогда, когда кровь потекла ртомъ и носомъ. Становой собственноручно потащилъ его въ холодную. Урядникъ въ это время ожидалъ своей очереди, находясь въ другой комнатѣ чрезъ сѣни.

Становой, наученный горькимъ опытомъ своихъ предшественниковъ, расправлялся всегда наединѣ безъ свидѣтелей. Грознымъ и злымъ явился становой и къ нему. Урядникъ зналъ, что становаго удаляютъ и все время думалъ о томъ, чтобы ускользнуть отъ побоевъ.—А что если собаки между собой помирятся?... мелькнула у него мысль, наконецъ. И онъ былъ съ этой мыслью захваченъ врасплохъ. Становой въ одну секунду набросился на него и ударилъ по лицу. Онъ что-то хотѣлъ при этимъ проговорить, но не могъ, и только пѣна изо рта текла и самъ онъ былъ разъяренъ, какъ звѣрь. Урядникъ, обратившись въ бѣгство, вылетѣлъ изъ расправы, какъ оглашенный.

Было уже поздно, когда урядникъ выпустилъ изъ холодной сотскаго.

— А що и васъ собака скажена покусала?—спрашивалъ онъ урядника. Урядникъ былъ „потомственный дворянинъ":—ему стыдно было признаться.

— Подавай на него жалобу...—сказалъ урядникъ.

— Нашему ли брату съ панами судиться... Нехай Богъ его побье...

И онъ, еле передвигая ноги, поплелся домой. Эти три дня онъ пробылъ какъ на пожарѣ, не ѣлъ, не пилъ и совсѣмъ свалился съ ногъ...

За что собственно такъ ополчилось начальство на Сергѣя онъ не могъ въ своей головѣ подобрать объясненія. Онъ противъ пановъ пошелъ, а они на него... за ними сила, они и одолѣли его...—такъ объяснилъ сотскій эту исторію. И трехдневную бѣготню и побои сотскій принялъ какъ должное. При крѣпостномъ правѣ было еще хуже... Въ этомъ было его утѣшеніе.

Лакей, получившій два хорошихъ тумака въ спину, когда Войниловичъ отъѣзжалъ на допросъ, былъ пораженъ добродушіемъ хозяина по возвращеніи. — Благодарность губернатора чего-нибудь да стоитъ въ наше время...—думалъ онъ. Удаленіе зятя также выручало его. Марьяна будетъ имѣть предлогъ не возвращаться къ нему и онъ не дастъ обѣщанныхъ пяти тысячъ. На старость съ ума сошелъ... далъ маху... твердилъ онъ самъ себѣ всю дорогу—отдать такую красавицу за глиняный горшокъ, который при первомъ столкновеніи и разбился... Войниловичъ благодарилъ Бога за такое чудесное избавленіе и собирался даже на богомолье къ новообъявленной чудотворной иконѣ въ недалекой Козельщинѣ. Въ данный моментъ онъ готовъ былъ примириться съ Марьяной, предъ которой считалъ себя виноватымъ. Но она переживала тяжелую душевную драму и ей было не до этого

Становой по выѣздѣ изъ Тарасовки пришелъ въ себя. Въ виду пріюта Войниловича онъ растерялся. Тесть спроситъ:—чѣмъ дальше будетъ жить?—Эта мысль ему не даетъ покоя. На пять тысячъ можно жить... подумалъ онъ,—можно десять кабаковъ снять... За десять лѣтъ службы становымъ онъ хорошо изучилъ это дѣло... Но Войниловичъ не дуракъ: его не проведешь, приданаго можетъ и не дать...

Войниловичъ не вышелъ навстрѣчу зятю, какъ раньше, и подалъ ему два пальца вмѣсто всей руки. Весь видъ его какъ-бы говорилъ:—Ты не оправдалъ и моего довѣрія и довѣрія начальства: проваливай до пріисканія приличнаго твоему званію мѣста.

— Моя дочь, дочь потомственнаго дворянина, не пойдетъ стыкаться, пока у васъ не будетъ мѣста...—заявилъ онъ, предупреждая всякій разговоръ зятя по этому поводу.

— Ваша дочь—моя законная жена... по закону она должна слѣдовать за мужемъ, и я ее возьму...

— Молчать въ моемъ домѣ, проходимецъ... сердито крикнулъ хозяинъ.

— Проходимецъ по милости вашей и вашей дочери...—сказалъ зять. Значитъ, вы отдавали свою дочь не за меня, а за мое званіе...

— Именно для меня дорого было ваше званіе, — сказалъ Войниловичъ.—Становой—это первая ступень служенія царю и отечеству, особенно теперь при нашемъ возлюбленномъ монархѣ.. Имѣлъ бы больше силъ,—самъ бы пошелъ снова служить, искоренять крамолу...

— Будь оно проклято это званіе... шинкаремъ лучше быть...

— Недостаточно проникаетесь, м. г., сознаніемъ служебнаго долга и пользы отечеству—сказалъ Войниловичъ наставительно.

— Прошу не забывать, что предъ вами не юноша, а человѣкъ, которому пошелъ сороковый годъ... человѣкъ чиномъ выше васъ...

Эти слова привели въ бѣшенство Войниловича; самъ онъ не могъ простить себѣ, что не пошелъ выше титулярнаго совѣтника.

— А кто же насъ столько увѣрялъ въ своихъ тридцати годахъ?... крикнулъ онъ.—Ты, значитъ, нагло обманулъ насъ. Вонъ изъ дома... Войниловичу сразу представилась въ новомъ освѣщеніи столь позорная продажа своей дочери коллежскому ассесору и кавалеру. Сознаніе ошибки и страданье, наполнившее все существо его, вывело Войниловича изъ себя. Онъ безумно кричалъ и гналъ зятя. На крикъ сбѣжалась вся дворня. Становой, наконецъ, былъ изгнанъ, а хозяинъ легъ „умирать“. Умиралъ же онъ послѣ каждаго крупнаго ругательства. И всѣ окружающіе были рады, что вотъ наконецъ онъ помретъ. Но Войниловичъ не умиралъ. Марьяна, очертя голову, уходила отъ этого крика. Онъ напоминалъ ей всѣ ужасы дѣтства.

— Уйти... уйти... шептала она безпомощно.—Найти новую дорогу жизни... Дальше этого ея мысль, запуганная и слабая, не простиралась. Чрезъ полчаса она была на току Гордіенчихи, гдѣ Омелько все еще возился, укрывая соломой стогъ жита. Въ самую горячую пору жатвы онъ просидѣлъ въ холодной два дня и теперь хотѣлъ наверстать потерянное.

— Сыдыть якъ неприкаянна...—отвѣтилъ онъ на вопросъ Марьяны о хозяйкѣ.—И не лае, и не исть и не спыть...

Марьяна зашла въ хату утѣшить мать Сергѣя. Но сама она при этомъ почувствовала сильную боль. Ей вспомнились слова отца, повѣдавшаго, по пріѣздѣ отъ жандармовъ, о ссылкѣ Сергѣя въ Якутскую область.

Услышавъ колокольчикъ, съ которымъ возвращался ея мужъ изъ пріюта, Марьяна вся поблѣднѣла и задрожала. Но бричка не остановилась.

Становой теперь все забылъ и думалъ только о потерѣ Марьяны. Человѣкъ, тѣломъ котораго онъ обладалъ, вырвался отъ него. У него мелькнула мысль о возвращеніи жены при посредствѣ наѣзда на пріютъ съ отрядомъ полицейскихъ. Но по пріѣздѣ въ станъ на другой день онъ засталъ срочную телеграмму губернатора о сдачѣ дѣлъ командируемому чиновнику въ 24 часа.

Черезъ недѣлю былъ праздникъ цвѣтовъ — „Маковія". Въ Тарасовской церкви было море цвѣтовъ различныхъ оттѣнковъ. Среди молящихся по обыкновенію впереди стояла и вдова Гордіенчиха, непоявлявшаяся до сихъ поръ „межъ люде". Она усердно молилась, клала поклоны и свѣчи ставила и попу на часточку дала полрубля. Она даже душевно успокоилась. Вотъ служеніе окончено, батюшка вышелъ говорить проповѣдь. Говорилъ онъ больше всего о появленіи штунды и вольнодумства въ народѣ. И на этотъ разъ штунда жестоко поплатилась. Онъ не утерпѣлъ и повѣдалъ, что всѣ штундисты будутъ сосланы.

Но центръ тяжести на этотъ разъ лежалъ не въ штундѣ.

— Знаете, господа,—сказалъ въ заключеніе попъ,—кто убилъ нашего царя батюшку?.. Это такіе бунтари, какъ нашъ Гордіенко... Царь много еще думалъ сдѣлать добра вамъ, но его убили... и вашъ Гордіенко въ одной шайкѣ съ ними...

Проповѣдь не была окончена. Произошло въ церкви смятеніе: Гордіенчиха „зомлила" и упала на полъ. Люди бросились подымать ее.

Въ углу церковной ограды сидѣла Марьяна возлѣ больной, которая стала шевелиться и стонать. Съ праздника цвѣтовъ до нея доносилось пѣніе и слова священника „о мирѣ всего міра" и всепроещеніи... Эти слова наемниками обращены въ пустой звукъ и она глубоко задумалась надъ тѣмъ фарисействомъ, которое зародилось на почвѣ, воздѣланной Христомъ, и о той неправдѣ, которая господствуетъ среди людей. И Марьяна въ душѣ пересоздавалась.

Она вся была погружена въ мысль о подвигѣ, о работѣ на просвѣтлѣніе народной мысли, о борьбѣ съ неправдой. И та мысль, которою она раньше жила, о счастьѣ, о безмятежномъ существованіи отъ нея была теперь далеко, далеко...

Кругомъ была ночь, когда Сергѣй двинулся въ путь. Куда идти?.. у него былъ одинъ вопросъ. И жаль было ему оставлять родину. Ему хотѣлось побродить по роднымъ мѣстамъ хотя бы одинъ день. Долго онъ думалъ надъ этимъ и рѣшилъ отправиться на хуторъ Криницкаго, о которомъ онъ сохранилъ столько воспоминаній. Принявъ это рѣшеніе, Сергѣй двинулся въ путь. Пробирался онъ сжатыми и неубранными еще нивами. Чувство одиночества смѣнилось у него чувствомъ печали, когда онъ проходилъ мимо одной экономіи. О! эта экономія еще въ прошломъ году столько внушала надеждъ, — подумалъ Сергѣй,—а теперь она запустѣла и переходитъ въ руки какого-то кулака! И Сергѣю представились какъ бы на-яву всѣ эти безконечныя обсужденія, которыя велись все прошлое лѣто хозяиномъ этой экономіи и его пріятелемъ Криницкимъ съ крестьянами.

Хозяинъ ея учился вмѣстѣ съ Криницкимъ и былъ такимъ же народникомъ, какъ и онъ. Находя несправедливымъ владѣніе землей, они рѣшили передать крестьянамъ всю землю съ тѣмъ, чтобы они работали сообща,—чтобы экономія стала „громадскою“; мечты объ этой *громадской экономіи* составляли центръ ихъ жизни. Крестьяне часто собирались и все до мелочей обсуждали. Хозяинъ тысячи десятинъ выговаривалъ себѣ пятьсотъ рублей въ годъ, все же остальное должно идти въ общее достояніе всего села. Сергѣй долженъ былъ пансіонеромъ громадской экономіи поступить въ Петровскую земледѣльческую академію и потомъ отработать въ экономіи затраченныя на его ученіе деньги. И всѣ эти мечты были близки къ осуществленію. Какъ вдругъ въ одну изъ августовскихъ ночей нагрянули гости—жандармы въ сопровожденіи исправника и взяли хозяина... Теперь онъ въ далекомъ холодномъ Обдорскѣ... Противъ хозяина поднялась вся темная сила во всей окрестности: помѣщики, попы, полиція. Была у него прекрасная школа, она закрыта... Все погибло... и теперь вмѣсто громадской экономіи стояла экономія—пустка и землю покупалъ какой-то капиталистъ. Сергѣй ликвидировалъ только теперь свою завѣтную мечту о Петровской академіи. Съ этими мыслями Сергѣй достигъ хутора, стоявшаго у небольшой рѣчки. На востокѣ загорѣлась заря, надъ полями поднялся жаворонокъ. Хуторокъ тонулъ въ утреннемъ туманѣ, отъ рѣчки тянуло прохладой. Сергѣй вспомнилъ ту ночь, когда отъ жандармовъ уходилъ Криницкій... Какимъ-то ужасомъ было обьято все существо Сергѣя. Въ встревоженномъ воображеніи его воскресаетъ образъ его учителя-друга. Мягкій, гуманный, съ любящею душою Криницкій представлялъ для него идеалъ человѣка. Ту вѣру въ людей, которая была такъ сильна у Сергѣя, внушилъ ему Криницкій, имѣющій широкій взглядъ на жизнь. Вся жизнь его характеризуется двумя словами—любовь и подвигъ.

— Ефимъ... а, Ефимъ!..—зоветъ Сергѣй старика-сторожа.

Скрипучая дверь отворяется и на порогѣ появляется старецъ. Лицо его при видѣ Сергѣя сразу оживилось.—По доброй волѣ, чы по неволѣ?—спрашиваетъ онъ.

— По неволѣ... грустно отвѣчаетъ Сергѣй, стараясь поскорѣе укрыться въ домъ.

— А вамъ самому не скучно здѣсь?—спрашиваетъ онъ потомъ старика.

— У меня часто бываютъ „гости"...—говоритъ Ефимъ. Тайная полиція все насъ не оставляетъ въ покоѣ... И переодѣтые и непереодѣтые частенько сюда навѣдываются...

— Небезпечно, значитъ, у васъ нашему брату...—проговорилъ Сергѣй.

— Небезпечно...—грустно отвѣчаетъ старикъ и ведетъ его сейчасъ же въ самую густую заросль сада. Сергѣй цѣликомъ ввѣряется попеченію Ефима, который болѣе десяти лѣтъ живетъ у Криницкаго и виды видывалъ и не разъ укрывалъ людей, за которыми гонялись жандармы.

— Теперь за вами гонятся жандармы,—говорилъ Ефимъ, сидя на травѣ въ кустахъ, а за нами гонялись паны и ихъ сипаки... Ефимъ, не видѣвшій по цѣлымъ недѣлямъ живого человѣка, готовъ былъ разсказывать о преслѣдованіяхъ панскихъ сипакъ хоть цѣлый день. Но собака залаяла: у воротъ показался всадникъ и Ефимъ побѣжалъ. То былъ урядникъ.

— Это за мной...—мелькнуло въ головѣ Сергѣя, который быстро соображалъ, въ какую сторону ему двинуться. Камыши эти ему хорошо были извѣстны, въ нихъ въ прошломъ году прожилъ Криницкій нѣсколько дней, укрываясь отъ полиціи. Сергѣй весь дрожалъ, когда остановился въ чащѣ камышей и лозы.

Вся одежда на немъ была мокрая и въ грязи. Сознаніе, что онъ находится внѣ опасности, возвратило ему самообладаніе и чрезъ часъ Сергѣй уже устроилъ себѣ логовище и залегъ на цѣлый день спать. Однако, сонъ ему не давался. Онъ думалъ прежде всего о гадюкахъ, которыя водились въ этихъ сырыхъ мѣстахъ, а Сергѣй съ дѣтства сильно боялся этихъ пресмыкающихся. Было уже около полудня, какъ раздался неожиданно выстрѣлъ. Это былъ выстрѣлъ урядника, безплодно бродившаго полдня по саду и кустамъ. Чтобы проникнуть въ камыши, нужно было снять всю одежду и брести по топкому болоту. Безъ такой настоятельной нужды, какую можетъ испытывать только человѣкъ, за которымъ гоняются жандармы, никто не рѣшился бы на подобное предпріятіе.

Солнце клонилось къ вечеру, когда въ логовище къ Сергѣю нагишемъ, „въ чемъ матка породила“, появился Ефимъ. Онъ хорошо зналъ это „убѣжище“.

— Я прытягъ вже човенъ...—повѣдалъ онъ. У мене на березi варыться кулишъ съ саломъ... Ходимъ! згадаемъ перши часы... И старикъ тяжело вздохнулъ.

— Безжалостная рука все уничтожила...—подумалъ Сергѣй. —Кому вредилъ мирный идеалистъ?.. Зачѣмъ нужно было изгонять Криницкаго, собиравшаго на лѣто нѣсколькихъ молодыхъ людей и работавшаго съ ними въ полѣ, саду и съ книгою въ рукахъ?..

— И мени тоди було краще... — сказалъ Ефимъ — и усимъ людямъ краще... Уся округа була неначе зновъ на свитъ народылась, а теперь усе захрясло и пощезло. И я жыву въ оцій пустыни, якъ звирюка... Никому я ничого не заподіявъ, алы жъ дывышься, якъ понапрасно забирають людей и самъ кожну ничъ жду крючкивъ у гости...

На лицѣ старика легла печать безжизненности и онъ замолчалъ. Сергѣй тоже сидѣлъ молча. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе природы, которая только одна оставалась попрежнему спокойна и прекрасна. Солнце заходило за лѣсомъ, на десятки верстъ на югъ раскинулась равнина. Сергѣй поджидалъ сумерекъ, чтобы двинуться на городъ. Ему жутко казалось на развалинахъ всего дорогого и невольно сообщался тотъ ужасъ и тѣ страданія, которыя онъ пережилъ въ августѣ прошлого года послѣ ареста творца громадской экономіи и бѣгства Криницкаго. И Сергѣй спѣшилъ уйти. Но куда идти?.. Надъ этимъ онъ сильно задумался. Красивое лицо юноши было печально и сильно озабочено.

— Къ хозяину... теперь винъ у Кіеви... — какъ бы выручалъ его дидъ Ефимъ.

— Боюсь, поймаютъ... тамъ за нимъ навѣрное зорко слѣдятъ.

— Просту одежу надивай,—посовѣтывалъ Ефимъ, хранившій нѣсколько народныхъ костюмовъ Криницкаго. — Пидожды я тоби вынесу...—предложилъ онъ.

Чрезъ часъ Сергѣй въ чемеркѣ, широкихъ штанахъ и черномъ войлочномъ осмоленномъ брылѣ двинулся въ городъ, въ которомъ учился.

Онъ рѣшилъ повидать своего товарища Вербицкаго и съ нимъ потолковать насчетъ дальнѣйшей работы.

Ефимъ взялся проводить Сергѣя на большую дорогу и долго не хотѣлъ съ нимъ разставаться. Онъ былъ очень привязанъ къ Криницкому и Сергѣю, видя въ нихъ защитниковъ всѣхъ обездоленныхъ.

— Ганяюця за вами, стыкаетесь вы по свиту,—сказалъ онъ опять, идя сзади Сергѣя,—а перше за нами ганялись паньски гайдуки и сипакы... И при этомъ старикъ повѣдалъ исторію о томъ, какъ по субботамъ били на брамѣ почти каждаго и какъ онъ съ товарищемъ убѣжалъ въ Херсонскія степи.

— Товарышъ не выдержавъ на чужини, вернувся,—заключилъ Ефимъ. Его былы колючыми терновыми ризками... винъ мусивъ выказать на насъ... Послалы собашныкивъ и воны найшлы насъ, катувалы; а потомъ заковали въ кайданы, якъ на катаржній роботи... Рѣчь старика прервалась среди поражающей тишины полей.

И все это совершалось въ экономіяхъ свѣтлѣйшаго графа и высокоблагородныхъ его сосѣдей...—подумалъ Сергѣй. Этотъ разсказъ старика какъ бы подлилъ масла въ костеръ. Юноша пересталъ раздумывать. Онъ простился съ старикомъ, который прошелъ уже верстъ восемь и едва поспѣшалъ за нимъ. Сергѣй даже поцѣловалъ его. Въ глазахъ юноши дидъ Ефимъ являлся олицетвореніемъ жалкой и превратной судьбы народа. Его доброта, готовность помогать людямъ, незлобивость были поразительны.

Жутко было юношѣ самому въ полѣ. Но на него нашло какое-то безстрашіе, самоотверженіе. Сергѣй рѣшилъ отрѣщиться даже отъ привязанности къ родинѣ и близкимъ людямъ. Теперь онъ готовъ былъ идти на самое отважное дѣло. Сергѣй понималъ своихъ предшественниковъ, которые отваживались на самыя страшныя дѣянія. Онъ самъ былъ въ такомъ же положеніи. Онъ былъ очевидцемъ разгрома дѣла, которое могло осчастливить полтысячи семействъ. Онъ не питалъ злобы ко всѣмъ этимъ громителямъ и душителямъ, но уничтожить все это зло онъ порывался всѣми силами.

На окраинахъ города, на выгонѣ, стоялъ цѣлый рядъ избушекъ. Было еще очень рано, когда въ одну изъ нихъ постучался Сергѣй. Въ эту пору даже окраина, подымающаяся обычно съ солнечнымъ восходомъ, еще спала.

— Чого тоби треба?—грозно отзывается старикъ Вербицкій, привыкшій къ непрошеннымъ визитамъ жандармовъ и шпіоновъ.

— Я Сергій къ Валерію!.. — отвѣтилъ тихо человѣкъ въ брылѣ.

Старикъ безъ словъ впустилъ Сергѣя.—А тебя еще не сцапали?

— Убѣжалъ... а развѣ что? А Валерій? Сергѣй увидѣлъ, что не все обстоитъ благополучно. Старикъ и безъ того всегда дрожалъ, а теперь онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ. Видно было что и здѣсь погромъ.

— Валерія уже въ Сибирь сослали...—проговорилъ старикъ —скоро и за тобой придутъ: у насъ два шпіона живутъ рядомъ...

Сергѣй, не почувствовавшій до сихъ поръ усталости отъ пройденныхъ тридцати верстъ, сразу какъ бы лишился ногъ. Его на время совсѣмъ оставили силы. Много разъ онъ былъ въ этой избушкѣ, но никогда она не представлялась ему столь жалкой, какъ теперь. И старикъ этотъ еще мѣсяцъ назадъ былъ совсѣмъ другой. Страданье наложило на него свою печать. Юношу что-то какъ-бы сжало и душило за горло. Слово „Сибирь“, только что услышанное, внушило какой-то инстиктивный ужасъ.

— Цѣлый поѣздъ, наполненный политическими, на дняхъ прослѣдовалъ изъ Одессы...—разсказывалъ старикъ. — Тамъ въ одну ночь полтораста душъ взяли и чрезъ недѣлю отправили... Валерія присоединили къ нимъ...

Рѣчь старика была прервана неожиданно раздавшимся на печкѣ стономъ матери Валерія; она уже нѣсколько дней не подымалась на ноги.

— Тикай одъ насъ, Сергію...—со стономъ проговорила она.— У насъ ниде сховаця и тебе сцапають!.. И въ голосѣ ея звучалъ тотъ-же ужасъ. Окраина просыпались, на востокѣ занималась заря, на дорогѣ растянулась цѣлая валка крестьянъ, ѣхавшихъ на базаръ. По направленію къ лѣсу быстро удалялись два человѣка. Старикъ Вербицкій забылъ про свои шестьдесятъ лѣтъ и быстро шагалъ за юношею въ чемеркѣ и брылѣ.

— Если бъ ты видѣлъ этотъ поѣздъ,—продолжалъ Вербицкій уже въ лѣсу.—Такъ были пожилые, тамъ были и прямо почти дѣти... Только при Муравьевѣ я видѣлъ нѣчто подобное, но тогда дѣтей не трогали... Теперь хоть ложись—да помирай съ голоду... добавилъ онъ.

Сергѣю не нужно было разсказывать. Онъ зналъ, что Вербицкій зарабатывалъ хлѣбъ тѣмъ, что писалъ прошенія крестьянамъ, письма—на почтѣ. Валерій же бѣгалъ по урокамъ и кормилъ стариковъ.

— Подлая жизнь...—проговорилъ Сергѣй, оставленный Вербицкимъ на той полянѣ, на которой онъ не задолго предъ тѣмъ держалъ рѣчь передъ товарищами.

Этотъ шляхтичъ, высланный въ 1863 году изъ предѣловъ Польши, тоже какъ бы олицетворялъ символъ жизни. Въ безконечныхъ странствованіяхъ въ поискахъ хлѣба и работы онъ растерялъ своихъ дѣтей и силы. Въ этой чужой мѣстности, среди чужихъ людей онъ возбуждалъ жалость. Валерій для него былъ единственнымъ свѣтлымъ лучомъ. Соціалистъ онъ былъ по рожденію.

Въ ушахъ Сергѣя звучатъ какъ что-то очень высокое и недосягаемое послѣднія слова старика: „Оля обвѣнчалась въ тюремной церкви... и пошла за нимъ"... Эти слова были изъ другой оперы. Оля была баловница судьбы. Она была дочка полковника, тоже поляка. Соціализмъ для Оли служилъ лишь украшеніемъ ея жизни, безсодержательной въ домѣ отца. Силъ у нея было много и онѣ рвались къ подвигу и героизму. Валерій былъ героическая натура. Оля увлеклась имъ, порвала съ семьей и пошла на подвигъ въ семнадцать лѣтъ!..

Эти люди, выхваченные прямо изъ жизни, стояли предъ Сергѣемъ, какъ живые. Кто знаетъ, что сдѣлаетъ съ ними подлая жизнь?...

Въ сердцѣ Украйны.

Кіевъ безспорно составляетъ сердце украйны. Какъ сердце въ организмѣ задаетъ тонъ всей его жизни, такъ точно и Кіевъ направлялъ жизнь Украйны. Много было причинъ, что это сердце неравномѣрно распредѣляло жизненныя силы на весь организмъ страны. Все здѣсь было приспособлено къ тому, чтобы блага жизни распространялись только въ одну сторону—сторону богатыхъ, сильныхъ и властныхъ. Это сердце Украйны оказалось для однихъ слишкомъ сердечнымъ, а для другихъ совсѣмъ безсердечнымъ. Въ прошломъ вся культура была направлена на то, чтобы обезпечить жизнь кучки привилегированныхъ людей на счетъ массъ. Въ этомъ ограбленіи широкихъ массъ народа городъ принималъ большое участіе. Люди жили сотни лѣтъ и мало кто задумывался объ томъ грабежѣ народа. Цѣлые классы, цѣлыя институціи ежедневно посвящали свой трудъ, направленный къ извлеченію изъ народа средствъ для сытаго или пресыщеннаго существованія. Не будь тѣхъ кровеносныхъ артерій, которыя заложены во всѣхъ этихъ Тарасовкахъ, Ольшанахъ, не было бы того блеска и той сытости, которые замѣтны въ жизни этого центра. И вдругъ и въ эту жизнь вмѣшались критическая мысль и неизбѣжный ея спутникъ—соціализмъ. „Явленіе это было безспорно наноснаго характера“, какъ повѣствовали о нихъ отчеты канцелярій, и „вредныя ученія не нашли здѣсь благопріятной почвы“. Горсть людей, исповѣдывавшихъ новую религію, была уничтожена: нѣкоторыхъ казнили, другихъ сослали въ Сибирь и на каторгу, многіе бѣжали.

Судъ къ этимъ прозелитамъ отнесся съ чрезвычайною жестокостью*). Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Жандармы, чтобы искоренить самую мысль о соціализмѣ, не пощадили, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и ни въ чемъ неповинныхъ людей. Вредныя бациллы были въ корнѣ уничтожены и жизнь приведена въ „первобытное состояніе“. Для поддержанія же его во вѣки вѣчные съ 1881 года введена во всемъ Юго-Западномъ краѣ усиленная охрана—дитя восходившаго тогда свѣтила фонъ-Плеве. Правда, эта охрана, предоставлявшая огромную власть жандармамъ, полиціи, особенно генералъ-губернаторамъ, вводилась на годъ. Предъ окончаніемъ она по обыкновеніи возобновлялась еще на годъ и такимъ образомъ безпрерывно и благополучно просуществовала до ноября 1905 г., смѣнившись военнымъ положеніемъ. Имѣя задачей охранять „первобытное состояніе“, охрана выполнила свое назначеніе только въ отношеніи меньшаго брата, котораго она дѣйствительно продержала четверть вѣка на степени первобытныхъ нищенства и дикости. Положеніе господствующихъ классовъ—помѣщиковъ, сахаро-заводчиковъ, фабрикантовъ и чиновниковъ съ попами было охраной вполнѣ обезпечено и они жили все время, какъ у Христа за пазухой, выжимая послѣдніе соки народа. Власть капитала, господство помѣщиковъ польскихъ и русскихъ и всесильное продажное чиновничество—эти три народныя язвы—сдѣлали состояніе народа еще болѣе невыносимымъ. И жизнь за этотъ періодъ—та же отвратительна картина, гдѣ вверху на грудѣ человѣческихъ тѣлъ гнѣздится земной полубогъ—упитанный капиталистъ, или аграрій, или чиновникъ, а у подножія его стоятъ сотни, тысячи и сотни тысячъ людей почти нагихъ и полуголодныхъ. На служеніе капиталу обращено было все—чиновничество, и школа, и церковь, и печать. Цѣлыя десятилѣтія не слышно было здѣсь даже слова о народныхъ бѣдствіяхъ. И если бы кто-нибудь вздумалъ заговоритъ человѣческимъ голосомъ о народѣ, то онъ сочтенъ былъ бы за опаснаго соціалиста и подвергся бы всяческимъ гоненіямъ прежде всего со стороны „Кіевлянина“ а потомъ уже жандармовъ и т. д. Даже такое учрежденія, какъ Университетъ, было заполнено карьеристами-помѣщиками, скупавшими на льготныхъ условіяхъ земли польскихъ пановъ въ Юго-Западномъ краѣ. Сильная и довольно вліятельная украинская громада, разгромленная жандармами и лишенная талантливаго вождя Драгоманова, погрязла въ мелочахъ и не оказывала никакого вліянія на жизнь. Польскіе націолисты — были по преимуществу паны-помѣшики и ихъ прихвостни, адвокаты, агрономы—буржуазія—душители народа. Чиновники были обрусители края. Еврейская интеллигенція еще только зарождалась. Соціальная мысль была загнана въ подполье.

---

*) 23 февраля 1880 г. Кіевскій военный судъ присудилъ къ смертной казни студента Іосифа Розовскаго и б. гимназиста Ивана Родіонова, юношу 17—18 лѣтъ зато, что первый изъ нихъ далъ второму, а второй расклеивалъ на станціяхъ ж. д. противоправительственныя прокламаціи. Ген.-Адъют. Ванновскій замѣнилъ Родіонову казнь 6-лѣтнею каторгой,а Розовскій,какъ еврей,казненъ 6 марта въ 11 утра. „Хроника соц. движенія. Оффиц. отчетъ“. 130 стр.

Криницкій возвратился изъ изгнанія. Цѣлый годъ онъ странствовалъ по Европѣ. Въ Женевѣ онъ работалъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Драгомановымъ—мирнымъ соціалистомъ, въ Галиціи съ Иваномъ Франкомъ и Павликомъ, истыми сынами народа и народниками. Съ Драгомановымъ рѣчь шла о дальнѣйшихъ судьбахъ родины, о созданіи литературы—свободнаго слова. Съ Франкомъ и Павликомъ толковали о созданіи сельской интеллигенціи, о движеніи учащейся молодежи въ деревню. Но душа Криницкаго стремилась въ Украйну. Въ Кіевъ онъ явился въ полной готовности отправиться въ тюрьму. Одно лишь его безпокоило—это дочка, которую нужно было уже учить. Самымъ жестокимъ преслѣдователямъ человѣческая природа кладетъ предѣлъ. Нелѣпо было бы, напримѣръ, надругаться надъ трупомъ казненнаго человѣка или преслѣдовать человѣка, жизнь котораго уже навѣрняка погублена. У шефа кіевской жандарменіи, дѣйствовавшаго съ неумолимою жестокостью на протяженіи четверти столѣтія, на этотъ счетъ были свои убѣжденія. Онъ могъ, напримѣръ, сказать такую фразу: „Криницкаго не троньте“... Почему не троньте— это зналъ только онъ одинъ и вся свита его (а она была не малочисленна) безпрекословно повиновалась. У шефа была желѣзная воля и большой кулакъ, большая глотка. Отъ него вѣяло чѣмъ-то далекимъ— временами Николая I, Петра I и, Ивана Грознаго. Въ этомъ человѣкѣ, налитомъ кровью, кровью, собранною съ тысячи существъ, воплотилось все, что есть въ человѣческой природѣ жестокаго и бездушнаго. Заславъ жену Криницкаго на каторгу, шефъ какъ-бы почувствовалъ угрызеніе совѣсти и ограничился двумя шпіонами, изъ нихъ одинъ долженъ былъ слѣдить за квартирой, а другой ходить за Криницкимъ по пятамъ. Каждому шпіону платили по меньшей мѣрѣ 25 руб. въ мѣсяцъ, такъ что жизнь Криницкаго обходилась народной казнѣ въ 50 рублей. По мѣрѣ силъ долженъ буду отрабатывать народу...—говорилъ онъ. „Враги“ должны были изучить жизнь и привычки другъ друга.

Шпіоны знали въ какое время Криницкій встаетъ, обѣдаетъ, ложится спать. Криницкій тоже хорошо зналъ, когда шпіоны спятъ и какъ ихъ можно обмануть, вставь, напримѣръ, часа на два раньше обычнаго. Въ тогдашнемъ соціализмѣ все еще преобладало прежнее боевое настроеніе—бороться за возможность соціалистической пропаганды съ оружіемъ въ рукахъ. Этому направленію, какъ извѣстно, не сочувствовалъ Драгомановъ, оно не было по душѣ и Криницкому. Онъ не былъ согласенъ съ принципомъ: око за око, зубъ за зубъ. Прежде онъ былъ сторонникомъ непротивленія злу насиліемъ. Но потомъ, когда это зло все увеличивалось и вырывало изъ жизни, изъ среды работниковъ народа все больше и больше талантовъ, Криницкій долженъ былъ склониться къ той мысли, что со зломъ нужно бороться всякими мѣрами въ томъ числѣ и насильственными. Онъ не могъ быть безучастнымъ зрителемъ тогда, когда зло заносило свой жестокій мечъ на голову друзей народа. Воздѣйствовать на шефовъ жандармовъ путемъ печати и убѣжденія—это значило воевать съ вѣтрянными мельницами.—Все же нужно, господа, различать наши главныя цѣли отъ второстепенныхъ задачъ...—твердилъ онъ всегда. Нужно работать по всей линіи... Но работать въ то время было почти некому. Отъ прежняго большого корабля остались только обломки. Болѣе стойкое и цѣнное такъ или иначе погибло въ водоворотѣ борьбы...

Въ пору такихъ раздумій и бѣготни въ поискахъ уроковъ, а также тяжелыхъ вѣстей съ Карійской каторги въ Кіевѣ появился Сергѣй.

Раннимъ утромъ Криницкій былъ разбуженъ рѣзкимъ звономъ колокольчика.—„Жандармы“... вырвалось у него. Но каково было его удивленіе, когда онъ отворилъ дверь. Предъ нимъ стоялъ парень въ брылѣ и чемеркѣ съ сильно загорѣвшимъ лицомъ, въ рукахъ у него было два кувшина съ молокомъ.—Молодчина... подумалъ Криницкій. Лицо его ожило и онъ, казалось, сразу забылъ всѣ мученія. Онъ крѣпко поцѣловалъ своего питомца, который былъ весь въ пыли и имѣлъ измученный видъ. Болѣе мѣсяца Сергѣй слонялся въ народѣ.

Черезъ часъ всѣ они съ красивой дѣвочкой-подросткомъ Олей сидѣли за чаемъ. Видно было, что они переживали праздничное настроеніе. Даже лицо Оли, всегда печальное, страдальческое, оживилось; она вспомнила лучшія времена, когда они проводили всей семьей лѣто въ хуторѣ. Жизнь ихъ всѣхъ придавила. Мысль ихъ не подымалась въ высь. Оля не могла оставаться одна. Въ одиночествѣ ей всегда представлялась ея мать, свиданія съ нею въ грязной и мрачной тюрьмѣ и послѣднее свиданіе. Видъ отца, страдальческій и угнетенный, его настроеніе сильно дѣйствовали на ея чуткую натуру. И она безпрестанно страдала. Прежде она хотѣла убѣжать, укрыться отъ всего этого убійственнаго для нея. Но оказалось, что убѣжать отъ него нельзя. Куда бы она ни пошла, всюду за нею это угнетающее чувство неизбѣжно слѣдовало и переносилось. И Оля въ десять лѣтъ должна была покориться этой роковой неизбѣжности. Очень рано она уяснила себѣ тайну существованія. Кто бы ни приближался къ ней,онъ казался ей недостаточно нѣжнымъ, печальнымъ и добрымъ. Въ то время, когда ея ровестницы еще не начинали жить, она многое пережила и выстрадала. Эти страданія сдѣлали ее слабой, склонявшеюся къ каждому, кто ей выражалъ свое сочувствіе. Уже нѣсколько лѣтъ она живетъ безъ матери; затѣмъ по необходимости она была брошена на годъ отцомъ: она стала похожа на слабую собаченку, голодную, не имѣвшую хозяина... Даже отецъ, согбенный подъ тяжестью жизненный ноши, не можетъ облегчить ея жизни. Онъ часто прижимаетъ ее къ своей больной груди, но онъ не можетъ ничего дать отъ своего сердца, въ которомъ жизнь поселила одинъ холодъ и боль. Криницкаго жизнь сдѣлала одностороннимъ; она его опустошила въ значительной степени. У него слишкомъ много заботъ и горя.

— Часто у меня является боязнь,—говорилъ онъ за чаемъ Сергѣю,—что соціалистическое движеніе прекратится совсѣмъ и некому будетъ протестовать противъ эксплуатаціи народа... И въ глазахъ его видно было какъ, бы отчаяніе. Это безмятежное царство эксплуататоровъ было для него чѣмъ-то особенно ужастнымъ.

— Пока будутъ молодыя души...—сказалъ —Сергѣй,—нечего вамъ бояться этого царства.

— Теперь часто я бываю свободенъ...—продолжалъ Криницкій,—семья вѣдь раньше отнимала много времени и вотъ въ часы свободнаго раздумья предъ моими глазами выростаютъ эти народныя массы, у которыхъ нѣтъ защитниковъ. Оставить все это, отрѣшиться отъ всего и пойти къ нимъ навсегда... такова моя мысль... Но вотъ ее нельзя оставить: она кругомъ сирота...

— Уйти въ народъ,—сказалъ Сергѣй,—это еще не все... Пусть это дѣлаютъ простые каменщики, намъ нужны архитекторы, а имъ то нѣтъ надобности постоянно присутствовать на постройкѣ. Центры важны въ томъ отношеніи, что они группируютъ и подготовляютъ строителей народной жизни, народнаго счастья.

— Понимаю это,—сказалъ Криницкій другимъ, уже бодрящимъ тономъ—тономъ борца,—и стараюсь внести бодрость въ разрозненныя и упавшія духомъ единицы. Раскрывать глаза народу, вербовать людей и подготовлять молодежь... Такова моя тактика.—Отдохнешь съ дороги, заключилъ онъ—и соберемъ остатки разбитаго корабля. Есть тутъ у насъ украинцы и народовольды.. Кстати познакомишься съ Вѣрой: она здѣсь. Криницкій раньше много разсказывалъ ему о Вѣрѣ—самой юной и самой талантливой изъ соціалистокъ. И Сергѣй много думалъ о ней. Она казалась ему давно знакомой. „Даже жандармы признали за нею и внѣшнія, и внутреннія качества"—заявилъ когда то Криницкій. По тѣмъ обрывкамъ, которые онъ получилъ отъ Криницкаго, Сергѣй возсоздалъ въ своемъ воображеніи цѣлый образъ ея и жилъ имъ въ послѣдній годъ. Это душа замѣчательной чистоты и честности, которая никому, даже самымъ жандармамъ, не можетъ пожелать зла—таковъ былъ о ней общій отзывъ. И теперь Сергѣй испытывалъ нѣчто въ родѣ страха. Онъ не надѣялся на себя и боялся при личномъ свиданіи, чтобы лицо его не выдало его.

Матросы погибшаго корабля.

Корабль плылъ въ мало-извѣданномъ и бурномъ морѣ и темною ночью въ туманѣ погибъ отъ бури и подводныхъ скалъ. Погибли вмѣстѣ съ капитаномъ и лоцманы и большая часть матросовъ, боровшихся до послѣдней крайности съ неумолимою стихіею. Корабль этотъ везъ счастье людямъ, но окрестное населеніе этого не знало, по своей тупости оно даже не интересовалось никакимъ счастьемъ. Никто даже не вышелъ посмотрѣть на эту гибель корабля. Люди молились прежнимъ богамъ и только отъ нихъ—ожидали милостей. Затмить этихъ заоблачныхъ боговъ не въ состояніи былъ никакой корабль. Люди спали глубоко и непробудно. Къ уцѣлѣвшимъ и чудомъ спасшимся матросамъ люди были равнодушны, ибо они не угодны ихъ богамъ, карающимъ жестоко отступниковъ.

Была темная осенняя ночь. На окраинѣ собирались по одному какъ-бы опасавшіеся чего-то напуганные люди. Никто изъ нихъ не могъ поднять гордо голову; на душѣ же у каждаго лежалъ ужасъ пережитого. На лицахъ собиравшихся здѣсь была написана неизвѣстность и неувѣренность. Лишь только одинъ Сергѣй шелъ сюда, какъ во храмъ. Онъ не признавалъ еще крушенія, не было у него разочарованія. Онъ былъ полонъ силъ и надеждъ. Сергѣй зналъ, что здѣсь онъ встрѣтитъ людей, дѣйствительно боровшихся и подвергавшихъ свою жизнь опасности. Однако, въ груди у него пошевельнулось что-то похожее на боль, когда онъ подумалъ, что здѣсь будутъ тѣ отважные люди, которые убили съ Дегаевымъ Судейкина (начальника тайнаго сыска). Сергѣй зналъ, что будутъ разговоры о продолженіи террора, но онъ не могъ себя представить съ оружіемъ въ рукахъ.—Нѣтъ, на эту дорогу я не стану...—рѣшилъ онъ быстро и безповоротно.

Съ какой-то робостью и дрожью переступалъ Сергѣй порогъ этой тайной квартиры. Ему казалось, что глаза всѣхъ двѣнадцати душъ устремлены на него,—самаго юного изъ нихъ, пришедшаго прямо отъ земли, отъ широкихъ полей, съ загрубѣлыми руками и загорѣлымъ лицомъ. Среди нихъ было только двѣ женщины; одна изъ нихъ уже пожилая—жена присутствовавшаго здѣсь же „предпріимчиваго анархиста, по терминологіи жандармовъ, и другая—молодая. Это и была Вѣра. У нея были правильныя черты лица и прекрасные умные глаза, отъ которыхъ вѣяло нѣжностью и добротой. Она вернулась съ поля борьбы, тѣмъ не менѣе лицо ея сохраняло столько человѣчности и незлобія, что казалось, что она только что пришла отъ береговъ родного Днѣстра. Печать страданія и грусти лежала на лицѣ, свидѣтельствовавшемъ о пережитыхъ волненіяхъ. Брошенная въ водоворотъ жизни, на самыя опасныя позиціи, она казалась цвѣткомъ, смятымъ безжалостной рукой. И ея одежда и весь видъ ея какъ-бы говорилъ, что она изъ другого міра попала случайно въ это собраніе революціонеровъ, готовыхъ встрѣтить жандармовъ съ револьверами въ рукахъ. Она пришла сюда изъ міра сытыхъ и властныхъ людей, часто жестокихъ къ судьбѣ меньшого брата. Когда Сергѣй подходилъ къ ней, ни живъ ни мертвъ, онъ боялся упасть.

— Заѣзжала я и въ вашъ городъ,—сказала она ему,—но попала уже послѣ разгрома и едва спаслась сама... Это у васъ первый провалъ? спросила она, когда Сергѣй сѣлъ на ближайшій стулъ.

— Да, первый... сказалъ Сергѣй, путаясь, а можетъ быть и не первый...

— Мы за эти годы такъ привыкли къ нимъ...—сказала она еще болѣе печально и махнула рукой.

Рядомъ съ Сергѣемъ сидѣлъ тоже юноша. Это былъ техникъ, бывшій учитель штейгерской школы близь Луганска.

При обыскахъ послѣ 1 марта 1881 г. въ столицѣ былъ найденъ динамитъ, привезенный изъ этой школы. Подозрѣніе пало на техника—земляка Вѣры, родомъ изъ Подоліи, и на нее; и вотъ они съ тѣхъ поръ на нелегальномъ положеніи. Прямое открытое лицо свидѣтельствовало о его нравственной мощи, а физическая сила его не поддавалась даже перенесеннымъ имъ за эти годы гоненіямъ. Онъ готовъ былъ хоть сегодня въ плаванье. Техникъ служилъ въ Шполѣ на заводѣ царедворца Абазы. У него были связи съ мѣстными сахарными заводами и теперь онъ пріѣхалъ вербовать людей для Ольшанскаго и Смѣлянскаго заводовъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ знаменитостямъ—крезамъ. Сергѣй уже былъ намѣченъ для Ольшаны.

— Нашъ новый товарищъ хочетъ идти въ народъ!..—съ такими словами былъ представленъ Сергѣй собранію.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы публика пришла въ движеніе.

— Насъ и такъ мало...—заговорилъ главный изъ печатниковъ.—Это хожденіе забрало у насъ послѣднія силы, и что толку съ него? Нужно расчистить почву, а тогда и двигаться въ битву... Какой же смыслъ по одному солдату посылать противъ цѣлой арміи жандармовъ?.. Говорилъ онъ долго и убѣдительно.

— Нужно работать по всей линіи,—возразилъ Криницкій. —Наша работа—это ферментъ, производящій броженіе и измѣняющій среду. Ферментомъ или сѣменемъ, которое дастъ свои плоды, можетъ быть и одинъ человѣкъ. Оставлять народъ безъ руководителей—я не согласенъ.

Сергѣй съ дрожью слѣдилъ за ходомъ спора. Для него работа въ народѣ была жизнью и смертью.

— Товарищи, которыхъ нѣтъ уже въ живыхъ, — сказалъ онъ,—жили мыслью о работѣ въ народѣ. Рисковавъ жизнью, идя на вѣрную смерть, совершая убійства, они имѣли въ виду расчистись дорогу къ этой работѣ. Общество и народъ своимъ безучастіемъ осудили этотъ путь. Нужно идти въ народъ и съ его помощью расчищать дорогу!..—Искренностью дышало каждое его слово и вѣра въ эту работу, вѣра въ самый народъ какъ-то невольно сообщалась отъ этой рѣчи присутствовавшимъ. Послѣ этого пульсъ жизни поднялся у всѣхъ и всѣ забыли на время только что пережитыя волненія.

— Нельзя не идти въ народъ...—скромно проговорила Вѣра.—Именно эта борьба съ оружіемъ въ рукахъ заслонила мысль о работѣ въ народѣ... Все у насъ ушло на борьбу съ правительствомъ, а главная наша цѣль какъ-бы затерялась. Не будь у меня прошлаго,—сама бы пошла въ деревню... можетъ быть и всѣмъ намъ, испытавшимъ одинъ путь, слѣдовало бы испытать еще другой путь... При этомъ она посмотрѣла въ сторону обоихъ юношей, ушедшихъ цѣликомъ въ мысль о работѣ въ народѣ. Ей они были наиболѣе родственны.—Идите, идите, не слушайте ихъ, —сказала Вѣра уже прямо юношамъ,—они пережили свои юношескія мечты, свою молодость... Начинайте именно не съ кинжаловъ... Другое дѣло—если жизнь васъ приведетъ къ иному исходу...

Послѣ поддержки Вѣры оживилась вся молодежь собранія. Это была группа студентовъ—украинцевъ. Украинскій соціализмъ не совсѣмъ заглохъ въ Кіевѣ послѣ Драгоманова.

— Хотя мы могли издать свое воззваніе и самостоятельно, —заявилъ одинъ изъ нихъ, но мы рѣшили текстъ его предложить на общее обсужденіе. При этомъ юноша развернулъ небольшой листикъ тонкой бумаги, который во всякое время могъ быть проглоченъ, и прочелъ воззваніе, начинавшееся словами: „Добрые люде, браты наши, селяне!“

Въ этомъ воззваніи, представлявшемъ обычную бунтарскую прокламацію того времени, „украинскій народъ“ призывался къ возстанію противъ пановъ. Составители ея особенно напирали въ немъ на примѣръ Желѣзняка и Гонты—предводителей Гайдамацкаго бунта въ 1768 году, и не жалѣли красокъ, чтобы представить эксплуатацію народа панами въ самой ужасной формѣ и вызвать кровавую расправу съ ними... Этотъ призывъ и самый текстъ произвели невыгодное впечатлѣніе на тѣхъ изъ присутствующихъ, которые еще не утратили непосредственнаго чутья жизни и объективной правды. Наоборотъ, закоренѣлые революціонеры готовы были всѣ подписаться подъ нею. „Око за-око—зубъ за-зубъ“.

— Дуже остро!..—замѣтилъ Криницкій, когда юноша окончилъ.— Что изъ того, что Желѣзнякъ и Гонта сто лѣтъ назадъ расправлялись съ ножами и косами? И тогда это было жестоко и безсмысленно, а теперь призывать къ этому и совсѣмъ не время... Я держусь прежняго мнѣнія, что ученіе наше, имѣющее задачей водворить на землѣ правду и благополучіе всѣхъ, облегчивъ долю трудящихся и обремененныхъ, не должно взывать къ низшимъ инстинктамъ и возбуждать злобу.

— Это такъ,—возразилъ юноша докладчикъ,—но не менѣе справедливо и мнѣніе Лаврова, который говоритъ: „Если окружающія условія лишаютъ человѣка права на развитіе, то онъ въ правѣ защищать это право всѣми мѣрами, какъ и право на жизнь“. За границей эти условія созданы, а у насъ ихъ нужно завоевать...

— Мы должны быть идеаломъ для народа,—вмѣшалась въ споръ Вѣра—должны служить ему примѣромъ, пробуждать его разумъ... Пробужденіе народа и путь всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, которыхъ желательно вызвать возможно больше со стороны населенія, одобрены на послѣднихъ собраніяхъ въ Петербургѣ союзомъ молодежи „Народной Воли“,—добавила она... И только на этомъ пути мы будемъ поняты народомъ и найдемъ у него поддержку.

— Ваше прекраснодушіе ни къ чему,—вмѣшался „предпріимчивый анархистъ“—пока ваша мирная пропаганда соціализма достигнетъ цѣли, весь народъ выродится и вымретъ. Мы не можемъ сидѣть и изъ прекраснаго далека созерцать эксплуатацію народа...

— Пріобрѣсти въ средѣ самого народа сторонниковъ соціализма и защищать его отъ эксплуатаціи—заключилъ Сергѣй,—вотъ наша задача, вотъ зачѣмъ мы и отправляемся въ народъ.

Одна часть собранія, именно закаленные борцы, была довольно равнодушна къ вопросу о хожденіи въ народъ, но сильно оживилась, когда зашла рѣчь о „южно-русской боевой дружинѣ" и при обсужденіи программы журнала „Соціалистъ", который долженъ былъ выходить два раза въ мѣсяцъ.

—Наша цѣль—заявилъ „предпріимчивый анархистъ"—отвѣтить правительству за гибель товарищей... На время мы должны оставить простой народъ, еще не доросшій до сознанія общественности, и вербовать членовъ исключительно изъ образованныхъ людей. Ни высшіе классы, ни народъ по существу не способны на соціальный переворотъ. Первыхъ привязываютъ къ этому строю богатства и привилегіи, а народъ—вѣра въ царя...

— Нужно объединить могущество народа съ сознательною активностью партіи, — сказалъ Криницкій.—Террористическіе акты только тогда могли-бы быть понятны народу, если-бы они были направлены непосредственно на тѣхъ лицъ, которые угнетаютъ народъ. Теперь же они направляются, наоборотъ,—на тѣхъ, авторитетъ которыхъ еще силенъ въ народѣ.

— Вы, значитъ, стоите „за терроръ аграрный и промышленный"?—спросилъ докладчикъ.

— Я допускаю возможность убійствъ только какъ крайнюю мѣру *обороны*...—сказалъ Криницкій.—Можетъ же быть такое положеніе, при которомъ право на жизнь народныхъ массъ, на достойное ихъ существованіе можетъ быть защищено только съ оружіемъ въ рукахъ. Посягающіе на право другихъ должны же ожидать возмездія. Этого требуетъ элементарная справедливость.

— Якымъ мечемъ воюешь,—одъ такого и самъ погибаешь, каже наша народна поговорка...—сказалъ кто-то изъ украинцевъ.

— Юже мѣрою мѣрите, ею же воздастся вамъ...—вставилъ другой.

— Не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю: не пріидохъ воврещи миръ, *но мечъ*... сказалъ самъ Христосъ... Этими словами бывшаго бурсака закончено было собраніе. Друзья крѣпко пожали руки другъ другу и молча разошлись по одиночкѣ. Только Вѣру поручилъ Криницкій провести Сергѣю.—Долго они шли молча.

— Идите, товарищъ, въ народъ... — сказала Вѣра, выходя изъ задумчивости,—я такъ много мечтала непосредственно ему служить, но судьба рѣшила иначе. Водоворотъ жизни захватилъ меня на боевыя позиціи... Душа моя не лежитъ къ тѣмъ позиціямъ... Страшна наша жизнь была тамъ... И теперь меня уже преслѣдуютъ всюду по пятамъ. Было одно время, сейчасъ послѣ 1 марта, что я едва спаслась, а то повѣсили бы, какъ Михайлова. Тогда вѣдь не разбирали, кто правъ, а кто виноватъ. Теперь мнѣ осталось или отдаться въ руки жандармовъ, или убѣжать за границу. Почти съ шестнадцати лѣтъ провести четыре года безпрерывно на войнѣ... Прямо страшно оглянуться на это прошлое... И въ этихъ словахъ слышалась какъ-бы мольба о пощадѣ и слезы текли по ея лицу. Она крѣпко пожала руку и скрылась.

Юный народоволецъ на старомъ пепелищѣ.

Съ обѣихъ сторонъ кровавая и жестокая борьба близилась къ концу. „Народная Воля“ была разбита провалами и арестами и оканчивала свое существованіе, несмотря на реформы, внесенныя молодой партіей въ 1883 году. На послѣднемъ собраніи рѣшено передать продолженіе дѣла „Пролетаріату“ *). Остатки разбитой дружины, преслѣдуемые по пятамъ, должны были искать убѣжища за предѣлами Россіи. На Криницкомъ, „совратившемъ“ Вѣру съ пути хорошаго тона, выгоднаго замужества и земныхъ благъ, лежалъ долгъ помочь въ этомъ бѣгствѣ.

Встрѣтилъ онъ свою наиболѣе талантливую ученицу съ большимъ восторгомъ. Ея ранняя смерть преслѣдовала бы Криницкаго. Но Вѣра просто чудомъ уцѣлѣла. 1-е марта застаетъ ее въ качествѣ наборщика въ народовольческой типографіи и вотъ на ея долю выпадаетъ тяжелое наслѣдство. Юная и мало подготовленная, она два года стояла на посту. Разсказъ ея о пережитомъ вызвалъ у Криницкаго слезы.

—По мѣрѣ того, какъ погибали товарищи,—сказала Вѣра,—мы, юнцы, должны были ихъ замѣнять... замѣнять часто не для работы, которая стала фактически невозможной, а для поддержанія организаціи... Въ это время мы забыли, что мы—люди, что мы тоже имѣемъ право на жизнь... Нѣтъ, я не буду больше жить

---

*) Польская соціалистическая партія рабочаго класса, до соединенія съ „Народной Волей“, не прибѣгала къ террору. „Пролетаріатъ“ былъ розгромленъ въ 1884—1885 г. и 28 пролетаріатцевъ подверглись жестокой карѣ. Бордовскій, Оссовскій, Куницкій и Петрусинскій повѣшены, а остальные сосланы на каторгу. Основатель „Пролетаріата“ Варынскій окончилъ свои дни въ Шлиссельбургской крѣпости.

такою жизнью... Въ нашемъ самоотверженіи много фанатизма и даже доля фальши... Мы боремся за лучшую жизнь народа, и часто нелѣпо губимъ свою жизнь... Съ тѣхъ поръ, какъ я вступила въ партію, за три года не написала ни разу матери... Она навѣрное давно оплакиваетъ мою погибель, а вѣдь это жестоко. И Вѣра заплакала. Ей представилась какъ бы наяву родная Мардаровка, заброшенная въ глубинѣ Подоліи, старый замокъ польскаго магната, конфискованный послѣ мятежа 1863 года, старикъ отецъ ея генералъ, лишившійся обѣихъ ногъ при усмиреніи этого мятежа.

— Магнатъ отнялъ эту землю у крестьянъ...—подумала Вѣра, а у магната тоже отняли... И какъ это люди могутъ жить спокойно въ отнятомъ чужомъ домѣ?.. А вѣдь я тамъ родилась и жила до семнадцати лѣтъ... Тѣ простые люди, съ которыми я выросла, не знаютъ, куда дѣвалась ихъ Вѣра, не знаютъ, что она ушла добывать для нихъ землю и волю и душу полагать за други своя...

Ея усталая мысль напрягается надъ тѣмъ, какимъ образомъ провести шпіоновъ и полицію при посѣщеніи Мардаровки?

— Я остановлюсь въ сосѣднемъ городишкѣ, а вы позовете мнѣ маму...—говорила Вѣра послѣ долгаго раздумья.

— Прямо въ село ночью заѣдемъ, — говоритъ Криницкій, —васъ переодѣнемъ въ мужской костюмъ.

При этихъ словахъ взору дѣвушки предсталъ безногій генералъ, тоже вѣрный слуга царю отечеству.—Человѣкъ онъ былъ стараго закала и желѣзной воли. Жандармы могли наговорить ему Богъ вѣсть что...—подумала Вѣра, и отецъ ея показался въ эту минуту какъ-бы чужимъ для нея. Ей уже грезятся его грозныя слова:—Тебя, измѣнницу присягѣ, собственными руками казню...—И Вѣра задрожала всѣмъ тѣломъ. Она, не страшившаяся никакихъ человѣческихъ судовъ, вдругъ убоялась суда собственнаго отца, у котораго она была единственною дочерью!

На берегу быстротечнаго Днѣстра, у груды гранитныхъ громадъ, пріютилась Мардаровка. На пригоркѣ раскинулся старинный паркъ и садъ польскаго графа, а на верху громадъ, у самаго Днѣстра, стоялъ древній замокъ. У подножія его раскинуты четыреста хатъ подолянъ. Со скалы на безграничное пространство виднѣлся Днѣстръ съ его садами и виноградниками, а на востокъ тянулись поля, замыкавшіяся дремучимъ лѣсомъ. Все это для Вѣры было родное. Многое она отдала бы за одну возможность взглянуть на свою Мардаровку. Мардаровцы были слишкомъ забиты и дики. Весь тысячелѣтній прогрессъ какъ-бы не коснулся ихъ. Вѣка шли. Днѣстръ безпрестранно гудѣлъ, онъ какъ-бы пробуждалъ спящихъ. Но человѣкъ спалъ, не зналъ ни о культурѣ, ни о государственномъ строѣ, ни о чемъ, кромѣ питанія и воспроизведенія рода. Даже вѣчный трудъ его казался какимъ-то безжизненнымъ. Поднять это человѣчество на степень сознанія... вотъ надъ чѣмъ сейчасъ работала мысль Вѣры, подъѣзжавшей къ Могилеву.

Пожить бы хоть денекъ здѣсь...—сказала она Криницкому, но тотъ отрицательно покачалъ головой. Лицо его было болѣе обычнаго печальнымъ и весь онъ былъ погруженъ въ мысль: какъ бы обойти подводные камни и не выдать свою любимицу на послѣднемъ этапѣ. Отъ этой мысли Криницкій переходитъ къ другой. Онъ вспомнилъ свою молодость и тотъ первый кружокъ на Подоліи, въ которомъ онъ участвовалъ. Это былъ кружокъ педагоговъ, возникшій въ началѣ 70-тыхъ годовъ *). Здѣсь онъ встрѣтился съ Вѣрой и съ человѣкомъ, который потомъ игралъ выдающуюся роль въ соціалистическомъ движеніи и печальную—въ его семейной жизни... „Но въ сердцѣ злобы, ни вражды ни мести нѣтъ“.

Замокъ и въ лучшія времена наполовину былъ пустъ. Со времени отъѣзда Вѣры въ столицу на курсы, онъ совсѣмъ не обнаруживалъ жизни. Послѣдніе три года для жильцовъ его показались вѣчностью. Въ 1881 году нарочно изъ Петербурга пріѣзжалъ жандармскій полковникъ для собиранія самыхъ подробныхъ свѣдѣній о Вѣрѣ.—„Она принадлежитъ къ преступному сообществу, совершившему цареубійство...—сказалъ онъ по секрету генералу,—хотя уликъ противъ нея мало“... И эти туманныя слова два года висятъ въ видѣ злого рока надъ замкомъ и надъ душами этихъ тоже всѣми забытыхъ людей. Напрасно генералъ писалъ градоначальнику и жандармамъ, спрашивалъ объ участи его дочери, ниоткуда не было никакого отвѣта.—Погибла... это слово было произнесено давно здѣсь и оно душило и тѣ слабые проблески жизни, которые замѣтны были раньше. Мать ея, еще молодая женщина, давно прокляла судьбу, забросившую ее Богъ вѣсть куда въ эту пустынную мѣстность и обрекшую на жизнь съ калѣкой-мужемъ. Горе, съ которымъ она не разставалась съ той памятной ночи, когда мужъ ея лишился ногъ, все ближе подкрадывалось къ ней и, казалось, теперь овладѣло совсѣмъ своею жертвой. Много разъ она болѣла и только эти каменныя стѣны да простодушныя крестьянки были свидѣтелями ея страданій. И генералъ утратилъ давно свое генеральское величіе. Оба они пошли навстрѣчу своимъ сосѣдямъ крестьянамъ. Они устроили для нихъ школу въ память Вѣры, они отдали имъ въ аренду на сносныхъ условіяхъ

---

*) Это кружокъ Бѣлогруда, Романовича и др. Многіе члены эмигрировали въ Америку и основали соціалистическую колонію.

тѣ сто десятинъ земли, которыя тянулись полосой отъ парка вдоль Днѣстра. Въ этомъ общеніи забытые люди нашли какъ-бы смыслъ жизни.

— Врутъ они на нее...—сказалъ однажды генералъ женѣ.— Неужели наша Вѣра можетъ быть замѣшана въ какое бы то ни было убійство... Врутъ... самъ поѣду жаловаться царю.

И это слово „врутъ они“ тоже повторялось изъ дня въ день.

Шли годы, а люди эти жили мыслью о Вѣрѣ. Днѣстръ попрежнему катилъ волны и ревѣлъ, какъ-бы собираясь подточить твердыню, на которой стоялъ и разрушался отъ времени замокъ. Видъ его въ лѣтнюю пору былъ попрежнему восхитителенъ, но этимъ давно никто не интересовался. Жильцы его давно утратили всякій интересъ ко всему, что не напоминало имъ ихъ дочери.

Когда Криницкій, успокоивъ, насколько могъ, Вѣру, вышелъ нанимать извозчика въ Мардаровку, евреи сразу поняли, что онъ ѣдетъ къ безногому генералу.

— Не землю ли ѣдете покупать?..—спрашивали они.

— Землю посмотримъ и сейчасъ назадъ...—отвѣтилъ Криницкій.

— Земля тамъ хорошая,—гитъ земля...—расхваливали евреи.

„Сподвижникъ Муравьева“, какъ называли генерала поляки, сидѣлъ по обыкновенію на скалѣ и глядѣлъ на волны Днѣстра. Осень скоро собиралась отнять отъ него и это удовольствіе. Генеральша возилась съ обѣдомъ, когда появился Криницкій съ письмомъ отъ Вѣры.

— А она жива? спросила какъ-то страшно обезумѣвшая отъ радости мать.

— Жива и сидитъ въ городѣ подъ видомъ мужчины... Говорятъ, отецъ проклялъ ее?

— Напротивъ, только мыслью о ней и живетъ... И она повела Криницкаго къ генералу. Генералъ, услышавъ слова: „Вѣра—жива“ поднялся, забывъ даже объ отсутствіи ногъ.

Онъ поцѣловалъ Криницкаго и собирался ѣхать самъ въ городъ, но его остановили. Криницкій отправился въ городъ за Вѣрой.

— Хорошій паркъ и хорошая земля...—привезу товарища— говорилъ Криницкій еврею.

Тихая ночь. Опустѣлыя поля. Шумъ Днѣстра да звяканіе бубенчиковъ нарушаютъ эту мертвящую тишину. Извозчикъ, получившій хорошую плату, погонялъ лошадей, стараясь угодить будущимъ владѣльцамъ Мардаровки. Вѣра жила чувствомъ родины. Вся она дрожала и отъ радости и отъ страха и инстиктивно жалась къ Криницкому. А въ душѣ ея проходили воспоминанія. Всѣ ея друзья, съ жизнью павшіе, и томившіеся въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбурской крѣпостей, и образы ихъ, какъ живые, предстали предъ нею во всемъ ихъ человѣческомъ величіи...

Прокламація въ деревнѣ.

Дорожный мастеръ Слѣдь, напившись чаю, пошелъ къ рабочимъ на линію. Издали онъ увидѣлъ ихъ стоящими въ кучкѣ. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ въ рукахъ одного рабочаго какую-то бумажку, которую тотъ читалъ чуть ли не по складамъ. Слѣдь тоже плохо читалъ, но все-таки лучше прочелъ ее. Всѣ они прослушали эту необычную бумагу съ какимъ-то недоумѣніемъ и принялись за работу. Съ бумагой они не привыкли имѣть дѣла, не знали, кто были такіе Желѣзнякъ и Гонта, а пановъ и безъ того. не долюбливали. Но открыто при Слѣдѣ, который ходилъ въ пиджакѣ, никто ничего не выразилъ. Дорожный мастеръ самъ не зналъ, что сдѣлать съ этою бумагой. На линіи онъ служилъ долго и слыхалъ, что прокламацію слѣдуетъ доставить ближайшему начальству. Но у нихъ на полустанкѣ даже жандарма не было.

— Возьми, Ярема,—обращается онъ къ грамотному рабочему,—и отдай старостѣ въ расправу.

Ярема свернулъ бумагу въ четверо и положилъ бережно въ кышеню.

На другой день былъ дождь и Ярема не пошелъ на линію. По обыкновенію онъ зашелъ въ корчму. Про бумагу онъ забылъ совсѣмъ и вспомнилъ только тогда, когда прояснилась голова послѣ нѣсколькихъ рюмокъ. Это былъ тотъ моментъ, когда Ярема по обыкновенію принимался ругать пановъ и поповъ, называя ихъ кровопійцами... Онъ вытянулъ бумагу.

— Хамы вы...—кричалъ Ярема, ударяя кулакомъ объ столъ, —называете Ярему дуракомъ, когда онъ ругаетъ пановъ, а вотъ посмотрите—напечатано... Тоже самое напечатано!.. Такъ прямо и напечатано, что кровопыйци. И при этомъ Ярема торжественно началъ читать отъ слова до слова прокламацію. Вся корчма пришла въ движеніе, и сразу всѣ замолкли, прекратилось галдѣніе. Корчмарь тоже посторожилъ уши. Ярема читалъ долго и все ударялъ кулакомъ объ столъ, приговаривая: развѣ не правда?

— И напечатано и печать приложена!.. Проговорилъ онъ, когда окончилъ чтеніе.

— Певно одъ царя, бо тилько царь печатае...—кто-то изъ толпы выкрикнулъ.

— И въ росправу приказано отнести, щобъ уси зналы...—добавилъ Ярема, у котораго даже хмѣль улетучился изъ головы.—Сказано, що земля уся наша, понимаете вы, хамы!

— Спасыби, Ярема, за гарну бумагу... — раздались голоса. —Це щыра правда!..

И снова началась выпивка. Героемъ дня былъ Ярема, обладатель таинственной бумаги. Теперь онъ ее хранилъ, какъ святыню.

Жена Яремы, не дождавшись мужа, пошла по обыкновенію выгонять его „зъ шынку“.

— Иды до дому...—проговорилъ пьяный Ярема,—у мене е дило въ росправу.

— Яке тамъ дило?..—иронически сказала жена, зная его отговорки.

— Велыке дило!.. и при этомъ онъ вытянулъ снова бумажку.

И всѣ завсегдатаи корчмы торжественно послѣдовали за Яремой, который понесъ „бумагу“ въ росправу.

— Приказано отдать въ росправу, щобъ уси зналы...—проговорилъ Ярема, передавая бумагу писарю.

— Читай намъ бумагу...—загремѣла толпа на писаря.

Не успѣлъ онъ прочесть ее, какъ въ росправу явился батюшка и бумага очутилася въ его рукахъ.

— За эту бумагу кому-нибудь придется идти въ Сибирь... —заявилъ онъ и скрылся.

Появленіе батюшки было такъ неожиданно, что крестьяне схватились за умъ только по его уходѣ. На що винъ взявъ? було бъ не дать! Чого винъ побигъ?..

— Хамы вы и хамами помрете... заявилъ Ярема.—Не на ихъ руку написана... правды воны бояться, якъ вогню.

На другой день у Яремы голова болѣла. Часть вины онъ складывалъ на „бумагу“ и казнилъ себя за то, что не пошелъ на линію.

— Знову пьянствуешь, знову будемо сыдить безъ шматочка хлиба...—укоряла его жена.

Слова ея были прерваны появившемся сотскимъ, который весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Иды... иды!..—становый зве...—кричалъ сотскій.—Черезъ васъ, пьянюгы, уже получивъ одъ его въ зубы...

Ярема былъ не трусливаго десятка и не особенно поспѣшалъ, зная, что при людяхъ становой не станетъ бить. Уже издали онъ слыхалъ крики:—въ Сибирь сошлю... въ острогѣ сгною...

Появленіе Яремы подлило масла въ огонь. — Ты, грубіянъ, опять попался...—кричалъ становой. Это ты читалъ пасквиль въ шинкѣ. Связать его и прямо въ станъ...

Такъ вы, пьянюги, собираетесь рѣзать пановъ и поповъ... будете знать у меня!—продолжалъ онъ...

Держа въ рукахъ бумажку, онъ выкликалъ нѣсколькихъ крестьянъ и приказалъ ихъ тоже отправить въ станъ. Сказавъ остальнымъ много крѣпкихъ словъ, становой отправился на обѣдъ къ помѣщику.

Уже вечеромъ онъ выѣзжалъ изъ панскаго двора. У воротъ его поджидало нѣсколько бабъ, которыя со слезами на глазахъ просили о пощадѣ мужей.

— Пусть знаютъ, какъ бунтовать... Трогай...—проговорилъ становой.

На дворѣ шелъ снѣгъ. Дорожному мастеру не хотѣлось въ такую погоду выходить изъ дому. Нога его, давно отрѣзанная поѣздомъ, разболѣлась. Вдругъ неожиданно у его дома остановилась дрезина. И чрезъ минуту на порогѣ показался „самъ“ начальникъ участка. За начальникомъ шелъ жандармскій ротмистръ и понятые.

— Вы зачѣмъ отослали прокламацію въ корчму? спросилъ грозно жандармъ.

— Я передалъ въ сельское управленіе... — испуганно отвѣтилъ Слѣдь.

— Въ 24 часа васъ не должно быть на линіи... Таково распоряженіе свыше...

Послѣ обыска начальство удалилось. Дорожный мастеръ сидѣлъ, свѣсивши голову на столъ, и слезы текли по его загорѣлому лицу. Трое дѣтей его, забившись въ самый дальній уголъ на печкѣ, со страхомъ посматривали на отца, который еще никогда не плакалъ.

Въ Филипповку изъ Черкасской тюрьмы выпустили группу крестьянъ въ черныхъ свиткахъ. Просидѣли они тамъ подъ строгимъ арестомъ три недѣли. Простившись съ Яремой, котораго оставляли въ тюрьмѣ дольше, они вышли на дворъ, снявши шапки, почтительно спросили стоявшаго здѣсь исправника:—За что мы сидѣли въ тюрьмѣ?

— Сидѣли вы по закону,—отвѣтилъ тотъ, — на основаніи усиленной охраны...

Що таке ця охрана? — тщетно они задавали себѣ этотъ вопросъ и никто въ городѣ не могъ отвѣтить имъ на него.

Несмотря на это всѣ они были въ восторгѣ. Послѣ всѣхъ тѣхъ криковъ, которые они слыхали и отъ станового и отъ жандармовъ—трехнедѣльное сидѣніе было для нихъ чистымъ благодѣяніемъ. Съ этихъ поръ они рѣшили обходить пановъ и поповъ десятою улицею.

Послѣ Рождества Ярему выпустили. Жандармскій полковникъ и исправникъ заявили ему, что за первую его провинность зашлютъ его въ Сибирь. Угрозъ онъ слыхалъ много и ихъ не боялся. Больше же онъ думалъ о томъ, что жена сидитъ безъ хлѣба. И это было теперь непоправимо, потому что зимой трудно заработать копѣйку.

— Ты съ дѣтьми сидишь безъ хлѣба? — былъ первый вопросъ Яремы.

— Безъ хлѣба, то безъ хлѣба,—отвѣтила жена, но больше мучилась одъ того, що нападалы и пипъ, и панъ и ти, що въ тюрьми сыдилы. И дитямъ кожынъ допикае: „твій батько острожныкъ“...

Эти слова, какъ остріемъ ножа, поразили Ярему.

Въ первую недѣлю Ярема по обыкновенію зашелъ въ корчму. Зашелъ онъ только назвать хамами своихъ односельцевъ; водку же онъ пересталъ пить.

— А що добра царська каша? спрашивалъ его одинъ. — А що и тоби чиплялы бубнового туза на спыну? спрашивалъ другой.

На всѣ эти вопросы Ярема отвѣчалъ однимъ словомъ: „хамы вы и хамы!“.

— Чого жъ мы хамы? спрашивали крестьяне.

— Отъ Гершка я не назову хамомъ...—отвѣчалъ Ярема,—а вы хамы. Гершко за свого брата дасть голову одризать, а вы готовы его втопыть... Я сыдивъ въ острози... Вы знаете за вищо я сыдивъ? Жинка моя зъ дитьмы пропадала зъ голоду и вы ще зъ неи глузувалы, бо вы хамы... Зъ хамыми не вартъ мать ніякого дила... Съ этими словами Ярема удалился изъ корчмы.

На другой день утромъ Ярема отправился на работу въ панскій дворъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ крестьянъ и они пошли вмѣстѣ.

— Для такихъ, какъ ты, у насъ нѣтъ работы!.. — заявилъ ему толстый экономъ.

— Не будетъ работы? удивленно спросилъ Ярема, который въ этомъ дворѣ и родился. Ярема—панскій работникъ „зъ дида и прадида“,—работникъ, какихъ мало.—Чомъ же не буде роботы? переспросилъ онъ.

— Такое распоряженіе барина...—отвѣтилъ экономъ.

— Грабители вы...—подумалъ Ярема, не представлявшій себѣ какъ это онъ могъ остаться безъ работы. У насъ только и осталось, что работа, а тутъ вдругъ и ее отнимаютъ. Все ваше—и земли и имущество, а у насъ ничего... Какъ это нѣтъ работы для Яремы, обладающаго лишь парою рукъ, женой съ пятью дѣтьми и усадьбой въ сто квадратныхъ саженъ надъ проваломъ. Ярема идетъ къ самому пану.

— Покинь нашъ дворъ... одно слово... покинь!—грозно говоритъ панъ и скрывается.

— Такъ що жъ намъ робыть? спрашиваетъ Ярема,—набирать ватажокъ и йты грабить?

— Вонъ со двора...—кричалъ панъ такъ страшно, что Ярема долженъ былъ поспѣшно уйти, погрозивъ ему кулакомъ. Проходя мимо безчисленныхъ строеній, Ярема вспомнилъ всю свою жизнь. Ни одно изъ нихъ не было построено безъ Яремы, который вотъ уже двадцать лѣтъ съ утра до ночи работалъ здѣсь. Каждый сажень этого прекраснаго чернозема былъ политъ потомъ Яремы. Ярема въ первый разъ почувствовалъ явную несправедливость и пожалѣлъ о томъ, что всегда работалъ аккуратно и положилъ всѣ силы. Паны всегда были бездушны къ нашему брату...

— Все твердывъ—кровопыйци...—говоритъ Яремѣ жена,—а теперь и знай: будешь пухнуть зъ голоду...

Этотъ упрекъ переполнилъ чашу. Ярема пошелъ въ Ольшанскій заводъ на работу. Проходя мимо двора онъ почувствовалъ кровную обиду. „Не они, эти баре, спящіе до полудня и пожирающіе труды другихъ, хозяева здѣсь... подумалъ Ярема. Настоящіе хозяева — это тѣ, кто съ колыбели на своихъ спинахъ выносилъ всѣ тяготы... съ этою мыслью онъ прошелъ нѣсколько верстъ. Почувствовавъ голодъ, Ярема отломилъ ломоть черстваго хлѣба и сталъ ѣсть. При этомъ у него невольно вырвалось: кровопійцы... какъ щедра земля, а нашему брату одного чернаго хлѣба не хватаетъ... И въ душѣ его все росла злоба противъ подобнаго порядка. А впереди предстояла длинная дорога. Снѣгъ шелъ, подъ ногами была топкая грязь. Сѣверный вѣтеръ насквозь продувалъ рваную свитку батрака.

На сахарномъ заводѣ.

Осеннее солнце ласкало. Оно нѣжно играло своими лучами на огромномъ коврѣ зеленыхъ озимыхъ посѣвовъ. Коверъ этотъ раскинулся на нѣсколько верстъ. Одинъ такой коверъ принадлежалъ Терещенкамъ, а другой графамъ Браницкимъ. Между ними затесались пришельцы изъ другого міра—узенькіе полосы жиденькой ржи. Роскошные экипажи четвертками, цугомъ, развозили отъ вокзала по окрестнымъ заводамъ оффиціалистовъ. Путники съ котомкою за плечами безразлично взирали на этотъ блескъ экипажей и збруи. Загрубѣлыя лица и тупой взглядъ, въ которомъ не видно было ни единой мысли, говорили о непосильномъ трудѣ, а рваныя свитки свидѣтельствовали о крайней бѣдности этого люда въ богатѣйшей по природѣ странѣ. Навстрѣчу Сергѣю по направленію отъ завода шли люди тоже съ котомками. На нихъ были тѣ же рваныя свитки въ грязи или въ черной сажѣ. И лица ихъ были усталыя, неумытыя. Глаза ихъ свѣтились тѣмъ же равнодушіемъ. Видно было, что между блескомъ экипажей и неприглядностью костюмовъ этихъ рабочихъ существовала непримиримая вражда. Это были рабочіе, отбывшіе двѣнадцати-часовую смѣну, и отправлявшіеся на отдыхъ въ свое село верстъ за десять. На Сергѣя, который былъ по одеждѣ похожъ на пана, эти люди смотрѣли тоже недружелюбно, признавая и въ немъ одного изъ тѣхъ прихвостней, которые ихъ душили. На заводѣ Сергѣй былъ охваченъ жуткимъ чувствомъ. Эта громада сразу захватила его въ свои цѣпкія лапы. Конторщикъ, жирный и надменный, измѣрилъ высокомѣрнымъ взглядомъ поношенный костюмъ Сергѣя и отослалъ его на квартиру. Квартира эта помѣщалась въ глубинѣ строеній, рядомъ съ казармой для рабочихъ.

Это было то единственное на заводѣ мѣсто, о которомъ администрація совсѣмъ не заботилась. Забота о казармѣ какъ-бы не входила въ программу дѣятельности заправилъ. Казарма эта, закопченная, немазанная, съ выбитыми стеклами была наполнена совсѣмъ ужъ особыми людьми. Это были литваки или бѣлоруссы, которыхъ законтрактовывалъ за безцѣнокъ заводъ ежегодно на всю зиму. Ходили они въ лаптяхъ, бѣлыхъ свиткахъ, а на заводѣ работали или голыми или въ однихъ рубахахъ до колѣнъ, никогда не мытыхъ и чрезвычайно грязныхъ.

Сергѣй былъ сильно пораженъ жизнью этихъ пришельцевъ, жившихъ въ ужасающей обстановкѣ и питавшихся такою дрянью, отъ которой подохла бы собака. Люди, жившіе въ царствѣ сахара, не пили чаю совсѣмъ и сахаръ не игралъ никакой роли въ ихъ отвратительномъ пищевомъ довольствіи. За кражею сахара слѣдили зорко; онъ считался большимъ лакомствомъ, къ которому совсѣмъ желудокъ полѣшуковъ не привыкъ. Шляхтичи, заправлявшіе здѣсь всѣмъ, считали лакомство рабочаго сахаромъ большимъ баловствомъ и строго преслѣдовали.

Сергѣй—пріемщикъ сахара—сейчасъ вступилъ въ отправленіе обязанностей. Работа избавила его отъ печальныхъ размышленій по поводу всего найденнаго здѣсь. Отъ своего младшаго помощника Петра онъ узналъ, что на дняхъ къ нему долженъ присоединиться еще старшій помощникъ—писарь, юноша изъ Ольшаны. Петро былъ хорошій парень изъ сосѣдняго села.

Онъ сразу подружилъ съ Сергѣемъ. Каждый день онъ приходилъ на работу съ кускомъ чернаго хлѣба, и когда шляхтичи уходили, онъ забивался въ укромный уголокъ и пригошнею съ жадностью ѣлъ сахарный песокъ. Сергѣй не только не препятствовалъ этому, но самъ предупреждалъ Петра о приближеніи зоркихъ глазъ. Дружба скоро такимъ образомъ возникла и Петро каждый вечеръ разсказывалъ ему о жизни людей въ заводѣ и окрестности. Отъ него онъ узналъ, что за 12-часовой трудъ рабочему даютъ четвертакъ, что харчи его состоятъ изъ хлѣба и цыбули, приносимыхъ въ грязной торбѣ, что его тутъ ругаютъ, а часто и бьютъ.

— Вотъ тебѣ и народъ!—не разъ восклицалъ Сергѣй, оставшись наединѣ въ 12 часовъ ночи.—Это то великое, о которомъ мечтали всѣ лучшіе люди Россіи... Какая-то бѣлоручка соціалистка на собраніи въ Кіевѣ назвала этихъ людей „*збродомъ*“... Онъ видѣлъ какъ непріязненно на нее посмотрѣла тогда Вѣра... Это слово больно отразилось въ душѣ Сергѣя и теперь. Неправда! это все люди... лучшіе люди... И Сергѣй при этомъ проникался горячею любовью къ нимъ, несмотря на все ихъ безсиліе...

Въ субботу вечеромъ пришелъ юноша изъ Ольшаны „старшій помощникъ пріемщика сахара“. Искренностью и душевной теплотой, скромностью вѣяло отъ этого юноши. Глаза его пытливо глядѣли и загорались огнемъ при каждомъ новомъ словѣ, услышанномъ отъ Сергѣя.

— Я хотѣлъ бы, страстно хотѣлъ бы—учиться и книги читать... — простодушно сказалъ юноша, когда они, покончивъ въ 12 часовъ ночи работу, зашли на квартиру Сергѣя. Я хотѣлъ бы повидать ученыхъ людей... тѣхъ, что все знаютъ... И при этомъ онъ печально поникъ головой отъ своего невѣжества.

— Все это можно сдѣлать для васъ... На свѣтѣ есть такіе образованные люди, которые готовы все сдѣлать для вашего брата крестьянина...—сказалъ Сергѣй. И на лицѣ юноши появилась улыбка счастья. Для Сергѣя это была большая находка. Эту ночь онъ спалъ уже спокойно. И юноша честный и искренній съ пытливымъ умомъ казалось не оставлялъ его даже и во снѣ.

Было утро воскресенья. Петръ съ Сергѣемъ шли въ Вороновку „въ гости“. Хаты крестьянъ тянулись одна за другой съ небольшими перерывами на десятки верстъ. Возлѣ каждой изъ нихъ было четверть десятины да на полѣ въ нѣсколькихъ кускахъ лежали десятина или полторы. Все это было похоже на тѣ надѣлы, которыми предусмотрительные нѣмецкіе и англійскіе помѣщики надѣляютъ своихъ батраковъ, чтобы удержать ихъ въ селѣ. Все здѣсь было устроено какъ-бы преднамѣренно для того, чтобы выращивались люди, необходимые для завода и экономій. Кромѣ людей имъ нужны были машины, скотъ: о нихъ больше заботились, чѣмъ о людяхъ—самомъ хрупкомъ матеріалѣ, который природа даетъ съ такимъ большимъ трудомъ и заботами. Тутъ на служеніе экономіямъ и заводамъ выступали природные инстинкты: мать вынашиваетъ свое дитя и когда выноситъ его съ такимъ большимъ трудомъ,—оно попадаетъ въ тиски капиталистическаго строя.

Обо всемъ экономіи и заводы безпокоятся,—только не о человѣкѣ... подумалъ Сергѣй.

Съ приходомъ Петра вся семья была въ сборѣ. Два меньшіе братья его тоже служили въ экономіи, сестры были дома и старшія изъ нихъ ходили съ матерью на поденщину. Въ хатѣ была зіяющая нищета. На три души женскихъ были только одни сапоги, свиты имѣли только старшіе дѣти, малыши всю зиму были босыми и ходили въ однихъ сорочкахъ.

— А простуды не боитесь? спросилъ Сергѣй.

— Они не боятся...—отвѣчала мать,—а якъ помрутъ—жалкувать не будемъ, бо багато ихъ у насъ е и горе зъ ными.

— Все это лишніе рты...—заявилъ отецъ, указывая на малышей.

— Смерть здѣсь самый желанный гость...—подумалъ Сергѣй. А между тѣмъ мать ихъ нѣжно гладила по головѣ, усадивъ на колѣняхъ. Умершія дѣти по воззрѣніямъ крестьянъ идутъ въ рай. какъ безгрѣшныя и, слѣдовательно, печаловаться о ихъ смерти нечего. Нужно было видѣть съ какимъ азартомъ малыши набросились на Петра, обыскивая у него кышени—нѣтъ ли тамъ сахарнаго песка.

— Проклятый ляхъ на брами вытрусывъ обыдви кишени,—смутно сказалъ Петро. Трусывъ и пазуху, но я ему показавъ кулакъ... Тамъ малыши нашли около стакана сахару.

— Зъ ними, бузувирами, тилько зъ кулакомъ и можно жыть... усе прибралы прокляти... нашому братови жыть не можна... ни на чимъ жыть.

— Прибралы, это вѣрно...—сказалъ Сергѣй,—союза нѣтъ у крестьянъ, а безъ союза ничого не вдіешь.

— Якый тутъ союзъ, колы нашыму братови дыхать не можна... его и такъ зъ усихъ боковъ душать... его знищыли до щенту, винъ безъ сылы.

О протестѣ этого люда не можетъ быть и рѣчи,—подумалъ Сергѣй, идя въ заводъ.

Своими впечатлѣніями онъ вечеромъ дѣлился съ юношей.

— У насъ въ Ольшанѣ люди живутъ не лучше,—сказалъ тотъ,—только они умнѣе и дружнѣе. Контора ихъ каждый день учитъ и многому научила... На слѣдующее воскресенье я васъ поведу къ моему сосѣду Прохору,—хорошій человѣкъ, увидите. И въ глазахъ юноши заблестѣлъ огонекъ. Сергѣй старался забыть гнетущее впечатлѣніе дня. Впереди былъ маякъ.

Послѣ Рождества въ одинъ изъ вечеровъ по заводу разнеслось извѣстіе о томъ, что у рабочаго оторвалс руку. Всѣ побѣжали къ нему. Прибѣжалъ и Сергѣй. Лужа крови и агонія раненаго на него такъ подѣйствовала, что онъ упалъ въ обморокъ. Люди подняли его и унесли въ его комнатку.

Жизнь чудовища шла своимъ чередомъ; сотни колесъ вертѣлись и громыхали. Люди въ этомъ колесѣ казались маленькими, ничтожными. Тупая покорность, признаніе кары неба видны были на ихъ лицахъ. Лишь только одинъ Ярема посылалъ проклятія панамъ...—Всему виною они, проклятые...—говорилъ онъ рабочимъ втихомолку.

Въ казармѣ въ этотъ вечеръ люди долго толковали.

Петро, отнесшій съ юношей Сергѣя, вернулся въ казарму и тамъ поддерживалъ разговоръ.—Чоловикъ не абы якый нашъ прыемщыкъ!—говорилъ онъ. Напевно его пидыслалы, щобъ винъ взнавъ жыття нашого брата, бо усе хоче знать, роспытуеця... и така щыра душа.

— Выдко, що чоловикъ благородный...—вторили за нимъ другіе.

— Це напевно пидисланный отъ царя... вставилъ кто-то,—кому бъ то бильше объ насъ клопотаця? не панамъ же? .

— Знаемъ мы благородныхъ, знаемъ мы панськый клопитъ... — возвышался голосъ Яремы, который въ казармѣ чувствовалъ себя неуязвимымъ. Лицо его было возбужденно, а глаза горѣли возмущеніемъ.—Якъ собакы гыбнемъ... за четвертакъ продаешь свою душу, а воны царствують, знущаюця надъ намы... Знystoжыть до основанія проклятыхъ!..—Ярема держалъ въ рукѣ послѣдній кусокъ принесеннаго хлѣба, и потрясая имъ, продолжалъ: —Скоро и цего не буде, а диты будутъ уже певными рабамы...

— Правду дядько каже!.. раздались молодые голоса, старики же молчали.

Потолковавъ о необычныхъ качествахъ „новаго человѣка“, казарма погрузилась въ сонъ. Ярема пошелъ заглянуть въ комнату этого человѣка—глашатая правды, по общему отзыву.

На столѣ стоялъ самоварчикъ и за столомъ уже сидѣлъ Сергѣй, а рядомъ юноша и Петро; пили чай и вели разговоръ о человѣческихъ бѣдствіяхъ, которыя понимались здѣсь, какъ кара божія. Ярема тоже присѣлъ.

— Ошибаются люди,—говорилъ Сергѣй.—Нѣкоторыя бѣды зависятъ отъ природы и человѣкъ не можетъ съ ними бороться, но большинство людскихъ бѣдствій — зависятъ отъ несправедливыхъ законовъ, составленныхъ богатыми людьми. Чтобъ избѣгнуть бѣды, люди устроили управленіе и власть; народъ довѣрился, а люди всегда были и будутъ своекорыстными и властолюбивыми; они обратили эту власть на собственную корысть, а довѣрившійся имъ народъ повергли въ бѣдственное положеніе...

— Будетъ ли когда-нибудь конецъ нашему бѣдствію? спросилъ, не утерпѣвъ, Ярема.

— Будетъ, навѣрное будетъ...—сказалъ Сергѣй.—Когда всѣ бѣдствующіе проснутся и ополчатся на борьбу. А теперь вмѣсто великой рати—горсть людей, именуемыхъ соціалистами, которыхъ и задушить то нетрудно...

— Чего хотятъ эти люди? — спросилъ юноша, слыхавшій уже о соціалистахъ изъ рѣчи попа.

— Они хотятъ,—сказалъ Сергѣй,—чтобы земли, фабрики и капиталы принадлежали, не такъ, какъ теперь, отдѣльнымъ лицамъ, а всѣмъ людямъ—были громадскими, чтобы не было наемниковъ и хозяевъ и чтобы никто не жилъ трудомъ другого и всѣ имѣли кусокъ хлѣба.

— Вѣроятно отъ нихъ у насъ была бумажка...—сказалъ Ярема, не проронившій изъ рѣчи Сергѣя ни слова. Хотя и просидѣлъ я за нее три мѣсяца въ острогѣ, а все-таки бумажка хорошая... Только народъ нашъ еще глупъ... Раздался гудокъ, призывавшій смѣну, и Ярема исчезъ.

Ольшанскій „бунтъ“.

Исторія и жизнь все здѣсь сдѣлали для возмущенія, нужна была только искра. Все отъ начала до конца было построено здѣсь на неправдѣ. Цѣлые вѣка зло господствовало въ самой грубой формѣ. Если бы у Ольшанской графской конторы положить всѣ трупы людей, погибшихъ прямо и косвенно отъ ея дѣяній, то получалась бы груда повыше зданія. Любимецъ Екатерины, всесильный Потемкинъ за милліонъ рублей, похищенныхъ, конечно, изъ казны, купилъ сто лѣтъ тому назадъ у польскаго магната Ксаверія Любомирскаго „Смѣлянщину“ съ безчисленными селами лѣсами и землями. Какимъ образомъ центръ ея достался побочнымъ сыновьямъ Екатерины, исторія умалчиваетъ (вѣроятно, покупка эта совершена не безъ участія царицы, а Ольшанская вотчина досталась родственникамъ свѣтлѣйшаго—Энгельгардтамъ. Племянница Потемкина Александра Энгельгардтъ была выдана Екатериной замужъ за графа Ксаверія Браницкаго и принесла ему въ приданое Ольшанскій ключъ изъ двадцати селъ въ богатѣйшей по природѣ мѣстности. Самыя цѣнныя растенія—свекла, пшеница, рапсъ, макъ, плодовыя деревья росли здѣсь безъ особаго ухода. Безспорно, это была житница Украйны и вмѣстѣ съ тѣмъ юдоль плача для народа.

Самыхъ хозяевъ здѣсь никогда не было; жили они въ Парижѣ и наѣзжали изрѣдка въ свою Бѣлоцерковщину. Полными хозяевами здѣсь были управители, цѣлый синедріонъ оффиціалистовъ и спеціалистовъ. Эти были потомки шляхты, надменной и антисоціальной. Посреди этого панскаго стана стояла „контора", своего рода центръ, въ которомъ сходились всѣ узлы, связывавшіе всю окружающую жизнь по рукамъ и ногамъ. Контора въ глазахъ населеніе была всемогуща. „Що захоче, то те и зробыть—говорили люди,—вона, проклята, все зло робыть на свити... И становый и мировый—усе для конторы; и москаля мы даемъ, и оплаткы несемъ: все для неи, гемонськои. Вона зъ насъ кровь ссе.

Крестьяне не разъ имѣли случай убѣдиться во всемогуществѣ конторы. Они знали, сколько каждый чиновникъ получалъ отъ конторы дровъ, сѣна и всякаго добра, и были глубоко убѣждены, что и законы издаетъ контора. Людямъ приходилось имѣть дѣло по преимуществу съ законами, которые говорили въ ея пользу.

— Вона проклята ихъ издае, а не царь,—убѣжденно говорили Сергѣю ольшанцы—и тилько одного вона не може добыця—вернуть панщины.

Боязнь возврата панщины и экзекуцій даже спустя двадцать лѣтъ по освобожденіи была такъ сильна, что Сергѣй не въ состояніи былъ разубѣдить въ этомъ даже болѣе развитыхъ крестьянъ. За цѣлый вѣкъ накопилось много счетовъ, воспоминаніе хранило много обидъ. И некому было распутать этотъ Гордіевъ узелъ. Борьба за землю здѣсь была не скончаема. Земля здѣсь—основа всему, безъ нея человѣкъ—все равно, что растеніе безъ почвы. И контора обманула людей, надѣляя ихъ въ 1861 году; воспользовавшись темнотой люда, она обрѣзала и тотъ жалкій надѣлъ, который былъ установленъ еще въ 1847 г. при введеніи инвентарей *). Положеніе 19 февраля 1861 г. узаконило за крестьянами количество, показанное по инвентарямъ, но паны часто, обходя законъ, нарѣзывали имъ меньше земли и проводили такое надѣленіе по всѣмъ инстанціямъ. Крестьяне теряли сроки на обжалованье и крохи ихъ безвозвратно погибали. Правительство только въ 1863 году, въ отместку панамъ за мятежъ, издаетъ указъ о провѣркѣ уставныхъ грамотъ,

---

*) Инвентари были введены въ Юго-Западномъ краѣ заботами Бибикова въ цѣляхъ ограниченія чрезмѣрной эксплуатаціи крестьянъ и обрѣзки ихъ земель помѣщиками.

чтобы дорѣзать оттянутое у крестьянъ. Но тамъ, гдѣ дѣла о надѣленіи были окончены, крестьяне ничего не могли подѣлать. Фактовъ этихъ, вопіющихъ по своей наглости, было много на Украйнѣ *).

Появленіе человѣка съ „божескими намѣреніями“ внушило населенію надежду на возвратъ давно потеряннаго. Даже волостной писарь, съ которымъ Сергѣй познакомился при посредствѣ „юноши“,—на что ужъ былъ далекъ отъ мысли служенія народу, но и онъ поддался обаятельнымъ рѣчамъ новаго человѣка и сталъ на сторону крестьянъ. Имѣлъ онъ, впрочемъ, зубъ на контору, которая обычно обходила безъ соотвѣтствующихъ даяній меньшіе ранги. Онъ раскопалъ инвентари, которые контора тщательно прятала, и выяснилъ насколько она надула крестьянъ. Рада крестьянская, созванная Сергѣемъ послѣ основательнаго знакомства съ жизнью, должна была рѣшить исходъ.

Была темная ночь. Съ трудомъ пробирались на окрайну Сергѣй, волостной писарь и юноша. У нихъ настроеніе было такое, что никакой трудъ въ данный моментъ не показался бы тяжелымъ.— „Шумятъ...—замѣтилъ Сергѣй, приближаясь къ хатѣ, стоявшей въ сторонѣ. Хата была полна народа. Тутъ были представители всѣхъ кутковъ. Появленіе интеллигенціи встрѣчено почтительно. Кто сидѣлъ, встали; всѣ поклонились. Глаза крестьянъ устремились на Сергѣя, котораго немногіе до сихъ поръ видѣли. Эти глаза обличали слабую мысль и безнадежность. Лишь только одинъ Прохоръ—постоянный ходатай за громаду—обнаруживалъ подъемъ. Смотрѣлъ онъ спокойно и держалъ себя съ достоинствомъ; остальные проявили нѣкоторую робость. Люди были напуганы новымъ требованіемъ завести въ селѣ присяжныхъ десятскихъ по одному изъ десяти дворовъ. Они въ этомъ требованіи увидѣли тѣ же козни конторы.

— Десятниковъ та ще присяжныхъ (а присяга въ глазахъ крестьянина—дѣло серьезное!)—вона проклята выдумала не напрасно,—продолжалъ рѣчь одинъ изъ крестьянъ,—на певно воны пожынуть насъ на панщыну...

— Нѣтъ, господа, насчетъ панщины вы будьте спокойны,— сказалъ Сергѣй —конторѣ самой невыгодно возврашать ее. Для нея теперь легче—заплатитъ четвертакъ и всѣ счеты окончены, а

---

*) Провѣрка обнаружила по не законченнымъ дѣламъ:

	По инвентарямъ крестьяне имѣли земли.	По уст. грам. паны нарѣзали
Кіевская губ.	1,231, 472 дес.	1,061, 969 дес.
Волынская “ . . .	1,398, 499 “	1,205, 552 „

В. Семевскій. Крестьянск. вопросъ, т. II стр. 506.

при барщинѣ нужно было и землю вамъ давать и кормить. Конторѣ нужна не барщина, а охрана ея спокойствія...

— Кто тамъ насъ кормилъ...—иронически замѣтили крестьяне. Сергѣй понялъ, что далъ маху.

— Москаля давай для охраны паньскихъ земель, все начальство содержи...—проговорилъ Прохоръ,—всего этого для нихъ мало, такъ еще присяжныхъ десятскихъ для охраны... У насъ нечего охранять: каждый изъ насъ самъ себя сумѣетъ охранить. А тѣ, у кого много добра, пусть сами себя охраняютъ... съ какой стати мы, бѣдняки, ихъ станемъ охранять, пусть нанимаютъ себѣ охрану.

— Не дадимъ десятскихъ... раздались голоса.—Сегодня они требуютъ присяжныхъ десятскихъ, а завтра еще что-нибудь выдумаютъ для охраны пановъ и мы все это должны выполнять?..

Такимъ образомъ рѣшеніе о десятскихъ принято было безъ всякаго участія Сергѣя. Оно было подготовлено уже раньше и крестьяне формально отказались выбирать ихъ. Теперь былъ только какъ-бы пересмотръ принятого рѣшенія.

— Я вамъ приготовилъ справку изъ инвентарей насчетъ отрѣзки земли...—заявилъ волостной писарь.—Напишемъ прошеніе въ контору, пусть по доброй волѣ возвратятъ вашу землю, а если не возвратятъ, то вы сами возьмете ее.

— Напрасно ходить въ контору... раздались голоса.—Двадцать лѣтъ оббиваемъ пороги, кланяемся—только смѣются надъ нами.

— Нѣтъ, господа, нужно идти по закону,—продолжалъ писарь.—Откажутъ здѣсь, нужно ѣхать къ самому графу.

Тоже напрасно,—вставилъ Прохоръ,—былъ я у графа—говоритъ: подавайте въ судъ. Если нужно, пойду опять, какъ люди рѣшатъ.

— Развѣ для очистки совѣсти...—сказалъ юноша, все время молчавшій,—напередъ можно съ увѣренностью сказать, что въ „конторѣ“ посмѣются... знаю я вѣдь эту контору, служилъ вѣдь въ ней...

— Они посылаютъ насъ въ судъ,—заговорилъ крестьянинъ изъ молодыхъ, очевидно солдатъ,— запашемъ свою землю, пусть лучше они на насъ подаютъ въ судъ.

— Знаемъ мы ихъ судъ: позовутъ солдатъ, пріѣдутъ экзекуторы и будутъ бить розгами, какъ въ 1863 году... сказалъ Прохоръ и замолчалъ.

Продолжать рѣчь на эту тему ему было тяжело: онъ былъ очевидцемъ порки 63 г. И не только очевидцемъ. Тогда онъ еще парнемъ долженъ былъ по наряду отвезти какую-то бумагу въ станъ. Люди знали, что бумага эта противна интересамъ крестьянъ, и онъ ее не повезъ, а за это былъ битъ — получилъ 300 розогъ и „въ рядни“ отнесенъ съ мѣста экзекуціи полуживымъ. Теперь онъ безнадежно махалъ рукой. Все, молъ, окончится розгами.

Сергѣй видѣлъ самъ, что ничего не выйдетъ и напрягалъ мысль.

Контора безъ вашего труда не обойдется,—сказалъ онъ, наконецъ,—она вамъ ставитъ тяжелыя условія, попробуйте и вы ей поставить...

— Не контора и не мы ставимъ условія,—сказалъ Прохоръ. Голодъ тутъ порядкуе—винъ хазяинъ надъ намы. Дають четвертакъ еще хорошо, а стали бы платить по гривеннику въ день, повѣрьте пошли бы и за гривенникъ.

Не пойдемъ работать—заведутъ машины, привезутъ полтавцевъ или литвиновъ, а мы съ голоду будемъ умирать.

Печать страданія лежала на этомъ умномъ энергичномъ лицѣ; видно было, что онъ говорилъ не зря.—Пока земля въ ихъ рукахъ, они будутъ панувать надъ нами, что тамъ не говори.

— Земля безъ людей ничто...—сказалъ Сергѣй, не она должна господствовать надъ людьми, а люди надъ нею... Но это были только слова. Было уже поздно, крестьяне не привыкли къ продолжительному вниманію и зѣвали.

Отъ дегтю, которымъ были вымазаны сапоги, отъ новыхъ кожуховъ въ хатѣ стояла вонь. Жара въ хатѣ была также невыносима. Мысль не работала въ такой атмосферѣ. Сергѣй крѣпко пожалъ руку каждому крестьянину и вышелъ. И уже на дворѣ онъ созналъ, что словъ тутъ недостаточно, что этимъ людямъ необходимо возвратить тѣ духовныя силы, которыя убиты въ нихъ вѣковымъ гнетомъ. Съ этою мыслью Сергѣй возвратился въ хату, въ которой люди уже жужжали, какъ пчелы въ ульѣ.—Кто знаетъ увидимся ли мы больше,—сказалъ Сергѣй.—Хотѣлъ бы я, чтобы вы стойко стояли за правду и за краще життя, чтобы вы показали этимъ сильнымъ и властнымъ, что и вы такіе же люди и имѣете право на жизнь...

Кто знаетъ, поняли ли эти слова люди, но юноша и Прохоръ всю жизнь не забывали ихъ.

Съ сознаніемъ выполненнаго долга подходили юноши къ воротамъ завода. Было темно.

Ярема стоялъ какъ-бы въ засадѣ и поджидалъ.—Полиція и жандармы!..—Таинственно произнесъ онъ, загородивъ собой дорогу.—Вонъ тамъ я вытаскалъ ваши вещи... и всѣ они быстро скрылись во тьмѣ.

— Напрасно, хлопцы, безпокоите начальство...—съ трудомъ проговорилъ старичекъ губернскій членъ, явившійся на сходъ въ сопровожденіи исправника и посредника. Крестьяне, увидѣвъ послѣднихъ, махнули рукой. Они такъ много разсчитывали на этого члена. Прохоръ даже на бумагѣ изложилъ всѣ притѣсненія конторы. — Вотъ, наконецъ-то нашу жалобу разберутъ по совѣсти...—думали ольшанцы.

— Вся губернія уже выбрала десятскихъ,—продолжалъ членъ, а вы не хотите исполнить царскій законъ... десятскіе васъ же будутъ охранять... Крики толпы прервали его рѣчь.

— У насъ нечого охранять... контору охранять...—кричали крестьяне.

— И контора на васъ жалуется...—добавилъ членъ по отечески.—Наше дѣло васъ предупредить—за нарушеніе собственности строго отвѣтитє, братцы...

Въ это время Прохоръ подалъ бумагу.

— Я не судить васъ съ конторой пріѣхалъ,—сказалъ членъ. Меня прислалъ губернаторъ сказать вамъ о томъ, что васъ за ослушаніе ожидаетъ... При этихъ словахъ посредникъ ладоней изобразилъ порку.

Эти слова произвели новый взрывъ негодованія.—Колы контора нашу землю заграбыла, нихто не бачывъ...—кричали люди.— А якъ мы хочемъ одибрать назадъ, то насъ похваляюця быть!.. Крикъ былъ такъ силенъ, что членъ долженъ былъ уйти въ волость и больше не показывался крестьянамъ. Разрывъ былъ полный.

Прошла недѣля. Тучи сгущались на горизонтѣ. Люди ходили, какъ „неприкаянные“ и томились неизвѣстностью. Какъ вдругъ воздухъ огласился трубнымъ звукомъ пришедшихъ драгунъ. Явились они цѣлымъ полкомъ и размѣстились у евреевъ. Это тоже былъ нехорошій предвѣстникъ для крестьянъ. Писарь, выдавшій справки крестьянамъ, былъ удаленъ въ 24 часа. Полиція усиленно искала юношу, который послѣ рады пропалъ безъ вѣсти. Крестьяне ждали и ходили хмурые. Мѣстечко какъ-бы вымерло, притаилось, какъ это бываетъ предъ бурей. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда крестьяне возвращались усталые съ полей, пріѣхали два фаэтона съ вокзала, а за нѣсколько часовъ предъ этимъ нѣсколько бричекъ съ мѣстнымъ начальствомъ. Колокольчики какой-то болью отзывались въ душахъ людей, которые дальше разговоровъ о землѣ и не пошли. Начальства наѣхало видимо-невидимо. И вечеромъ у полковника, остановившагося у самаго богатаго еврея, былъ своего рода „военный совѣтъ“.

Было утро, никто изъ крестьянъ не ѣхалъ на поля, всѣ они собирались около волости. Новыя черныя свитки, надѣваемыя только по праздникамъ, указывали на то, что крестьяне шли не воевать, а судиться. Не вѣрили они въ этотъ судъ, но все-таки искра надежды не оставляла эти меланхонически задумчивыя головы съ примитивной психологіей.

Послѣ ожиданій появилось начальство съ вице-губернаторомъ и полковникомъ во главѣ. Полковника сопровождали всѣ офицеры полка. Сотни блестящихъ мундировъ предстали предъ этими черными новенькими свитами. Весеннее солнце ласково играло лучами на золотѣ, украшавшемъ мундиры, но оно не досягало до холодныхъ людскихъ сердецъ. Сразу было видно, что это два враждебныхъ лагеря. Еще до выхода начальства старшина и становой освѣдомлялись у схода о выборѣ десятскихъ. О нежеланіи начальство было поставлено въ извѣстность.

— Вы, значитъ, и теперь не согласны...—строго сказалъ вице-губернаторъ.

— Не согласны... контору охранять...—кричали люди.

— А на графскую землю зачѣмъ нападаете?..—продолжалъ онъ.

Защита графа задѣла самую больную струнку крестьянъ.— Контора ограбыла насъ? Вона кровь ссе зъ насъ... крики были общіе.

— А зачѣмъ нанятыхъ десятскихъ прогнали?.

— Не будемъ платыть, нехай вона, проклята, платыть... у неи е чымъ платыть, а мы голи...

— Ну такъ знайте,—заявилъ уже полковникъ,—завтра пріѣдетъ губернаторъ и будутъ васъ бить...

— Нехай усихъ убываютъ... Жалобы нашои не хотять разобрать, нехай убываютъ...

— Мы не судъ...—пробовалъ было говорить вице-губернаторъ, но за крикомъ ничего не было слышно. Онъ махнулъ рукой и какъ-бы про себя добавилъ:—да, что съ баранами говорить.

Эти слова были приняты за кровную обиду.—Громаду баранами звуть... послышались голоса.—Мы ждали суда, а насъ лають... И крики все усиливались. Толпа какъ-бы забыла о томъ, что тамъ во дворахъ стояли тысячи вооруженныхъ людей, готовыхъ явиться по первому мановенію руки.

— Безъ порки, а можетъ и дѣйствія оружіемъ съ ними дѣло не обойдется... сказалъ исправнику и полковнику вице-губернаторъ, особенно недовольный послѣднимъ протестомъ громады.—Завтра заготовьте лозъ, соберите сходъ и будьте на все готовы... чтобъ на сходѣ были всѣ зачинщики... Съ этими словами хмурый и злой уѣхалъ вице-губернаторъ въ Кіевъ.

Прошелъ длинный тяжелый день. На лицахъ обывателей было написано безпокойство и подавленность. Солдаты томились неизвѣстностью. Мундиры были прямо озлоблены поведеніемъ схода. Виновница всѣхъ этихъ бѣдъ „контора“ притаилась, какъ бы ее совсѣмъ не было на свѣтѣ.

Раннимъ утромъ согнали крестьянъ на площадь предъ волостнымъ правленіемъ. Шли они безъ всякой надежды, какъ идетъ скотъ на убой; не видно было новыхъ свитокъ. Солнце сіяло такое же ясное, какъ и раньше, но въ душахъ этихъ людей было темно. Теперь они ничего не понимали. На Бога тилько и надія... эти слова были написаны на тупыхъ и усталыхъ лицахъ крестьянъ. На ихъ глазахъ картина площади измѣнялась. Бродившія по ней еврейскія козы уступили мѣсто драгунамъ, выступавшимъ въ полномъ вооруженіи. Привезли десять возовъ лозъ...

— Бить—запрещено покойнымъ царемъ...—сказалъ кто-то изъ крестьянъ.—Запрещено... это слово пронеслось въ толпѣ, которая уже двадцать лѣтъ не видѣла лозъ.—Контора проклята прислала для настрашки... раздавались возгласы. А тѣмъ временемъ начальство собиралось, пріѣхало еще два становыхъ, прокуроръ, жандармскій полковникъ, слѣдователь, десять урядниковъ. Вотъ группа евреевъ шевелилась. Крестьяне увидѣли столъ и хлѣбъ... Побѣжалъ Прохоръ, за которымъ уже зорко слѣдили. Тащитъ столъ и хлѣбъ, скатерть...

— Пошелъ вонъ,—кричитъ ему мировой посредникъ. Урядникъ вырываетъ у него хлѣбъ.

— Такъ жидамъ можна, а намъ нельзя?.. добра правда... раздаются голоса.

— Жиды не бунтуютъ...—объясняетъ посредникъ,— не безпокоятъ начальство.

— Отдайте нашу землю и мы не будемъ васъ безпокоить...

Но вотъ вдали показался кортежъ; впереди ѣхалъ исправникъ, а дальше слѣдовала карета, окруженная двумя урядниками и отрядомъ драгунъ. Не доѣзжая волости, карета остановилась и вышелъ невзрачный человѣкъ. Еврейская депутація обнажила головы и старикъ раввинъ ветхозавѣтнаго облика въ длинной хламидѣ поднесъ ему хлѣбъ - соль. Человѣкъ принялъ ее и передалъ исправнику и хотѣлъ идти въ помѣщеніе волости. Въ это время, какъ грибъ изъ земли, появился тотъ же Прохоръ со столомъ и хлѣбомъ - солью. Невзрачный человѣкъ грозно измѣрилъ его взглядомъ и вопросительно посмотрѣлъ на исправника.

— Ты куда, бунтовщикъ?.. — кричалъ становой.

Маленькій человѣкъ пальцемъ погрозилъ становому, чтобы не кричалъ.

Толпа была на ногахъ и слѣдила за каждымъ шагомъ маленькаго человѣка, который сердито проговорилъ: я отъ бунтовщиковъ хлѣба и соли не возьму... я васъ пріѣхалъ строго наказать... И съ этими словами онъ уѣхалъ на отведенную квартиру къ богатому купцу еврею.

— И не выслухавъ, а вже зве бунтовщиками... Контора перебигла и набрехала на насъ!.. раздавались возгласы...—Це не губернаторъ... Контора переодягла свого панка и прислала... Поихавъ до нашыхъ ворогивъ...

Такимъ рѣчамъ не было конца, пока губернаторъ выслушивалъ доклады исправника, жандармовъ и давалъ приказъ полковнику. Прошло еще тяжелыхъ полчаса. Маленькій человѣкъ въ лентахъ и орденахъ съ эполетами съ цѣлою свитою мундировъ явился къ зданію волости. Въ это самое время драгуны, стоявшіе на почтительномъ разстояніи, по знаку, данному полковникомъ, окружили сходъ плотнымъ кольцомъ. Все это случилось въ одну минуту, такъ что крестьяне сразу почувствовали себя въ западнѣ. Впереди крестьянъ былъ Прохоръ въ новой свиткѣ и съ прошеніемъ въ рукахъ. Глаза его молили о разборѣ дѣла, о пощадѣ и вся его фигура дышала простодушіемъ и незлобивостью.

— Не ваши жалобы слушать пріѣхалъ...—грозно и чуть ли не съ пѣною у рта кричалъ маленькій человѣкъ въ орденахъ.

— Я пріѣхалъ васъ наказать, какъ бунтовщиковъ... строго наказать...

Держа въ рукахъ списокъ, онъ зычнымъ голосомъ прочиталъ:

— Прохоръ Приходько...

— Вотъ онъ!.. указалъ старшина.

Въ ту же секунду четыре дюжихъ рукъ драгуновъ вцѣпились въ него и повалили на землю. Еще восемь такихъ же здоровыхъ рукъ принялись бить его лозами.

За Прохоромъ слѣдовало еще тридцать человѣкъ „зачинщиковъ“... Черезъ нѣсколько минутъ всѣ они очутились въ рукахъ драгунъ. Сотни душъ съ пучками розогъ предались перекрестному сѣченію. Крики наказуемыхъ и свистъ въ воздухѣ розгъ и плетей обратили всю площадь въ невообразительный хаосъ. Толпа находилась въ какомъ-то ужасномъ оцѣпененіи. Болѣе безпомощнаго положенія трудно себѣ представить. Когда тѣла „зачинщиковъ“ сплошь были покрыты кровавыми рубцами, раздалась команда: стой... подведите ихъ...

— Согласны? вопрошалъ тотъ же грозный окликъ.

— Не согласны...—едва слышно для первыхъ рядовъ отвѣтилъ полуживой Прохоръ, а за нимъ съ какимъ-то изступленіемъ прокричала толпа: не согласны!...

Били еще и опять получилось тоже: не согласны!...

— Стой!...—раздалась команда. Такъ вы не согласны?... Я отдамъ приказъ истребить васъ всѣхъ, какъ собакъ... И губернаторъ распорядился дѣйствовать оружіемъ послѣ трекратнаго предупрежденія.

Трубачи заиграли тревогу и этотъ страшный трубный звукъ проникалъ въ души истязуемыхъ людей. Нѣсколько тысячъ солдатъ, обнаживъ шашки, приготовились къ наступленію. Въ воздухѣ запахло ужасомъ братоубійственной войны... Люди пали ницъ и подняли руки къ небу съ мольбой... И страшный раздирающій душу крикъ оглашалъ всю площадь, всю окрестность. И съ нимъ было исторгнуто слово: согласны. Кричали тысячи женъ и дѣтей, сбѣжавшихся на крикъ наказуемыхъ...

Лучъ заходящаго солнца случайно попалъ въ маленькое окошечко „холодной". Онъ нашелъ тамъ только что пришедшаго въ память Прохора, брошеннаго послѣ порки и предназначеннаго для отправки въ Кіевъ. Онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ и только одинъ языкъ могъ дѣйствовать. И Прохоръ сталъ кричать. Крикъ этотъ былъ страшный. Прохоръ увидѣлъ свое окровавленное тѣло и ужаснулся.

— Пидожды, братику, архангеловъ отправлю... та обманю урядника... — говоритъ сторожъ дидъ Даныло. Онъ при видѣ крови забываетъ и архангеловъ и начинаетъ растирать изрубцованное тѣло водкой съ камфорой. Дидъ Данило самъ во времена панщины былъ изрядно битъ и зналъ, что это значитъ. Въ окошечко доносятся звуки полковой музыки, игравшей на губернаторскомъ обѣдѣ, къ которому были приглашены всѣ власти и офицеры, и вопли бабъ и дѣтей, сопровождавшихъ своихъ мужей и отцовъ, отсылаемыхъ въ тюрьму.

— Пятьдесять душъ повязалы и повелы... сказалъ Даныло Прохору.

Въ царствѣ капитализма.

„Яко тать въ нощи" пробирался Сергѣй къ квартирѣ „техника" на Шполянскомъ заводѣ. Уже два дня онъ странствовалъ по селамъ, ночевалъ въ полѣ. Крестьяне къ такимъ странникамъ, какъ онъ, относятся недовѣрчиво и онъ боялся ночевать у нихъ. Здѣсь у техника Сергѣй разсчитывалъ отдохнуть послѣ всего пережитаго. Заводъ съ его безпрестаннымъ шумомъ, вонючая грязная казарма, люди, питавшіеся тамъ всякою дрянью и живущіе, какъ скоты, никакъ не выходили у него изъ головы. И вдругъ, вмѣсто пристанища Сергѣй видитъ заколоченный входъ. У Сергѣя какъ бы земля уплыла изъ-подъ ногъ. Минуту онъ простоялъ какъ-бы въ тяжкомъ раздумьѣ.— Значитъ, и здѣсь разгромъ...— Подумалъ онъ и немедля минуты сталъ уходить. Въ голову его непрошено вторглась мысль о шпіонахъ; въ эту пору ему казалось, что шпіоны всюду уже разставили сѣти и что ему нужно уходить! Но уходить, не собравши никакихъ свѣдѣній, Сергѣй не хотѣлъ. Онъ вспомнилъ о Семенѣ, большомъ другѣ техника, съ которымъ онъ сошелся на заводѣ, и направился къ нему.

Уже свѣтало, когда Сергѣй пришелъ къ избушкѣ Семена. Она стояла на краю села на крошечной усадьбѣ и была окружена группою вишневыхъ деревьевъ. Ни клуни и никакихъ больше построекъ не было. Семенъ передъ волею не выдержалъ и послѣ большой порки бѣжалъ въ Херсонщину. Экономія воспользовалась этимъ и надѣла не дала, когда онъ возвратился сейчасъ послѣ воли. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе двадцати лѣтъ слонялся по заводамъ и заработкамъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ меньше у него было силъ и все труднѣе и труднѣе становилась жизнь. Имѣлъ онъ двухъ дѣтей подростковъ, которые съ дѣтства жили въ наймахъ. Пока онъ ничего не зналъ, эта панская работа не была ему такъ противна, какъ теперь. Теперь ему открылись глаза на всю махинацію, которая опутывала и затуманивала глаза всѣмъ этимъ Семенамъ. И Семенъ сидѣлъ и раздумывалъ. Прежде въ эту предразсвѣтную пору онъ бралъ кусокъ хлѣба и направлялся въ экономію, а теперь онъ думалъ о возвратѣ земли. Въ Си—кѣ было не мало такихъ Семеновъ и всѣ они были согласны съ нимъ. А тѣмъ временемъ представился такой случай. Экономія Абазы обмѣняла у крестьянъ небольшой участокъ земли. Участокъ, вымѣненный экономіей, лежалъ рядомъ съ усадьбой Семена.

— Вотъ это и будетъ наша земля...—рѣшаетъ Семенъ, а за нимъ вторятъ всѣ такіе же, какъ и онъ, обиженные и обездоленные. И Семенъ глубоко увѣренъ въ правотѣ своихъ поступковъ. Онъ увѣренъ, что на судѣ, коли дѣло дойдетъ до настоящаго суда,—всѣ обиды крестьянъ будутъ приняты во вниманіе и притѣснители ихъ получатъ возмездіе. Семену казалось, что царь—идеалъ правды—не можетъ одобрять всѣхъ этихъ притѣсненій и что бѣдствія его и его собратьевъ зависятъ отъ того, что до царя далеко, а до Бога высоко. Судъ—настоящій, царскій—дѣло разберетъ по правдѣ, по божески. Всѣ эти старшины, урядники и становые—защитники пановъ—на судѣ тоже должны получить надлежащую мзду... Весна близилась и Семенъ долженъ былъ думать объ осуществленіи давно задуманнаго. Онъ цѣлые дни толковалъ съ бѣдняками и мучился ожиданіемъ.

Когда Сергѣй вошелъ въ хату, то Семенъ уже бодрствовалъ. Онъ обрадовался товарищу панычá, который раскрылъ ему глаза на все. Сергѣя онъ уже зналъ.

— Паничъ насылу втикъ...—сказалъ опечаленный Семенъ.— Зъ Кыева тайна полыція наизжала.

— Куда жъ онъ поѣхалъ? спросилъ Сергѣй.

— Не видаю... одно слово сказавъ, якъ спытаете вы, то скажы, мовъ, що до Павла поихавъ.

— Значитъ, въ Кіевѣ провалъ...—подумалъ Сергѣй. „Павло“ же работалъ въ Смѣлянщинѣ, въ царствѣ Бобринскихъ. Семенъ, конечно, не былъ во все это посвященъ.

— А у васъ тутъ тайной полиціи еще не замѣтно?... Спросилъ Сергѣй первымъ долгомъ.

— У насъ немае... ще не пронюхалы, а на заводи слухы ходять, що есть воны.

— Нужно у васъ перебыть этотъ день...—Сказалъ Сергѣй,— небезпечно днемъ ѣхать.

— Небезпечно,—повторилъ Семенъ.—Одпочиньте на печи,— выдко по васъ, що дуже зтомылысь въ дорози.

— Правда, усталъ...—подтвердилъ Сергѣй, у котораго ноги перестали служить. Онъ сейчасъ воспользовался предложеніемъ Семена и забрался на печь. И только въ эту минуту Сергѣй обратилъ вниманіе на убожество обстановки. „Пилъ“, не покрытый даже рядномъ, на которомъ спалъ Семенъ, лавки, вмѣсто сундука была бодня, въ которой было спрятано жалкое добро Гапкы, жены Семена, которая варила, пекла и ходила на поденщину, но въ замыслахъ мужа не принимала никакого участія. Ей было непонятно „чого ци панычи ходять до ихъ, бидныхъ и ныщетныхъ?“... Сергѣй былъ посвященъ въ замыслы Семена и онъ живо представлялъ себѣ дальнѣйшія мытарства его. Не разъ у него являлась мысль предупредить его, убѣдить, что изъ этого ничего не выйдетъ. Эта мысль и теперь не давала ему покоя. Но когда онъ увидѣлъ жизнь Семена и поражающую его бѣдность, увидѣлъ его завтракъ съ женою, то пришелъ къ иному выводу. Для Семена все равно—здѣсь ли или на каторгѣ...—подумалъ онъ и рѣшилъ не трогать мечты его. Мечта добиться правды путемъ захвата — это вѣдь послѣднее дѣло его жизни... Безъ этого онъ умретъ такъ, какъ умирали милліоны, десятки и сотни милліоновъ такихъ же Семеновъ и Ивановъ... Всею душою Сергѣй былъ преданъ этимъ людямъ и жаль было ему ихъ, ихъ страданій. Но что подѣлаешь?—спрашивалъ онъ безпомощно. Мало по малу онъ перешелъ къ другимъ мыслямъ. Сергѣй вспомнилъ, какъ давно онъ лежалъ на печкѣ у себя въ Тарасовкѣ, какъ безмятежна была тогда его жизнь, какъ все ему улыбалось, и какъ несчастенъ онъ въ данную пору. Вспомнилъ онъ и свою мать, и Марьяну, и Вѣру и своихъ единомышленниковъ—такихъ же гонимыхъ, какъ и онъ, но обо всѣхъ ихъ онъ не имѣлъ никакихъ вѣстей... Эта неизвѣстность доставляла ему тяжкую боль и онъ не могъ заснуть.

— Роскажу вамъ—прервалъ его мысль Семенъ,—якъ мы ходылы до Абазы прохать земли. Сергѣй былъ радъ этому разговору и съ удовольствіемъ сталъ слушать.

У ёго тутъ есть дворецъ у ліси, — продолжалъ Семенъ съ оживленіемъ,—отъ и прыихавъ винъ, щобъ по снигу охотыця; навизъ сюды цилу низку панивъ зъ столыци и почалы воны пыть та гулять... Люде выбралы зъ усихъ его селъ дванадцять полномочныхъ и послалы до его нащетъ земли... Одъ нашои слободы бувъ я и ще одынъ заможнищый. Довго насъ выганялы зъ двору дворецьки та лакеи—ну, звісно, собашныкы. Нашъ братъ тоже насобачывся вже, и все-такы мы дотупалыся.

— Ну, чого вамъ треба одъ мене?.. пытае винъ насъ.—Земли и хлиба. Одинъ бувъ нашъ отвитъ:—У кого немае чого исты—нехай йде до мене на роботу"—каже винъ.—Намъ ваши управители платять по грывеныку въ день и пивроку не мае ніякои роботы--одповидуемъ мы ему.—Я звылю, щобъ усимъ була робота"... И зъ тымъ мы и пишлы, бо панамъ треба було ихать на охоту: уся псарня була вже коло саней. А псарни тамъ живеця далеко, въ тысячу разъ, краще якъ намъ... Зъ того часу люде залышылы на его усяку надію...

Сергѣй неожиданно очутился въ царствѣ Бобринскихъ *).

Царство это раскинуто здѣсь на протяженіи двухъ уѣздовъ. Въ сердцевинѣ его, въ Смѣлѣ, по меньшей мѣрѣ половина земли принадлежитъ Бобринскимъ. Жуткое чувство охватываетъ мыслящаго человѣка, когда онъ попадаетъ въ это царство эксплуатаціи и капитализма. Въ Ольшанѣ, въ Шполѣ, въ Городищахъ (центръ латифундій кн. Воронцовыхъ, теперь Балашевой), въ Тальномъ (гр. Шуваловыхъ)—такіе же гнѣзда капитализма и грабежа съ тою только разницею, что тамъ господствуютъ наемники, прихвостни. А здѣсь собираютъ добро лично графы и вслѣдствіе этого дѣло идетъ, конечно, успѣшнѣе. Разсказывали, что одинъ изъ нихъ часто самъ работалъ на заводахъ, какъ машинистъ, плотникъ и печникъ. А такого, какъ извѣстно, не проведешь. Сыновья его были министрами путей сообщенія. Смѣла поэтому давно соединена рельсовымъ путемъ. Но тутъ произошла печальная исторія. У крестьянъ земли здѣсь еще меньше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. А тутъ при проведеніи дороги и узловой сѣти понадобились огромныя отчужденія. Инженеры почему-то предпочитали имѣть дѣло съ крестьянскою землею и такимъ образомъ крестьянскія крохи, обрѣзанныя уже и безъ того, ока-

---

*) Исторія этого рода начинается собственноручнымъ письмомъ Екатерины II, которая въ 1781 году писала первому изъ Бобринскихъ, Алексѣю Григорьевичу, что онъ родился 11 апрѣля 1762 года и жаловала ему графство и гербъ. Онъ былъ побочнымъ сыномъ Екатерины II и Григорія Орлова.

зались еще болѣе обрѣзанными... Въ душахъ людей хранилось здѣсь тоже много обидъ и неправда ихъ душила на каждомъ шагу. Если въ Ольшанѣ властная рука управителей господствовала надъ всѣмъ, то здѣсь власть самихъ графовъ была безгранична... Они эту власть передавали цѣлому огромнѣйшему штату управителей, экономовъ и попросту сипакъ, и народъ былъ здѣсь въ такомъ же рабствѣ, какъ и при крѣпостномъ правѣ. Это были рабочія руки—безгласныя, безправныя и на нихъ не обращали никакого вниманія. Съ этими людьми графы, въ которыхъ текла царская кровь, продѣлывали, напримѣръ, такія штуки. Большое село Яблоновка стояло въ 1861 году при сахарномъ заводѣ. Экономія посчитала людей заводскими и надѣла они не получили совсѣмъ. Потомъ графы уничтожили Яблоновскій заводъ, перенесли его въ другое мѣсто, а люди безъ надѣла такъ и остались. Здѣсь поэтому преобладали батраки, служащіе, но настоящаго крестьянства почти не было. Вся эта масса была крайне разношерстна и у всѣхъ были интересы различные. Сплотить всю меньшую братію не было никакой возможности. Контора опутала сѣтями всѣхъ и держала въ рукахъ. „Павло“—опытный пропагандистъ изъ союза молодежи, попавши въ такую кашу, совсѣмъ растерялся. Заводскіе рабочіе здѣсь не были такъ безпризорны, какъ Ольшанѣ, о нихъ больше заботились. Но эта забота выражалась главнымъ образомъ въ надзорѣ за ними. Крестьянство же представляло столь ничтожную силу въ сравненіи съ этого колоссальною организацію, что и думать о протестѣ было нечего. Сколько стоила эта организація народу, можно судить изъ того, что нѣмецъ главноуправляющій получалъ здѣсь болѣе 36,000 рублей жалованія въ годъ. Всѣ главные прихвостни получали огромное жалованье, наживали цѣлыя имѣнія и душили народъ, насколько было возможно. — Уничтожить наибольшого душителя... эта мысль давно засѣла въ голову Павла, но онъ откладывалъ ее до совмѣстнаго обсужденія съ товарищами.

Павло служилъ помощникомъ химика на заводѣ, но жилъ въ мѣстечкѣ. На его квартирѣ пріютился техникъ. Вечеромъ пріѣхалъ Сергѣй, едва удравшій отъ шпіоновъ на желѣзной дорогѣ. Братію свою онъ засталъ въ безнадежномъ состояніи. Она уже имѣла сообщеніе изъ Кіева объ арестѣ всего штата и типографіи. При обыскахъ найдены указанія о дружинѣ, поселившейся на заводѣ.

— Треба тикать тай годи... — говорилъ какъ-бы про себя Павло. Это былъ молодой человѣкъ студентъ технологъ изъ Петербурга. Открытое симпатичное лицо его было печально. Всю зиму онъ провелъ здѣсь почти безполезно, если не считать поддержки, оказанной товарищамъ въ Ольшанѣ и Шполѣ.

Появленіе Сергѣя встрѣчено было съ неподдѣльною радостью.—А ты еще цѣлъ?..

— Едва удралъ; тамъ гонялись и сейчасъ вцѣпился хвостъ на станціи... отвѣчалъ Сергѣй, у котораго лицо выражало крайнее безпокойство.

— Въ эту ночь мы должны ликвидировать здѣсь свои дѣла... сказалъ техникъ, выходя какъ бы изъ задумчивости. Красивое мужественное лицо его какъ-бы выражало только-что принятое имъ рѣшеніе.—За границу ѣду...—проговорилъ онъ,—и сейчасъ иду на товарный поѣздъ. Ночь темна: на Бобринской вцѣплюсь на тормазъ; до свѣта буду въ Знаменкѣ, а тамъ поѣду, какъ слѣдуетъ... Что дѣлать, когда работать нельзя...

А мы еще попробуемъ работать...—сказалъ Павло,—нашъ багажъ меньше, чѣмъ твой...

— А что же мнѣ, господа, дѣлать съ моими душителями? спросилъ Павло, перемѣнивъ разговоръ на новую тему.—Стоитъ ли ихъ трогать или оставить въ покоѣ?.. По лицу его видно было, что у него происходитъ борьба.

— Ты уже знаешь мое мнѣніе...—сказалъ техникъ.—По моему оставлять въ покоѣ душителя народа не слѣдуетъ... но кто знаетъ, что выйдетъ изъ твоего покушенія на графа или наибольшаго душителя... Смотри, еще устроятъ обѣдъ, созовутъ всю меньшую братію и она будетъ оплакивать благодѣтеля.

— Не стоитъ...—такъ думаю и я...—проговорилъ печально Павло. Ну тогда остается только одно: немедля уходить изъ этой помойной ямы, изъ этого гнѣзда капитализма. Но какъ оставить этотъ людъ въ такой клоакѣ?..

Людъ этотъ еще не доросъ до сознанія необходимости борьбы,—сказалъ техникъ.—Это сознаніе мы не въ силахъ пробудить... И по мѣрѣ того, какъ его будутъ вываривать въ котлѣ, это сознаніе будетъ пробуждаться. Россія еще но созрѣла для переворота... Мы пробовали вызвать это созрѣваніе преждевременно искусственными мѣрами и потерпѣли неудачу... Мы хотѣли идти своимъ самобытнымъ путемъ, а доморощенныя средства или снадобья всегда бываютъ малоуспѣшны въ борьбѣ съ серьезными болѣзнями... По крайней мѣрѣ я рѣшилъ серьезно поучиться у Западной Европы... а тѣмъ временемъ и матушка наша Русь, можетъ быть, созрѣетъ... Въ его рѣчи, продуманной и размѣренной, и въ тонѣ звучалъ трезвенный взглядъ. Техникъ не договорилъ. Его рѣчь докончилъ Павло.—Русь созрѣетъ, а мы пріѣдемъ пожинать плоды тѣхъ, кого уже не будетъ на свѣтѣ... Поѣзжай, а мы останемся здѣсь нести общую долю нашего народа, какъ бы не была она горька... Кланяйся тамъ Вѣрѣ и всѣмъ нашимъ друзьямъ-изгнанникамъ... скажи имъ, что мы здѣсь тоже изгнанники-скитальцы...

Павло расчувствовался и заплакалъ. Техникъ обнялъ товарищей и вышелъ; дверь заскрипѣла и онъ укрылся во мглѣ. Теперь онъ не боялся сыщиковъ. Три года онъ укрывался и вдругъ попался бы въ этомъ оголтѣломъ царствѣ! Какой смыслъ жертвовать здѣсь своею жизнью, если насъ поймутъ здѣсь не раньше, чѣмъ чрезъ двадцать пять лѣтъ... Тогда и нужно будетъ жизнь свою отдать, а теперь нечего намъ здѣсь слоняться, какъ въ глухой пустынѣ... Павло съ облегченіемъ вздохнулъ по уходѣ товарища.

— Теперь буду спокойно спать...—сказалъ онъ Сергѣю.— Насъ съ тобой если заберутъ—дальше Якутки не пошлютъ, а его за динамитъ могутъ повѣсить...

— Ну, а какъ твоя депутація крестьянъ къ царю?—спросилъ Сергѣй.

— Это вѣдь единственное, что я смастерилъ за все время,—сказалъ Павелъ.

— Написалъ я имъ самое обстоятельное прошеніе; цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ надъ нимъ и надъ копіями для каждой деревни. Выбрали они двухъ довѣренныхъ людей и на дняхъ отправили... Только на этой почвѣ я и могъ вызвать какъ бы изъ преисподней мысль крестьянъ и всѣхъ ихъ объединить.

— И ты вѣришь въ успѣхъ?—спросилъ Сергѣй.— Какъ ты рѣшился это продѣлать?

— А ты развѣ не читалъ прокламаціи къ крестьянамъ, выпущенной Исполнительнымъ Комитетомъ „Народной Воли“ послѣ убійства царя?—проговорилъ Павелъ.

— Нѣтъ, слыхалъ о ней, но въ рукахъ не было ея.

— Тамъ вѣдь совѣтовали крестьянамъ посылать прошенія Императору съ указаніемъ ихъ бѣдствій и съ просьбою объ увеличеніи надѣловъ, уменьшеніи податей, о расширеніи самоуправленія, объ уменьшеніи произвола урядниковъ и становыхъ и о созывѣ земскаго собора... Послѣ длинной тирады Павелъ добавилъ: собственно я не вѣрю въ эти прошенія, нужно чтобы и крестьяне перестали вѣрить. Вырвать эту вѣру—безспорно это шагъ впередъ. Но не о прошломъ будемъ говорить,—сказалъ Павелъ,—а о томъ, куда уходить? Я уйду въ родныя херсонскія степи и буду слоняться на рынкахъ пришлыхъ рабочихъ.

— А я возвращусь въ Ольшану, посмотрю на дѣла пановъ въ главномъ ихъ гнѣздѣ, въ Бѣлой-Церкви, побываю въ своей Тарасовкѣ и тогда за тобой пойду въ степи... Эти степи и меня потянули.

— Тогда ты меня найдешь въ Елисаветградѣ въ „Сѣверныхъ номерахъ“...—сказалъ Павелъ и они стали собираться, чтобы до разсвѣта двинуться въ путь, несмотря на то, что на дворѣ стояла весенняя распутица.

Бабій бунтъ.

Въ Си—ской расправѣ уже цѣлый часъ становой пыталъ Семена.

— Тебя научилъ бунтовать тотъ прохвостъ, что жилъ на заводѣ? спрашивалъ онъ его послѣ нѣсколькихъ ударовъ, нанесенныхъ сапогомъ въ животъ.

— Земля намъ слидуе и нихто насъ не научивъ...—твердилъ одно и то же Семенъ, рѣшившій по примѣру Христа взять на себя всю вину и никого не выдавать. Становому же нужно было пробраться въ исправники черезъ протекцію Абазы и онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы найти здѣсь заговоръ противъ правительства.

— А зачѣмъ вы били старшину и урядника? спрашивалъ становой.

— Мы ихъ не былы...—отвѣчалъ Семенъ,—а просто прогнали...

— Дрючками прогнали и съ кольями и косами за ними гонялись?!

— Може въ кого и була коса въ рукахъ, алэжъ ихъ нихто не бывъ...

Становой еще разъ ударилъ Семена сапогомъ въ животъ съ такою силою, что тотъ упалъ навзничь на кирпичный полъ и застоналъ.

— Подъ разстрѣлъ пойдешь за то, что дерзнулъ на начальство руку поднять... — кричалъ становой, запирая его въ темную холодную.

— А вы тоже на каторжную работу пойдете въ Сибирь... —крикнулъ онъ на бабъ, сидѣвшихъ и горько плакавшихъ. Въ рукахъ у нихъ были маленькія дѣти.

— Не бійтесь, якый зъ бабы взыскъ...—говорилъ бабамъ старикъ сторожъ росправы по уходѣ станового.

Лежа на сырой землѣ, Семенъ стоналъ и думалъ: теперь уже будетъ настоящій судъ—безъ суда не растрѣляютъ. Ему вспоминается весь вчерашній день; съ утра вся бѣднота, всѣ безземельные, ограбленные при надѣленіи экономіей, собрались на этотъ участокъ, но никто изъ мужчинъ не пошелъ противъ урядника и старшины—этихъ хабарниковъ економій,—пошелъ только онъ и пять бабъ... Вся толпа тоже кричала: быйте ихъ кровопыйцивъ...

— Этихъ нужно примѣрно наказать...—докладывалъ становой управляющему,—посылайте депешу его высокопревосходительству... Заговоръ обнялъ всѣ селенія, грозитъ поголовное возстаніе мужиковъ... Чрезъ часъ становой съ телеграммой въ рукахъ ѣхалъ на станцію.—Теперь навѣрное буду исправникомъ...—въ головѣ его сидѣла эта завѣтная мечта.

И пошелъ работать телеграфъ въ Петербургъ, оттуда въ Кіевъ и въ результатѣ возникло „дѣло о вооруженномъ нападеніи крестьянъ на должностныхъ лицъ“.

Желаніе высокопоставленнаго хозяина примѣрно наказать бунтовщиковъ совпало съ интересами мѣстнаго губернатора, у котораго здѣсь же по сосѣдству были имѣнія. Посягательство пяти бабъ и дряхлаго Семена сочтено было за важное государственное преступленіе и передано на разсмотрѣніе военнаго суда „для сужденія по законамъ военнаго времени“. Въ деревню послали роту драгунъ, которые забрали у крестьянъ послѣднія крохи.

Чрезъ три дня подъ вечеръ въ Си — вкѣ можно было наблюдать такое зрѣлище. Росправа была окружена драгунами. Крестьяне не показывались на улицу, стараясь не попадаться на глаза начальству. Поодаль на площади стояли мужья и дѣти арестованныхъ бабъ и жена Семена, безглазая и какъ бы полуумная. Изъ холодной вывели Семена, который продолжалъ стонать отъ нанесенныхъ побоевъ. Старшина собственноручно связалъ ему назадъ руки,—связалъ такъ, что веревка впилась въ его тѣло. Семенъ вышелъ изъ расправы, за нимъ слѣдовали его соучастницы, пять бабъ съ грудными дѣтьми. Только одна изъ нихъ старуха не имѣла въ рукахъ ребенка. Десять драгунъ съ шашками на-голо окружили ихъ и повели въ тюрьму. Крики женщинъ и ихъ дѣтей разнеслись по селу и народъ началъ собираться на эту процессію. На лицахъ арестованныхъ и сбѣгавшихся людей написанъ былъ ужасъ. Всѣ они прожили свою жизнь безвыѣздно въ родной деревнѣ; ничто не нарушало ихъ жизни и вдругъ такая бѣда стряслась.

— Отъ що значыть заводыця зъ панами...—думали крестьяне и въ глазахъ ихъ виднѣлась какая-то глухая покорность и безнадежность. Мысль о безполезности всякаго протеста можно было легко разглядѣть на этихъ лицахъ. Какъ дикарь обнаруживаетъ полную растерянность при внезапномъ нападеніи тигра или бѣлаго охотника, вооруженнаго магазинкой,точно такъ надъ душою этихъ людей господствовалъ какой-то рокъ.

— Що Богъ дасть... на его тильки и надія... эти слова вырывались у толпы, какъ глухой протестъ.

Вотъ процессія достигла выгона. Тамъ пастухъ распускалъ свое стадо, которое своимъ блеяніемъ заглушало плачъ женщинъ. Усталые пахари возвращались съ полей; понуро волы тащили допотопные плуги и возы. Страхомъ вѣяло на этихъ людей, отъ драмы, разыгриваемой предъ ихъ глазами. Они на время останавливались, какъ останавливаются люди, когда везутъ покойника, и продолжали свой путь.

— Довольно!—скомандовалъ унтеръ-офицеръ, обращаясь къ толпѣ,—возвращайтесь... Сильный ревъ были отвѣтомъ на эту команду. Черезъ минуту плачъ этотъ усилился, и казалось, достигнетъ неба. Этотъ крикъ людей, взывавшихъ къ небу о справедливости, заглушалъ все. Не слышно было жизни села, не слышенъ былъ колокольчикъ, съ которымъ отъѣзжали на станцію жандармскій полковникъ и исправникъ.

Сумерки надвигались. Семенъ за селомъ старался разглядѣть свою хижину, стоявшую въ сторонѣ... Тамъ за нею внизъ къ лугу тянулась та земля, изъ-за которой онъ понесетъ свою головушку за тридесять земель. Представилась ему жена, покорная и недалекая умомъ, и дѣти, ушедшія въ Херсонщину. Слава Богу, что ихъ я избавилъ отъ сегодняшнихъ страданій...—промелькнула у него мысль. Жаль ему ихъ всѣхъ, жаль этихъ бабъ, которыя не хотятъ ни за что успокоиться. Про себя же Семенъ совсѣмъ забылъ; онъ пойдетъ и подъ разстрѣлъ со спокойною совѣстью... Скажутъ, пропалъ Семенъ ни за нюхъ табаку, задаромъ пропалъ... но все равно жить такъ, какъ жилъ раньше, я не могъ. бы... подумалъ онъ.— Терпѣть дальше я не въ состояніи... Христа же распяли... Оставь отца и мать свою и иди въ слѣдъ меня!.. вспомнилъ онъ слова Евангелія.

Станъ ликующихъ и господствующихъ.

Эпоха 1881—1905 годовъ—эпоха господства на Украйнѣ пановъ-землевладѣльцевъ. При крѣпостномъ правѣ тоже было организованное господство пановъ-помѣщиковъ *). Паденіе крѣпостничества нанесло чувствительный ударъ этому господству. Паны оправились отъ него только спустя двадцать лѣтъ. Польскому панству, всесильному при крѣпостномъ правѣ, непоправимый ущербъ нанесъ мятежъ 1863 г., вызвавшій суровыя преслѣдованія правительства. Приняли мѣры къ сокращенію польскаго землевладѣнія и къ обрусѣнію края и польское дворянство въ этомъ краѣ лишено было почти всѣхъ дворянскихъ привилегій; власть и управленіе совсѣмъ ушли изъ ихъ рукъ. Господами положенія были „обрусители“, начиная отъ царедворцевъ, всѣхъ этихъ Шуваловыхъ, Воронцовыхъ, Горчаковыхъ, Казнаковыхъ, получившихъ богатѣйшія конфискованныя имѣнія, и кончая Терещенками, кулаками и русскими чиновниками, скупавшими земли польскихъ пановъ на льготныхъ условіяхъ. На первыхъ порахъ польскихъ пановъ и обрусителей раздѣляетъ непримиримая вражда. Но мало-по-малу беретъ верхъ сознаніе общности интересовъ. И поляки и паны—обрусители тамъ, гдѣ сходятся ихъ интересы по эксплуатаціи населенія и отстаиванія своихъ привилегій предъ правительствомъ, начинаютъ обнаруживать замѣчательную солидарность. Начинается въ 70-тыхъ годахъ общая работа. Устраиваются съѣзды и общества сельскихъ хозяевъ, сельскохозяйственныя выставки и земледѣльческіе синдикаты. Подъ вліяніемъ страха передъ соціализмомъ, съ одной стороны, и „неуваженіемъ къ собственности крестьянами“, съ другой,—прежніе заклятые враги торжественно протянули другъ другу руки. Въ рукахъ ненавистныхъ обрусителей были власть и судъ, обезпечивающіе господство пановъ. Паны поляки, скрѣпя сердце и затаивъ обиду, пошли рука объ руку.

---

*) Исторія этого господства изложена мною въ моей работѣ „Людська доля на панській землі на Украіні з перших часів“, „Рада“ за 1907 г., выходящей въ отдѣльномъ изданіи.

— Нужно укрѣпить въ сознаніи нашего крестьянина право собственности,—съ такою рѣчью выступалъ въ союзѣ помѣщиковъ, именующемъ себя обществомъ сельскихъ хозяевъ, одинъ профессоръ, кандитатъ въ помѣщики изъ проходимцевъ.—Нашъ народъ—дикарь по понятіямъ, ему чуждо пониманіе благодѣтельныхъ законовъ о собственности.

— Нашему хозяйству не хватаетъ того кнехта, который двигаетъ хозяйство у нѣмцевъ... — говорилъ въ своемъ докладѣ сіятельный графъ.—Нашъ мужикъ и лѣнивъ и гоняется за двумя зайцами... Нужно его освободить отъ тѣхъ клочковъ, которые и ему и намъ мѣшаютъ...

— Ему нужно предоставить свободу распоряженія своимъ надѣломъ...—продолжалъ тотъ же профессоръ.—Тогда болѣе сильное крестьянство превратится въ настоящихъ собственниковъ, а батраки—въ настоящихъ рабочихъ.

Послѣ долгаго суда надъ „хамами“ и заботъ объ освобожденіи ихъ отъ клочковъ блестящее общество упитанныхъ пановъ отправилось на обѣдъ, стоившій по 20 рублей каждому.

Вѣсти о походѣ Ольшанскихъ крестьянъ быстро разнеслись по Украйнѣ. Бѣдная впечатлѣніями жизнь деревни очень отзывчива на подобнаго рода вѣсти. Разсказывали, что крестьяне распахали всю землю, разгромили контору. Сонная мысль крестьянина впервые послѣ воли проснулась и онъ не безъ умысла посматривалъ на панскій дворъ. Когда, молъ, придетъ чередъ и до нашего... На поверхность всплывали всѣ обиды, перенесенныя когда-либо крестьяниномъ и вражда росла и росла. Варварская расправа съ крестьянами вражду эту, конечно, увеличила. Экзекуція—это „лекарство", загоняющее болѣзнь внутрь.

Съ волненіемъ и дрожью подходилъ Сергѣй межой къ Вороновкѣ, чтобы раздобыть свѣдѣнія объ Ольшанскихъ дѣлахъ. Было раннее утро, когда онъ вышелъ изъ лѣсу и подходилъ къ стоявшей невдалекѣ знакомой уже хатѣ Петра, въ которой онъ осенью узнавалъ жизнь людей. Солнце свѣтило и грѣло; весна вступила въ свои права. Слобода на нѣсколько верстъ протянулась по рѣчкѣ. Люди на поляхъ и въ огородахъ копошились; Сергѣй пристально всматривался, стараясь разгадать мысль крестьянина, только что пережившаго трагедію, разыгравшуюся въ близкомъ сосѣдствѣ. Лица эти были мрачны и спокойны. Они какъ-бы говорили: „зъ дужимъ не борысь, а зъ багатымъ не судысь... зъ панамы не заводьсь"... Отецъ Петра удивился приходу Сергѣя.

— А вы тутъ не боитесь ходыть? спросилъ онъ со страхомъ.

— А развѣ что? сказалъ Сергѣй.

— Тутъ за вамы такый трусъ, тайна полиція наихала; скризь шукають...—продолжалъ онъ,—и Петро мусивъ втикать въ Херсонщину... выявылось, що вы его научылы грамоты и зъ нымъ товарышувалы... и Ярему взялы въ острогъ и того, що бувъ волоснымъ пысаремъ, взялы въ острогъ и выслалы до Ялысовету... такого страху нагналы на всихъ, що хочь пидъ землю ховайсь!

Крестьянинъ замолчалъ. Видна была его безпомощность и страхъ предъ жестокимъ начальствомъ и неизвѣстностью.

— Тамъ бувъ страшный судъ...—продолжалъ онъ,—люди ледви зъ душами зостались... Но найбильше досталось сироти Прохорови. Его такъ побылы, що винъ и доси не може ни систы, ни лягты на спыну. Учора везлы его въ Кыивъ пидъ конвоемъ, такъ винъ лежавъ на жывоти, бо на спыни усе тило взялось струпомъ... — Онъ еще долго разсказывалъ о безчинствахъ драгунъ, забиравшихъ у крестьянъ пожитки.

Ужасомъ проникся Сергѣй отъ этого варварства. На что ужъ былъ спокоенъ отецъ Петра, видѣвшій при крѣпостномъ правѣ тѣ же ужасы, но и въ его передачѣ экзекуція выходила кровавой жестокой расправой. Сергѣй забылъ все на свѣтѣ, вниманіе его было приковано къ этимъ бѣдствіямъ дорогихъ ему людей. Первый разъ въ жизни у него явилась мысль о возмездіи. Теперь онъ готовъ идти съ оружіемъ въ рукахъ. Все существо его было проникнуто протестомъ. Онъ забылъ даже о грозившей ему лично опасности. Мысль его не работала.

Опечаленный и убитый горемъ Сергѣй отказался отъ предложеннаго ему скуднаго завтрака и сейчасъ удалился въ лѣсъ. Теперь онъ не дорожилъ свободой; ему даже противно было оставаться на волѣ тогда, какъ люди менѣе виновные несли кару. Но чувство справедливости требовало возмездія. Весь онъ былъ проникнутъ ненавистью къ эксплуататорамъ и тиранамъ, теперь онъ оправдалъ бы самыя крутыя мѣры борьбы. Только теперь онъ понялъ, почему его предшественники перешли къ убійствамъ. Сергѣй вспомнилъ слова Желябова, сказанныя на судѣ: „Если вы, гг. судьи, заглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною“...

Когда Сергѣй пришелъ въ Бѣлую-Церковь, чтобы расплатиться съ притѣснителями народа и собрать свѣдѣнія объ этомъ панскомъ гнѣздѣ, откуда расходились во всѣ стороны бѣдствія для людей, то онъ увидѣлъ грандіозное торжество. „Машина первая и самая вѣрная помошница хозяину при эксплуатаціи рабочаго“.—Это положеніе наши помѣщики не могли не понимать. Съ другой стороны они прекрасно понимали силу сплоченія. Подъ флагомъ „конкурса земледѣльческихъ машинъ“ они устроили съѣздъ со всего края. Уже за два дня до начала конкурса начался съѣздъ. Шестерки и четверки, пары, кареты, фаэтоны наполнили мѣстечко. Съ панами и за панами тянулись цѣлыя своры пидпанкивъ и прихвостней—управляющихъ, лакеевъ, факторовъ. Все это было сытое и пресыщенное, живущее чужимъ трудомъ человѣчество. На конкурсъ былъ приглашенъ и мѣстный губернаторъ, примѣрно усмирившій Ольшанскихъ крестьянъ.

Былъ ясный лѣтній день. Около полудня потянулись ко двору Браницкаго блестящія кареты и фаэтоны съ лакеями и форрейторами въ ливреяхъ. Все это было полно блеска, пышности и чванства. Изъ своихъ фаэтоновъ на всѣхъ остальныхъ людей эти вельможные люди взирали, какъ на пигмеевъ и низшую породу. На это зрѣлище сошлось много праздныхъ зѣвакъ, особенно мелкой шляхты, которая выкрикивала даже фамиліи магнатовъ.

— Ѣдетъ губернаторъ и самъ графъ...—пронеслось въ толпѣ, которая подобострастно кланялась. Пронеслись на четверткѣ вороныхъ въ блестящемъ графскомъ фаэтонѣ два невзрачныхъ человѣка. О нихъ нельзя было и подумать, что это тѣ, которые были виновниками расправы... Сергѣй, наблюдавшій это великолѣпное зрѣлище, подумалъ: стоитъ ли ихъ убивать?.. И въ эту минуту онъ вспомнилъ своего директора. Такой же бездушный формалистъ, живущій циркулярами изъ столицы. Его онъ зналъ хорошо, зналъ всю ничтожность содержанія жизни этого человѣка и не сталъ бы, конечно, убивать, хотя бы онъ сдѣлалъ самую большую подлость...—Нѣтъ...—проговорилъ послѣ долгаго раздумья Сергѣй,—нужно искать другихъ, болѣе человѣчныхъ и культурныхъ средствъ борьбы... Теперь ему было какъ бы стыдно своей мысли о расплатѣ съ тиранами и припасенный для этой расплаты револьверъ, находившійся у него въ боковомъ карманѣ, какъ бы жегъ его тѣло. Мысль о составленіи прокламаціи къ народу по поводу этой расправы съ крестьянами явилась у него вдругъ и вытѣснила всѣ остальныя.—Въ нее я вложу всю силу мысли...—подумалъ онъ,—и всю жизнь готовъ положить за ея распространеніе. Въ то время, когда Сергѣй возвращался въ свою комнатку въ домѣ еврея бѣдняка, въ царскихъ апартаментахъ графскаго дворца происходило торжественное собраніе пановъ и ихъ прихвостней. Одинъ патентованный агрономъ съ академическимъ значкомъ держалъ рѣчь о самыхъ задушевныхъ желаніяхъ пановъ избавиться съ помощью машины отъ необходимости прибѣгать къ человѣческому труду. Эти „культурные хозяева“ захватили въ свои руки $^3/_5$ всей земли въ краѣ, а шести милліонамъ крестьянъ—по ихъ терминологіи хлоповъ — принадлежало только 2/5 и теперь они хотятъ отгородиться китайскою стѣною отъ этихъ „варваровъ“, чтобы не быть въ зависимости отъ нихъ...

Послѣ засѣданія блестящее общество послѣдовало на плацъ къ машинамъ, а губернаторъ и маститый хозяинъ, избранные почетными членами союза сельскихъ хозяевъ, остались въ паркѣ. Сидя въ роскошной бесѣдкѣ, къ которой была прикрѣплена мраморная доска съ золотыми словами: „здѣсь отдыхали въ Бозѣ почившіе Императоры Александръ Благословенный, Николай I и Александръ II“, хозяинъ благодарилъ властнаго гостя за усмиреніе крестьянъ. Графъ не умѣлъ говорить по-русски и говорилъ по-французски.

— Слѣдствіе показало,—отвѣчалъ губернаторъ,—что всему виною обманщики-соціалисты...

— Я такъ и зналъ, что мои крестьяне, которые живутъ у меня такъ богато и сыто, не стали бы сами выдумывать бунтовъ, — продолжалъ графъ.

— Будьте покойны, ваше сіятельство,—заявилъ губернаторъ, — больше этихъ бунтовъ не будетъ: правительство приняло крутыя мѣры къ очищенію страны отъ этихъ негодяевъ... нужно только, чтобы ему пришло на помощь въ этомъ дѣлѣ общество. Хозяева, ихъ служащіе, духовенство могли бы оказать намъ существенную услугу...

— Будьте покойны, мои служащіе въ этомъ отношеніи являются вѣрными вашими слугами... — заключилъ графъ и оба они встали и пошли осматривать достопримѣчательности парка, на благоустройство котораго затрачены сотни тысячъ народныхъ денегъ. Черезъ часъ испытаніе орудій было окончено и всѣ гости явились на обѣдъ во дворецъ. Огромные столы едва выдерживали яства и питія, грудами разставленныя на нихъ. Однѣхъ индюшекъ зарѣзано для этого банкета болѣе ста штукъ, столько же гусей и куръ, десятокъ телятъ положили головы подъ ножъ. Здѣсь было разставлено закусокъ мѣстныхъ и заморскихъ столько, что хватило-бы на тысячи людей. Водокъ, наливокъ и винъ стояло болѣе чѣмъ на десять тысячъ рублей. Этотъ обѣдъ стоилъ въ десять разъ больше, чѣмъ тѣ сто десятинъ, которыхъ добивались ольшанскіе крестьяне. Это былъ пиръ на подобіе тѣхъ, какіе давались римскими царями наканунѣ своего издыханія. Каждый панъ съѣдалъ и выпивалъ за десятерыхъ. Панство — культъ желудка и вообще утробы. Многіе изъ нихъ объѣдались и напивались до такой степени, что безъ посторонней помощи не могли добраться до фаэтона. И выѣздъ со двора этого панства былъ далеко не блестящимъ.

На другой день былъ такой же блестящій балъ у главноуправляющаго—тоже сіятельнаго графа, обладавшаго на Волыни десятками селъ. Содержаніе этого полубога стоило здѣсь больше, чѣмъ стоитъ содержаніе главы французскаго народа. Жилъ онъ тоже во дворцѣ и данный имъ балъ стоилъ не меньше десяти тысячъ рублей. Какимъ образомъ панскіе желудки могли уничтожить всю эту массу яствъ—можно объяснять только чудомъ. За балами слѣдовала карточная игра. Одинъ графъ, владѣлецъ латифундій на Волыни, проигралъ здѣсь ни больше ни меньше, какъ полтора милліона.

На третій день балъ былъ у управляющаго. И когда всѣ балы по рангамъ окончились, гости давали отвѣтные балы въ гостинницѣ, гдѣ прислуживали особы прекраснаго пола, игравшія вообще въ эту недѣлю панскаго веселья не послѣднюю роль.

Въ этихъ торжествахъ крестьянство тоже не было забыто. На одномъ изъ торжественныхъ собраній графъ Браницкій показалъ примѣръ великодушія, пожертвовавъ для раздачи крестьянамъ десять плуговъ! А ихъ было еще сто лѣтъ назадъ болѣе 100,000 душъ. Пожертвованіе это было встрѣчено громомъ рукоплесканій и вызвало подражаніе—одинъ фабрикантъ плуговъ пожертвовалъ четыре и другой одинъ плугъ, а милліонный складъ машинъ отдалъ товариществу крестьянъ молотилку съ тѣмъ, чтобы они пользовались ею сообща. Эти объѣдки отъ панскаго стола достались тѣмъ приближеннымъ, которые цѣловали панскія руки.

Недѣля панскаго торжества была также недѣлею торжества для всѣхъ пидпанкивъ и всего штата дворни. И на долю торговаго и торгашескаго міра кое-что перепало изъ панскаго кошелька, который подъ вліяніемъ винныхъ паровъ свободнѣе открывался.

Сергѣй не досидѣлъ до окончанія всѣхъ этихъ пиршествъ и оргій, онъ плюнулъ и ушелъ. Ему въ концѣ концовъ показалось, что онъ живетъ не въ концѣ XIX вѣка, а въ средніе вѣка. Уничтожить всю эту неправду... всю жизнь положить на борьбу съ нею... таково было его рѣшеніе и онъ отправился въ Кіевъ. —Вотъ куда уходятъ тѣ богатства, которыя народъ создаетъ своимъ трудомъ!—проговорилъ онъ, увидѣвъ по выходѣ изъ мѣстечка толпы рабочихъ, работавшихъ на панскихъ поляхъ. Работали они подъ присмотромъ грубыхъ приказчиковъ и погонщиковъ, вооруженныхъ палками, а то и нагайками. Вся жизнь этихъ людей проходила въ атмосферѣ грязи, голода, побоевъ и распутства.

Тамъ въ дворцахъ люди отъ излишества, а здѣсь отъ нужды обращаются въ скотоподобное состояніе...—подумалъ Сергѣй. Здѣсь люди находились въ постоянномъ общеніи со скотомъ и это общеніе какъ бы гасило въ ихъ душахъ все то, что было въ нихъ человѣческаго. Составляя часть природы, не переработанной культурой, эти батраки были нечувствительны ко всему, кромѣ животныхъ ощущеній. Слишкомъ малыя требованія жизни пробудили въ нихъ слабыя побѣги мысли. Какъ далеко отъ всего этого строй жизни, основанный на началахъ братства и справедливости...

Въ Полтавщинѣ. Громадскія дѣла.

Мысли, которыя раньше смутно бродили у населенія, пробудились. Исторія съ Сергѣемъ стала извѣстна далеко за предѣлами Тарасовки. А ничто такъ не пробуждаетъ деревню, какъ живой примѣръ. Надежды, возлагавшіяся на коронацію, не оправдались и душа народа наполнилась негодованіемъ. Интересъ къ наукѣ, къ книгѣ у молодежи сильно возросъ. Въ Тарасовкѣ возникло двухклассное образцовое училище. Марьяна послѣдовала совѣту Сергѣя и заняла здѣсь мѣсто учительницы. Съ наступленіемъ осени она вся ушла въ работу. Школа, вечерніе классы для взрослыхъ и безплатная библіотека заполняютъ у нея все время. Изъ пріюта Войниловича она ушла совсѣмъ. Всѣ эти Войниловичи и графы послѣ „исторіи“ стали обходительнѣе съ крестьянами, а батюшка своимъ доносомъ обрекъ себя на презрѣніе. Впрочемъ, на счетъ штунды онъ взялъ верхъ и даже населеніе убѣдилъ въ ея „богопротивности". Богомъ тутъ былъ прикрытъ доносъ.

Въ одинъ изъ ненастныхъ февральскихъ дней Марьяна по обыкновенію пришла въ школу раньше другихъ учителей и обнаружила недочетъ въ своей паствѣ.

— А де Степанъ? а де Гапка?—спрашивала она дѣтвору.

— Воны штунды... ихъ гонять зъ села...—отвѣчали дѣти.

Марьяна идетъ къ нимъ и застаетъ урядника, который съ отрядомъ десятскихъ забиралъ къ расправѣ отцовъ семействъ.

— За що?—кричали жены въ ужасѣ.—Що мы кому заподіялы?.. Яке кому дило, якъ мы вируемъ?.. Дѣти,—а ихъ было немало въ каждой семьѣ—подняли страшный крикъ при видѣ своихъ „батькивъ", окруженныхъ стражею. Но эти крики и мольбы были напрасны. Приказъ о выселеніи штундистовъ пришелъ изъ Петербурга. Покорно и угрюмо двигались штундисты въ расправу, а потомъ подъ конвоемъ въ губернскій городъ. Дождь моросилъ, грязь была по колѣни—все это не помѣшало выселенію. Жены въ рваныхъ свиткахъ шли за мужьями и ломали руки въ безпомощности. Хто жъ намъ буде робыть на дитей?.. долго еще они голосили и причитывали.

Переселеніе волновало всю зиму Тарасовку; отъ нея заразились и сосѣднія села и оно было самымъ злободневнымъ вопросомъ. Знатокъ земель Херсонщины Гераська нашелъ подходящій участокъ въ 500 десятинъ въ открытой степи близь Елисаветграда. Цѣна была подходящая: по 80 рублей на десятину давалъ крестьянскій банкъ, а по 20 нужно было доплачивать крестьянамъ.

Почти вся Тарасовка поднялась въ переселеніе. Исключеніе представляли только богатѣи, которые имѣли въ виду поживиться при распродажѣ грунтовъ, да голота, у которой ничего не было.

Долго рѣшали крестьяне, кому идти въ переселеніе. Много было выпито могарычей. Гераська попеременно угощали до тѣхъ поръ, пока онъ очутился въ такой блокадѣ, что долженъ былъ глухою ночью въ стужу убѣжать въ сосѣднее село.

Споры въ росправѣ были безконечны. Они такъ или иначе доходили до училища.

— Дывысь... дывысь вже бьюцця!..—оторвавшись отъ тетрадки, повѣдалъ малышъ.

Марьяна посмотрѣла въ окно и увидѣла тамъ цѣлую свалку. Претенденты на переселеніе рѣшили покончить споръ кулачнымъ правомъ. Какъ при свалкѣ собакъ летитъ вверхъ шерсть такъ здѣсь летѣли куски одежды, бороды, волосъ. Люди похожи были на скотовъ.

Выбѣжали учителя, ученики, дѣти подняли крикъ, узнавъ въ дерущихся своихъ отцовъ.

— За вищо це вы завелись, прокляти?..—кричалъ Гераськo, розысканный и приведенный сюда.

— Ты насъ заколотывъ...—отвѣчали тѣ, которые утратили надежду попасть въ списокъ.

„Десять десятинъ на хозяина“ производили прямо таки магическое дѣйствіе.

— Треба мать на доплату 200 карбованцивъ...—заявлялъ Гераськo, когда драка прекратилась,—фактора по двадцять, на расходы по двадцять и на хату и переиздъ хочъ сотню...

— То це тилько багачамъ, а не намъ...—завопили бѣднѣйшіе и наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, и порція была понижена до пяти десятинъ. На такую порцію желающихъ было меньше; „списокъ“ наконецъ-то былъ составленъ и Гераськo поѣхалъ „кончать дѣло“.

Благопристойно и чинно было собраніе первенствующаго сословія—дворянскаго. Много титулованныхъ и сіятельныхъ дворянъ прибыло на это собраніе изъ столицы, гдѣ они находились у самого очага власти. Шитые золотомъ мундиры, ордена, звѣзды поражали глазъ своимъ блескомъ. Только смотрѣть на нихъ то было некому. „Засѣданіе имѣетъ быть закрытымъ“,—гласила записка, вывѣшенная у дверей.

— Мерзавцы... грабители... произнесъ про себя корреспондентъ газеты, котораго выпроводилъ швейцаръ въ дорогой ливреѣ. —Знаемъ мы и о чемъ будутъ совѣтоваться!.. на счетъ грабежа народа!..

— Настала новая эра,—держалъ рѣчь дѣйствительный тайный совѣтникъ, стоявшій у самаго трона,—съ высоты престола мы услышали слово надежды... Нужно только проявить благоразуміе. Программа продумана лучшими дворянскими умами. Прежде всего, конечно, укрѣпленіе правъ собственности. Это мы можемъ достигнуть только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будетъ власть надъ мужикомъ—власть близкая и крѣпкая. Проектъ такой власти уже выработанъ... Это будутъ земскіе начальники, мѣстные дворяне съ большою властью надъ крестьянами. Другая важная статья —дешевый кредитъ. Придуманъ дворянскій банкъ, который будетъ имѣть возможность выдавать ссуды подъ залогъ земель изъ четырехъ процентовъ съ погашеніемъ... Будутъ выпущены выигрышные листы, которые пойдутъ по 250 рублей вмѣсто сотни и весь излишекъ достанется дворянскому сословію... „Простонародье падко до всякихъ выигрышей... на этомъ дѣлѣ можно получить по меньшей мѣрѣ сто милліоновъ"... подумалъ уже про себя этотъ сановникъ.

— Изъ земства будетъ вытѣснено невѣжественное крестьянство и дворянство займетъ въ немъ подобающее ему мѣсто...— заключилъ докладчикъ.

— Переселеніе грозитъ отнять у насъ рабочія руки и оставить наши земли необработанными...—завопилъ Войниловичъ.

— Да, это вѣрно... у мужика проснулись бродяжническіе инстинкты... Нужно ихъ сдержать...

Но сановникъ только рукой махнулъ. Уже, молъ, изъ Питера пошелъ циркуляръ губернаторамъ пресѣчь и не допустить.

— Розга—спасительная розга—безъ нея нашъ народъ развратился... — раздались шумные голоса крѣпостниковъ, сохранившихся въ деревняхъ во всей своей неприкосновенности.

— О розгѣ... неудобно подымать открыто вопросъ, — заявили сановники,—подхватятъ газетные брехунцы и эти лжецы либералы и будутъ кричать на весь свѣтъ: варварство, палачи... Когда будутъ земскіе начальники—достаточно будетъ послать имъ секретный циркуляръ.

Стоя, какъ школьники, руки по швамъ, дворяне въ заключеніе выслушали всеподданнѣйшій адресъ и постановили занести на мраморную доску царскія слова старшинамъ при коронаціи: „Слушайтесь своихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ о передѣлѣ земли, распускаемымъ нашими врагами. Всякая же собственность, какъ и ваша, должна быть неприкосновенна".

— Эти золотыя слова нужно всюду по волостямъ расклеить... раздались голоса.

— Уже это сдѣлано... заявилъ кто-то изъ крестьянскихъ начальниковъ.

Послѣ этого дворяне сытно обѣдали и пили за близкое наступленіе эры дворянскаго благополучія.

Ликвидація Ольшанскаго „бунта" соціалистами.

Юноша изъ Ольшаны ходилъ на поденную работу въ садовое заведеніе и не зналъ, что дальше дѣлать въ Кіевѣ, гдѣ онъ могъ скоро очутиться въ рукахъ жандармовъ. Послѣдній провалъ на всѣхъ нагналъ такого страху, что юношѣ трудно было завязать какія-либо связи съ уцѣлѣвшими соціалистами. Къ Криницкому онъ тоже боялся часто заходить. Предательства членовъ изъ рабочаго класса, переходившихъ нерѣдко на сторону жандармовъ или выдававшихъ товарищей по неопытности, заставили быть очень осторожными при пріемѣ новыхъ членовъ. Юноша затосковалъ, городъ на него дѣйствовалъ удручающе. Но въ это самое время появился Сергѣй, принесшій печальныя вѣсти. Юноша перекочевывалъ изъ питомника въ питомникъ и Сергѣй едва нашелъ его. Здѣсь вдали отъ зоркаго недреманнаго ока жандармовъ и шума городского, друзья толковали о ликвидаціи.

Работа давно закончена, рабочіе ушли. Только юноша, ночевавшій въ питомникѣ, сидѣлъ со своимъ пріятелемъ въ чащѣ роскошныхъ плодовыхъ деревьевъ.—Будь другіе порядки на Руси..·подумалъ Сергѣй — и мы бы вмѣсто бѣдствій и скитальчества насаждали культуру земли, ибо нашъ народъ ничего не знаетъ...

— Знаете, безъ васъ я оказался никуда негоднымъ... гдѣ и мысли подѣвались, только и думалъ, чтобъ не умереть отъ голода... При видѣ человѣка, открывшаго ему другой міръ, глаза юноши блестѣли и самъ онъ какъ-бы ожилъ. Но сразу же лицо его сдѣлалось печальнымъ, когда услышалъ онъ о расправѣ губернатора.

— Оставить это звѣрство безъ протеста...—заключилъ Сергѣй,—не позволитъ намъ наша совѣсть. Все это я рѣшилъ описать и напечатать и разнести по всей Украйнѣ... На васъ тоже разсчитываю... пойдемъ служить народу... пойдемъ будить его.

— Пойдемъ!..—безъ всякаго раздумыванья проговорилъ юноша. Послужить своей родной Ольшенѣ въ данную пору—это былъ высшій долгъ его.

— Только проработаю до субботы, чтобы получить плату...—добавилъ юноша. А то сижу сейчасъ безъ копѣйки.

— До субботы я еще буду налаживать печатаніе...

— Говорятъ, типографія захвачена...—сказалъ юноша.

— Захвачена, но я на летучемъ станкѣ... бумажка-то наша небольшая...—при этомъ Сергѣй развернулъ небольшой листикъ тоненькой бумаги, которую можно было бы и проглотить, и подѣлился съ юношей содержаніемъ ея. Это содержаніе онъ уже двѣ недѣли выносилъ въ своей груди и зналъ его наизусть.

— Хорошо написано...—проговорилъ юноша, — только народъ то нашъ не привыкъ къ печатному... найдетъ и понесетъ къ батюшкѣ, а тотъ къ пану и жандармамъ... и станутъ его тягать по тюрьмамъ.

— По расправамъ нужно будетъ разослать и собрать свѣдѣнія о толковыхъ крестьянахъ и имъ послать...—сказалъ Сергѣй. Изъ сотни брошенныхъ сѣмянъ пусть хоть одно попадетъ на благодарную почву. Въ этомъ отношеніи Ярема — живой свидѣтель... Тоже въ тюрьмѣ вѣдь, бѣдняга...—добавилъ Сергѣй.

— Заронить первую мысль—дѣло важное...—сказалъ юноша, весь ушедшій въ предстоящую работу.—Только, какъ ни посылай, а проклятой волости не миновать: тамъ можетъ застрянуть... Служилъ я въ волости и знаю тамошніе порядки: все распечатываютъ помощники. Дѣлать нечего, жизнь пуста, давай распечатывать чужія письма...

— Напечатаемъ много экземпляровъ и прямо по дорогамъ будемъ разбрасывать,—сказалъ Сергѣй.

— Я думаю двинуться по ярмаркамъ... При этомъ юноша напрягалъ свою мысль на то, какъ бы наилучше устроить это дѣло. Изъ-за него онъ теперь забылъ весь міръ.—Главное, чтобъ печать была приложена...—добавилъ юноша, вспоминая разсказъ Яремы. Юноша забылъ усталость. Онъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ приступилъ въ субботу вечеромъ къ печатанію. Хозяева квартиры были на дачѣ. Огромный домъ былъ пустъ, ставни закрыты, въ печкѣ на всякій случай горѣли дрова и возлѣ нихъ варился ужинъ. Ватерклозетъ былъ тоже открытъ. Все было предусмотрѣно на случай провала. Жандармамъ пришлось бы взломать трое дверей прежде, чѣмъ добраться до печатниковъ. Техника печатанія Сергѣю была извѣстна еще съ училища. Тамъ они устраивали дѣла съ Вербицкимъ. Только юноша былъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ. И онъ приступилъ къ нему, какъ къ священнодѣйствію. При видѣ крохотнаго печатнаго станка—этой животворящей силы—онъ едва удержался отъ слезъ. На печатное слово онъ до сихъ поръ смотрѣлъ, какъ на божественное откровеніе и вдругъ онъ очутился у самаго источника. И юноша готовъ былъ работать до утра, не покладая рукъ. Молчаливъ былъ и серьезенъ Сергѣй. Надъ всѣмъ этимъ предпріятіемъ какъ-бы viталъ образъ юноши Розовскаго, казненнаго въ этомъ же городѣ за одну передачу прокламацій. Не замѣшайся въ это дѣло важныхъ кровныхъ интересовъ народа онъ не сталъ бы рисковать жизнью. Сознаніе правоты наполняло души этихъ юношей и они цѣликомъ приносили себя въ жертву.

Появленіе перваго экземпляра встрѣчено юношами съ такою радостью, съ какою встрѣчаетъ женщина - мать первенца. Юноша изъ Ольшаны смотрѣлъ на него, какъ на чудо. — Уже давно городъ спалъ, уже на востокѣ занималась заря, когда юноши окончили работу и пустились въ путь.

Спустя двѣ недѣли въ одинъ и тотъ же день на могилу Шевченка возлѣ Канева съ двухъ противоположныхъ сторонъ пришли два человѣка, страшно усталые и измученные. По ихъ загорѣлымъ лицамъ, по болѣзненному виду можно было предполагать, что они перенесли тяжкую болѣзнь. Въ этихъ путникахъ можно было признать Сергѣя и юношу изъ Ольшаны, условившихся сойтись въ этомъ мѣстѣ, по выполненіи взятой на себя работы.

— Здѣсь въ саду оставлю послѣднюю... и буду уже спать—четырнадцать ночей провелъ вѣдь почти безъ сна, а разъ едва ушелъ отъ крючковъ... съ этими словами юноша встрѣтилъ Сергѣя.—У меня тоже было всего... Сергѣй махнулъ рукой и не безъ печали продолжалъ: Темнота народа и его забитость тушитъ всѣ наши дѣла и искры свѣта.

Ночь была лунная. Днѣпръ видѣнъ былъ на далекое пространство. Юноши, забывъ усталость, забывъ пережитое и опасность, сидѣли на холмѣ подъ крестомъ, вели братскій разговоръ о тѣхъ же проклятыхъ вопросахъ и были счастливы, какъ могутъ быть счастливы люди, исполнившіе тяжелый долгъ.

„Идеальный батюшка".

— Ще мало клопоту, чертъ попа пидтаскавъ... — говорилъ про себя старшина, поспѣшая раннимъ утромъ въ село Роги, гдѣ былъ собранъ сельскій сходъ къ пріѣзду начальства. Это начальство у него сидѣло въ печинкахъ. — Тилько що высыдивъ симъ днивъ на самимъ хлиби и води за подушне, а теперь мабудь доведеться за попа сыдить... Прокляте гемонське колло!.. и старшина уже рисовалъ себѣ новую высидку при тюрьмѣ въ самой зловонной камерѣ, предназначенной спеціально для старшинъ.

— Гирше якъ для душогубцивъ,—продолжалъ онъ,—ничого сказать велыка честь буть старшиною—хозяиномъ волости—при оттакыхъ бузувирахъ, якъ наши мирови та справныкы, чысти людоиды... Колыбъ добуть якъ небудь трехъ литъ и калачемъ не заманышъ... При этихъ словахъ мысль его перенеслась на тотъ лужокъ, который получалъ онъ отъ графской конторы въ воздаяніе за „услуги", который тутъ же живописно разстилался, и ему стало жаль разставаться съ службою.

Миновавъ этотъ самый лужокъ, старшина весь погрузился мыслью въ исторію, разыгравшуюся въ Рогахъ.—Два рокы люде тягаються, десять жалобъ подалы, ходылы до самого владыки и ничогисенько не добылысь...—проговорилъ старшина,—а ти грошей багато мають и дружка за дружку тягнуть руку не такъ, якъ нашъ братъ. И довелы людей до такои осуруги. Проѣзжая мимо церкви, старшина набожно перекрестился и проговорилъ: Прокляти, навить церкву зробылы мистомъ лайкы... Возлѣ расправы, той самой расправы, куда попала прокламація, было видимо-невидимо народа. Сегодня долженъ быть рѣшенъ споръ, волновавшій все село два года. Пришли сюда „имѣющіе право участвовать на сходѣ“—шли и не имѣющіе таковаго права.

— Старшина! старшина!.. пронеслось въ толпѣ и она сразу затихла.

— Добрыдень, люде добри! — здоровался старшина. Люди, снявши шапки, отвѣчали ему.—Не гараздъ робыты...—продолжалъ онъ,—отвѣчать будете—за попа вамъ не подарують... Це не нашъ братъ: полы врижъ та тикай, а вы самы лихо наклыкаете.

— Не можемъ дали терпить, пане старшыно, „гомонилы“ люди. Старшина „почоломкавсь“ съ двумя-тремя богатѣями, выдвинувшимися впередъ, инадѣвши свой „мындаль“, сталъ освѣдомляться у старосты, полный ли сходъ?—Тутъ було-бъ два схода, а не одынъ: бачыте, скильки ихъ!..—былъ отвѣтъ.

— Хто запиравъ церкву? спрашивалъ старшина,—и де ключи отъ ней?..

— Уси мы заперлы, уся громада!..—раздались голоса.—Дали терпить не можемо, доволи терпилы симь литъ—було гиршъ, якъ въ неволи. Перше були паны... воны держалы въ рукахъ нашого брата, а теперь попы... не диждуть... доволи знощалысь, пора и честь знать.

— Здырство и торгы въ церкви завивъ...—говорилъ одинъ изъ тѣхъ уполномоченныхъ, которые ходили къ архіерею,—прямо панщину завивъ... За сповидь квытокъ беры и платы и ще день иды молотыть.. Наши гроши церковни куды хоче—туда и бере; поставыли мы попечытеливъ, такъ винъ прямо въ церкви каже: печиця, сукыны сыны...

— Не дамо ключивъ, нехай намъ дають другого попа...—крикнула громада.

Доносившійся колокольчикъ сразу прекратилъ „гоминъ“. Старшина поправилъ свой „мындаль“ и приготовился встрѣчать начальство. Люди обнажили головы и покорно ждали.

Двѣ тройки подкатили. Тутъ былъ исправникъ, мировой посредникъ, столь грозный для старшины, жандармскій ротмистръ и становой.

— Снова бунтовать вздумали!.. сказалъ строго исправникъ.— Подать сюда Ярему Журбу...

— Яремы давно немае въ сели... отвѣчалъ староста;— на заробиткахъ.

— Втикъ, значитъ...—продолжалъ исправникъ. Люди молчали, боялись заступиться.

— Выдайте зачинщиковъ, у которыхъ ключи! грозно прикрикнулъ мировой.

— Мы всѣ... мы всѣ...—кричала громада. — Жалобу нашу розберить...

— Жалобу подавайте духовному начальству,—сказалъ исправникъ.—Мы только за порядкомъ смотримъ.

— Та якый же це порядокъ, колы въ нашій церкви гиршъ, якъ въ шынку, насъ мають?

— Жалуйтесь, а церковь отпирайте... а то солдатъ пришлю васъ грабить... Пишите протоколъ по такой-то статьѣ...—повелительно сказалъ исправникъ, обращаясь къ становому.—Подъ судъ отдадимъ всѣхъ.

— Якъ для насъ, то швыдко обшукалы статю, а для попа, що винъ знущаеця надъ цилою громадою, то нема статьи... проговорилъ кто-то въ толпѣ. Въ это время произошло нѣчто невѣроятное. Посредникъ бросился въ толпу, чтобы схватить говорившаго, съ такою стремительностью, какъ кошка на мышь.Онъ не предвидѣлъ того, что толпа грудью можетъ защитить этого „зачинщика". Въ толпѣ произошла потасовка. Посредникъ получилъ ударъ отъ кого-то въ лицо. Онъ самъ, собственно, ударился. Жандармъ и исправникъ не знали, какъ выручить не въ мѣру поусердствовавшаго товарища,оффиціальнаго представителя крестьянскихъ интересовъ.

— 317 человѣкъ,—произнесъ приставъ, какъ-бы выручившій этимъ изъ замѣшательства начальство.

— Всѣ подъ судъ!—еще разъ сказалъ исправникъ,—а сотскій и всѣ десятскіе на семь дней подъ арестъ... Посредникъ, уже совсѣмъ оправившійся, вспомнилъ старшину и свою паству вообще и проговорилъ: старшина, староста, сборщикъ податей, смотритель магазина и писарь всѣ на семь дней подъ арестъ.

— За вищо жъ, ваше благородіе, мене, сборщика?.. мое жъ дило глядить казну и ни въ якыхъ бунтахъ не участвовать?..

Этихъ словъ уже никто не слушалъ. Начальство поѣхало на обѣдъ къ помѣщику.

— Ярема, это онъ заварилъ кашу... безъ него люди не посмѣли бы...—говорилъ панъ,—за нимъ вторилъ попъ, имѣвшій давно на него зубъ.

— Завтра пріѣдутъ драгуны и отопрутъ вамъ церковь...—сказалъ исправникъ.

— Отецъ Василій уступитъ... — сказалъ уже за обѣдомъ панъ,—солдатъ не присылайте, а вотъ Ярему уберите отъ насъ.

— Изъ подъ земли добыть и завтра же доставить его ко мнѣ...—таковъ былъ приказъ исправника становому.

При лунѣ изъ Роговъ выѣхало двѣ брички; въ одной изъ нихъ сидѣлъ становой, направлявшійся по дорогѣ въ Ольшанскій заводъ, а въ другой—отецъ Василій ѣхалъ на станцію, направляясь въ Кіевъ. Въ боковомъ карманѣ у него лежало прошеніе о переводѣ въ другой приходъ и двѣ катеринки.

Въ пору молотьбы въ Рогахъ происходилъ судъ надъ крестьянами. Наѣхали тройки съ судьями, а на трехъ подводахъ сидѣли присяжные изъ крестьянъ и мѣщанъ. Не нашлось ни одной хаты, которая могла бы вмѣстить 317 душъ. Пришлось открыть судъ, какъ въ старину, на площади.

— У насъ у всихъ одне согласіе, — говорили обвиняемые предъ судомъ.

— Уполномочьте кого нибудь отвѣчать за васъ...—предложилъ предсѣдатель.

И Грынько Сирый, той самый, на котораго набросился мировой, выступилъ. Мы заперлы церкву, — сказалъ онъ,—бо винъ похвалялся владить нами и писля смерты, бо въ ихъ така установа, що батько передае парафію сынови. Ни якого суда ниде не найшлы и мусилы заперты... Може мы и вынни передъ закономъ и судомъ, тильки жъ совисть наша чыста предъ Господомъ Богомъ.

Во время рѣчи прокурора, требовавшаго примѣрнаго наказанія въ виду того, что преступленіе имѣло мѣсто въ храмѣ, громада подняла крикъ и страшный плачъ, поддержанный тысячью сошедшихся на площадь бабъ и дѣтей. Съ трудомъ былъ возстановленъ порядокъ. И слова присяжныхъ „невиновны“ были встрѣчены съ такою радостью, какой еще не знали Роги. Лишь только мировой, исправникъ и становой, державшіе себя на судѣ тише воды, ниже травы, находили судъ несправедливымъ *). Отецъ Василій на судъ не явился, приславъ фальшивое докторское свидѣтельство о болѣзни.

— Брехнею весь свитъ пройдешь, та назадъ не вернешься,— говорили по этому поводу крестьяне.

Изгнанники и среди нихъ предатель.

Высокій, стройный, какъ кровь съ молокомъ, полицiймейстеръ, принявъ Ярему отъ солдатиковъ, сказалъ:—теперь ты свободенъ; можешь жить гдѣ угодно, кромѣ Кіевской губерніи.

Ярема, просидѣвшій въ тюрьмахъ три мѣсяца, на первыхъ порахъ такъ обрадовался, что даже не подумалъ, чѣмъ жить дальше.

---

*) Въ скорости судъ присяжныхъ для такихъ дѣлъ былъ отмѣненъ.

Уходя чрезъ нѣсколько комнатъ, онъ, къ удивленію своему, увидѣлъ здѣсь Панасенка, того самаго, который былъ писаремъ въ Ольшанѣ. Одѣтъ онъ былъ настоящимъ паномъ — въ чистый сюртукъ и въ глаженую рубаху. Подойдя къ Яремѣ, который хотѣлъ поскорѣе выбраться на волю, онъ поздоровался. Ярема подозрительно посмотрѣлъ на писаря.

— И меня выслали, какъ и тебя...—сказалъ онъ почти шепотомъ и вышелъ съ нимъ.

— Вы не знаете какой-нибудь работы? спросилъ Ярема.

— А въ полиціи не служилъ бы?—спросилъ Панасенко.

— Ни, въ полыцію я не можу...—отвѣтилъ Ярема.

— Ну такъ я поищу,—сказалъ Панасенко,—заходи завтра.

Потолкался въ городѣ Ярема день, проѣлъ четвертакъ, который у него былъ, и собирался уже махнуть на Роги, которые ему ночью, когда онъ валялся подъ рундукомъ, представились въ видѣ прекраснаго миража. Тѣмъ временемъ работы не нашлось, денегъ на дорогу не было. Къ помощи Панасенка Яремѣ почему-то не хотѣлось прибѣгать. Даже въ головѣ простого человѣка гоненіе жандармами и служба въ полиціи казались несовмѣстимыми. Самъ онъ не способенъ былъ ни на какіе компромиссы. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, Ярема не думалъ: мысль его была сосредоточена на поискахъ работы. Проходя мимо полиціи онъ встрѣтилъ Панасенка, который какъ-бы искалъ своего земляка.

— Ты голоденъ? спросилъ онъ.

— Работы не нашелъ,—отвѣчалъ Ярема.

— Идемъ, землякъ, пообѣдаемъ, знайдешь работу я пообѣдаю на твой счетъ.

Яремѣ опять таки не хотѣлось идти, но голодъ оказалъ рѣшающее дѣйствіе. И земляки черезъ часъ обѣдали въ столовой. — О! это не тюремный борщъ... подумалъ Ярема. Когда Панасенко платилъ за Ярему 30 копѣекъ, тотъ пожалѣлъ о томъ, почему онъ не попросилъ у него вмѣсто обѣда этихъ денегъ. Съ ними онъ былъ бы въ Рогахъ за сотню верстъ.

— Ну теперь идемъ къ нашимъ благодѣтелямъ...—сказалъ Панасенко.—Тутъ есть товарищъ того паныча, что работалъ въ заводѣ —„Смѣлянецъ“. Одно слово о Сергѣѣ заставило Ярему забыть всѣ мысли и онъ направился къ Павлу въ „Сѣверные номера“.

— Ты только смотри не проговорись, что я служу въ полиціи...—предупреждалъ Панасенко, идя къ гостинницѣ. Эти люди не любятъ полиціи. Этихъ словъ Ярема сразу не понялъ.— Кто ее можетъ любить? мелькнуло у него въ головѣ.

— Привелъ я вамъ Ярему,—сказалъ Панасенко по приходѣ въ номеръ. Ярема стоялъ у порога въ своей латаной свиткѣ.

— Я хотивъ бы роспытать про паныча,—сказалъ онъ.

Достаточно было назвать Ярему, какъ Павло и еще одинъ молодой человѣкъ, жившій съ нимъ, пришли въ восторгъ. Они принялись Ярему усаживать.

— Вамъ пришлось просидѣть три мѣсяца?—спросилъ Павло.

— Не три,—сказалъ Ярема, удивившись такой перемѣнѣ,— а семь... Я за бумажку просидѣлъ четыре мѣсяца раньше.

— А бумажка? какъ-бы вспомнилъ Павло и улыбнулся.

— Чы не вы часомъ напысалы ту бумажку? спросилъ Ярема.

— Павло еще разъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. По лицу его видно было, что чудная бумажка была извѣстна Павлу.

— Ну, а теперь же за что?

— Не знаю, но думаю, что за попа... тилько жъ я при цій історіи не бувъ дома и не видаю, бо зъ своими селянами полаявся. Треба було панамъ зложыть вину на Ярему и зложылы пидъ цей случай.

— А чого вы полаялысь зъ селянами? спросилъ Павло съ удивленіемъ.

— А!.. проговорилъ Ярема и махнулъ рукой. Хамы воны... и онъ разсказалъ исторію своего „сидѣнья“.

— Вамъ було бъ ихъ вразумыть...—сказалъ Павло.

— А отъ воны и врозумилы безъ мене... — и Ярема опять таки повѣдалъ о церковномъ бунтѣ. Искренность и прямота подкупали молодыхъ людей, имѣвшихъ объ Яремѣ и безъ того представленіе.

— Что вы думаете дальше дѣлать? спросилъ Павло.

Ярема не сразу отвѣтилъ. Онъ хотѣлъ высказать свою задушевную мечту идти въ Роги, но присутствіе Панасенка, служащаго въ полиціи, заставило его скрыть ее. Ярема имѣлъ ту способность, которая часто свойственна простымъ людямъ—какъ-бы инстинктивно понимать другихъ. Къ Панасенку онъ чувствовалъ недовѣріе, но это чувство у него было какъ-бы безсознательнымъ.

— Идите работать въ экономію, — сказалъ Павло.— Здѣсь есть такой базаръ, гдѣ нанимаютъ пришлыхъ рабочихъ.

Ярему какъ-бы осѣнила мысль. Самъ онъ удивился тому факту, что до сихъ поръ не додумался до простой мысли. Правда онъ раньше никогда не ходилъ на заработки, но слыхалъ много о нихъ.

— Завтра же иду наниматься... — сказалъ воспрянувшій духомъ Ярема, у котораго не было въ карманѣ ни копѣйки.

— А линію свою между рабочими будете вести? спросилъ Павло.

Ярема даже удивился этому вопросу. Ярема могъ быть только Яремой на всякомъ мѣстѣ. Павлу пришлось даже покраснѣть отъ своего замѣчанія. И онъ перешелъ прямо къ дѣлу. Онъ вынулъ пачку такихъ же бумажекъ на подобіе той, какая была въ Рогахъ, и передалъ Яремѣ.

— Идите еще до разсвѣта...—наставлялъ Павло и разложите тамъ ихъ въ укромныхъ мѣстахъ, чтобъ у васъ не осталось ни одной, а потомъ между рабочими уже будете вешtаться и пояснять... Только будьте такимъ же рабочимъ, какъ и они... чтобъ васъ не замѣтили.

Ярема взглянулъ на свою свитку и подумалъ. Чѣмъ же я не рабочій?

— Треба дуже працювать, щобъ настало царство правды на земли...—проговорилъ Павло на прощанье. Молодые люди крѣпко пожали руки Яремѣ и Панасенку.

Уложивъ спать Ярему въ своей комнаткѣ, Панасенко ушелъ на службу, на дежурство, какъ онъ выражался. Ярема пробовалъ заснуть, но сонъ куда-то отъ него ушелъ и онъ думалъ. Подъ конецъ у него закралась мысль, не выдастъ ли ихъ Панасенко?.. Сомнѣніе это росло и росло. Онъ рѣшается, наконецъ, идти и предупредить этихъ хорошихъ людей. Но какъ это сдѣлать среди ночи? Въ это время дверь, оставленная Панасенкомъ незапертою, отворилась и Ярема увидѣлъ офицера съ городовыми. И чрезъ минуту бумажки очутились въ рукахъ жандарма.

— А ты такъ покаялся? — грозно крикнулъ на него жандармъ, которому уже было извѣстно прошлое Яремы. — Ведите его въ управленіе.

Свѣтало. Городъ просыпался. Дворники мели улицы и вопросительно поглядывали на Ярему.—А что онъ сцапалъ?— спрашивали они городовыхъ. Послѣдніе молчали. Молчалъ и Ярема; у него въ головѣ не было ни одной мысли. Потомъ вспомнились ему Роги и пятеро дѣтей, которые пухнуть съ голоду и та зловонная тюрьма, въ которой онъ три дня тому назадъ ночевалъ, и онъ заплакалъ.— Главное, что безъ дѣла... проговорилъ онъ.— Іуда... Когда Ярема остановился у крыльца, повидимому, жандармскаго управленія, то со двора вывели четыре вооруженныхъ жандарма двухъ молодыхъ людей. Ярема посмотрѣлъ и глаза его, полные слезъ, встрѣтились съ глазами Павла, который улыбнулся скорбною улыбкой. На лицѣ его, прекрасномъ и спокойномъ, можно было прочесть тоже слово: „Іуда"... Молодые люди были усажены на извощика и повезены прямо въ тюрьму. Чрезъ часъ тою же дорогою прослѣдовалъ и Ярема. Теперь у него было только то утѣшеніе, что онъ не самъ попался, а съ хорошими людьми.

Вотъ и Тарасовка тонула въ ночной мглѣ. Сергѣй пробирался лугами къ родной хатѣ; все здѣсь у него родное. Но теперь оно казалось уже потеряннымъ. Здѣсь онъ только гость на часъ, на два. Садъ и все въ немъ безъ перемѣнъ. Сергѣй пробирается къ дому. И собака его не узнала, залаяла. Лай этотъ болѣзненно отозвался въ его душѣ. Омелько отворилъ дверь,— на лицѣ его восторгъ. И Гордіенчиха встрѣчаетъ не такъ, какъ раньше встрѣчала сына. — Спасыби, сыну, що прыйшовъ. .— говоритъ она и плачетъ— попрощаемся, бо швыдко вмру... не довелось намъ зъ тобою прожыть вкупи... Горе мыни...

— Виноватъ я предъ вами...—говоритъ Сергѣй. — О народѣ, о милліонахъ нуждающихся людей я думалъ, а двумъ богамъ молиться нельзя... Живите и знайте, что мы примирились и что душа моя болитъ о васъ... Съ этими словами Сергѣй простился и съ Омелькомъ поѣхалъ на хуторъ Криницкаго.

— Дуже за вамы зъ весны почала слидыть тайная полыція...—сказалъ Омелько уже въ полѣ.

Ефимъ доживалъ ужъ послѣдніе годы. Сергѣю онъ тоже обрадовался.

— Уси мене забулы и теперь нихто вже мене не клопоче... жыву, якъ безлюдныкъ.

Можно, значить, безпечно пережить здѣсь одинъ день...— подумалъ Сергѣй.

— Куда жъ Богъ несе? спрашивалъ Ефимъ.

— Въ Херсонщину...—отвѣчалъ Сергѣй.

Эта Херсонщина была злобой дня. Тарасовцы завтра наконецъ-то собирались выѣзжать на новое мѣсто и Ефимъ пойдетъ провожать туда свою дочь.

— Самъ останусь и никому буде очей закрыть...— говорилъ онъ.

— А чого такъ запизнылысь люде?—спросилъ Сергѣй.

— Не пускалы паны, було стилько горя... Люде спродалысь и зряхалысь, а тутъ прыихавъ членъ и запретывъ... Гераське симъ разъ ходывъ въ губерню, покы дозволылы.

Ефимъ поплелся въ Тарасовку. Сергѣй остался и весь погрузился въ радужное прошлое, отъ котораго въ дѣйствительности ничего не осталось. Было около полудня, когда въ условленное мѣсто близь камышей появился Омелько съ харчами и Марьяна. Сергѣй пристально всматривается въ нее. Этотъ годъ наложилъ на нее отпечатокъ. Жизнь закалила ее, на лицѣ ея загорѣломъ и нѣсколько страдальческомъ можно было прочесть мысль. Мужественно и стойко встрѣтила она жизнь.

— Марьяна теперь не та...—сказала она, поцѣловавши побратски этого усталаго и съ развинченными нервами скитальца. У меня есть тоже дорога... я расчищаю путь для вашей работы, съ утра до ночи я тоже работаю на народъ и этотъ трудъ для меня выше всего. О себѣ совсѣмъ забываешь, когда въ жизни столько горя и бѣдствій и непочатой работы... Друзья сидѣли долго молча. День былъ тихій; солнце и тепло повышали жизненность и души людскія становились мягче и чувствительнѣе. Симпатіи и сочувствіе, даже горячая любовь, виднѣлись въ этихъ взглядахъ серьезныхъ и сосредоточенныхъ.

У васъ, окрылившихся, больше силъ духовныхъ,—продолжала Марьяна,—меньше зависимости отъ этой окружающей жизни; вы можете возвышаться надъ нею и жить въ мірѣ идей, а мы еще не дозрѣли—мы простые каменщики, закладывающіе прочный фундаментъ.

Это воскресенье было воскресеньемъ плача и стона въ Тарасовкѣ. Переселенцы прощались съ могилами отцовъ. Это были не каменщики, а просто кирпичи, образующіе соціальную жизнь—рабы обстоятельствъ и условій. Сколько непонятнаго ужаса было написано на лицахъ этихъ женщинъ, не знавшихъ ничего больше, кромѣ своего села, и оставлявшихъ здѣсь кого-либо дорогого, любимаго. И онѣ плакали. Плачъ этотъ доносился до хутора, мимо котораго шла дорога. И жаль было Сергѣю этого люда. Ему хотѣлось хоть сколько-нибудь облегчить эти бѣды и онъ пристаетъ къ каравану, становясь центромъ, возлѣ котораго всѣ группировались.

— Вы, значыть, ведете жизнь такъ, якъ Христосъ...—сказалъ одинъ разъ Герасько, выслушавъ разсказъ Сергѣя о его дѣлахъ.

„Обѣтованная земля“—была обычною степью, на которой не видно было ни деревца, ни жилья, и переселенцамъ, пропустившимъ уже строительный сезонъ, пришлось остановится таборомъ по-цыгански. Бабы измучились съ дѣтьми за дорогу и пришли прямо въ неистовство при видѣ пустынной степи.—Бый его, такого сякого, що завивъ насъ въ пустыню...—раздалось въ толпѣ и она двинулась къ землянкѣ Гераська. Герасько вооружился топоромъ и съ ужасомъ кричалъ:—не подступай—убью... Баба его умоляла людей не убивать ея работника. Но толпа была неумолима. И лишь появленіе Сергѣя, который всю дорогу, чѣмъ могъ, помогалъ людямъ, привело толпу въ чувство; она даже устыдилась своего намѣренія.

Поселокъ спалъ. Кругомъ была безбрежная степь.—Ширь и свобода чарующе дѣйствовали на Сергѣя и ничто ему не грозило здѣсь. У него былъ исправный паспортъ, шпіоны его здѣсь не знали. Одно не даетъ ему покоя—эти бѣдствія людей изъ-за того, что лучшія земли захватила кучка хищниковъ.

И Сергѣю грезится близость того города, въ которомъ онъ встрѣтитъ дорогихъ ему людей. Образъ Павла,—идеала человѣчности—какъ живой въ его воображеніи и Ярема, въ которомъ даже столь подлая жизнь не вытравила чувства правды...

Поселокъ былъ задернутъ утреннимъ туманомъ, когда Герасько выѣхалъ въ Елисаветградъ за полученіемъ купчей. На возу его сидѣлъ Сергѣй, поѣхавшій навѣстить товарищей. Дорогою онъ дѣлится съ Гераськомъ тревожною мыслью о томъ, какъ розыскать Панасенка, какъ добраться незамѣченнымъ до „Сѣверныхъ номеровъ“.

— Пиду и спытаю и тамъ, и въ полыціи—отвѣчаетъ онъ,—вона все знае...

Герасько командируется прежде всего въ Сѣверные номера и приноситъ Сергѣю печальную вѣсть: панычивъ забралы жандармы... Морозъ по кожѣ пробѣжалъ у него, слезы подступили къ горлу. Павло вѣдь большая сила, великая душа... теперь онъ умеръ для дѣла и для жизни. Его пошлютъ на каторгу... Пока Сергѣй раздумывалъ, Герасько привелъ Панасенка. Сергѣй встрѣтилъ его, какъ соратника; они по братски цѣлуются и долго бесѣдуютъ, горюютъ о Павлѣ и разстаются, чтобы вечеромъ сойтись. Не успѣлъ уйти Панасенко, какъ въ постоялый дворъ явился жандармъ и пять городовыхъ и Сергѣй очутился въ ихъ рукахъ.

— Отъ тоби и товарышъ!—проговорилъ къ другому своему компаніону Герасько, которому тоже грозила опасность быть взятымъ. Но его не тронули и теперь ему не хотѣлось возвращаться домой. Сиротство почувствовали и всѣ переселенцы, для которыхъ Сергѣй былъ нравственной поддержкой.—Назовемъ мы, господа, въ память его нашъ поселокъ! — сказалъ кто-то. И поселокъ стали звать Сергѣевкой.

Въ тотъ же день вечеромъ уголъ тюрьмы, гдѣ сидѣли политическіе, огласился крикомъ:—новичка привезли... Ярема, пользовавшійся наибольшею свободою, подошелъ къ окошечку и спросилъ:—товарищи спрашиваютъ, не Іуда ли васъ предалъ. Сергѣй вышелъ изъ того оцѣпененія, въ которое впалъ послѣ такого предательства, пораженный знакомымъ голосомъ. — Ярема! —крикнулъ онъ съ восторгомъ.

— Нашъ панычъ!.. печально проговорилъ Ярема. А мы думали, что вы уцѣлѣете.

— Нѣтъ, предатель и меня выдалъ...

— И всѣхъ насъ выдалъ, а меня прямо таки подвелъ!..—сказалъ Ярема.

На другой день Сергѣй передалъ Яремѣ десять рублей, полученныхъ отъ Марьяны, чтобы тотъ послалъ ихъ женѣ и дѣтямъ.

И пошли безчисленные допросы и пересылка изъ тюрьмы въ тюрьму... тотъ же тернистый и многострадальный путь русскаго народолюбца.

Судъ послѣ бабьяго бунта.

Всѣ жители городка высыпали на главную улицу, когда пріѣхалъ тяжелый на подъемъ и грозный военный судъ судить Семена и бабъ. А „страшный“ преступникъ Семенъ совсѣмъ ушелъ отъ міра сего. Онъ написалъ разводную женѣ, отказался отъ мірскихъ дѣлъ и погрузился весь въ чтеніе Евангелія.—Не боюсь я суда людского,- говорилъ онъ спокойно всѣмъ арестантамъ, которые были очень неподходящими для него сожителями. Предсталъ онъ предъ судомъ тоже спокойно. Долго онъ просилъ смотрителя позволить ему пойти на судъ въ своей новенькой свиткѣ. Предъ судомъ Семенъ хотѣлъ быть въ чистой одеждѣ, но его повели, какъ острожника, и это была для него большая обида.

На вопросъ о виновности Семенъ сказалъ:—если искать виновника, то это тотъ, кто насъ создалъ. Не мы виноваты въ томъ, что живемъ... мы хотимъ жить, а нельзя жить безъ земли. Я работалъ, пока могъ, а теперь что я долженъ дѣлать безъ земли?.. Богъ насъ создалъ, онъ же создалъ для насъ и землю. Мы хотѣли взять только по десятинѣ... Но предсѣдатель его рѣчь прервалъ. А зачѣмъ же вы били начальство?

— Нѣтъ, не били... утверждалъ Семенъ — пусть покажутъ знаки побоевъ?

Свидѣтели —урядникъ, старшина, становой, произведенный въ помощники исправника, утверждали нападеніе съ косами и дрючками; становой утверждалъ также о заговорѣ соціалистовъ.

Семенъ, казалось, всю силу вложилъ въ свои слова и больше ни слова не сказалъ въ защиту. Ему казалось, что здѣсь не его судятъ, а весь народъ. Сурово обличалъ его и бабъ прокуроръ. Семену показалось страннымъ то злобное отношеніе, въ которое сталъ къ нему этотъ незнакомый ему человѣкъ. Все, что здѣсь говорилось, по мнѣнію Семена, была сплошная неправда и никто не хотѣлъ—не добивался правды,— настоящей правды-истины. И когда ему прочитали по указу высылку на шесть лѣтъ въ каторжную работу, а бабамъ по четыре года, то ему показалось, что это рѣшеніе написано не здѣсь, а гдѣ-то далеко, что эти генералы пріѣхали только прочитать его здѣсь.

Бабы плакали, убивались, а Семенъ спокойно возвратился и самъ помогъ кузнецу наложить кандалы. Все это вполнѣ гармонировало съ его душевными страданіями и его разочарованіемъ современнымъ строемъ. Къ этому строю его отношеніе было совершенно отрицательное. Хотѣлъ онъ повидаться съ сыновьями, но въ началѣ сентября его уже отправили на Сахалинъ. Въ Одессѣ при посадкѣ на пароходъ у бабъ отняли дѣтей и они подняли такой раздирающій душу крикъ, какъ и при прощаньи съ родною деревнею и во время суда.

— Дѣти ваши въ дорогѣ помрутъ, а здѣсь будутъ въ пріютѣ...—говорилъ начальникъ команды, отнесшійся къ нимъ безъ злобы.

— Отдайте намъ нашихъ дѣтей...— кричали они. Какимъто дикимъ отчаяніемъ отзывался этотъ крикъ. Но тамъ некому было обращать вниманія: слишкомъ много было людскихъ страданій.

Соціалистическая мысль и первобытная среда.

Шли вѣка. Жизнь Мардаровки какъ-бы окаменѣла въ своей неподвижности. Подобно гранитнымъ громадамъ, отъ которыхъ несло мертвеннымъ холодомъ, она не давала никакихъ проблесковъ. Поколѣнье за поколѣньемъ безслѣдно исчезали съ лица земли. Люди, какъ черви, копались въ землѣ и силъ у нихъ хватало только на поддержаніе животнаго существованія. Казалось, на свѣтѣ нѣтъ такихъ средствъ, которыя могли бы поднять эту коснѣющую массу. Среди могущественныхъ явленій природы и среди не менѣе могущественныхъ соціальныхъ условій человѣкъ казался пигмеемъ и ничтожествомъ. Все господствовало надъ нимъ. Особенный контрастъ здѣсь придавали эти гранитныя громады, предъ которыми люди совершенно стушевывались и которыя въ ихъ глазахъ казались вѣчными и несокрушимыми. Когда разнеслась вѣсть о томъ, что эти громады пріѣзжими людьми будутъ снесены до основанія, то подолянинъ, самый отсталый изъ украинскихъ племенъ, только махнулъ рукой.— „Нехай дурни походятъ коло ихъ“—сказалъ онъ. Онъ даже не вышелъ посмотрѣть на пріѣхавшихъ маленькихъ людей, привезшихъ съ собою небольшіе ящики, наполненные взрывчатыми веществами. Мало-по-малу громада подавалась и въ одинъ прекрасный день разрушена была до основанія. Мардаровецъ тогда пришелъ и посмотрѣлъ— громады нѣтъ и слѣда. Маленькіе люди собрали свои инструменты и поѣхали дальше. Съ изумленіемъ онъ посмотрѣлъ на этихъ „характерниковъ“. Кто-то изъ рабочихъ, пріѣхавшихъ съ инженерами, бросилъ какъ-бы невзначай сошедшимся дядькамъ, разинувшимъ рты, замѣчаніе:— громаду уничтожили умъ и наука... пріѣдемъ когда-либо, да и васъ всѣхъ взорвемъ на воздухъ, чтобы неба не коптили. До сихъ поръ они не вѣдали этой новой силы. Та наука, которую добывали въ городахъ поповичи да панскіе дѣти, не пользовались въ глазахъ крестьянина престижемъ. То была наука, которая давала возможность эксплуатировать его. Мардаровцы знали, что и Вѣра тоже поѣхала на науку. И до сихъ поръ называли это баловствомъ. Случай съ гранитной скалой, взорванной для очистки русла, какъ бы подсказалъ имъ, какъ важна можетъ быть наука, и мардаровцы, глядя на этихъ безстрашныхъ людей, обладавшихъ секретомъ бороться съ силами, которыя до того казались несокрушимыми, представляли себѣ Вѣру, обладающею такою же магическою возможностью добыть имъ землю и счастье... Популярности Вѣры много способствовалъ ея непримиримый и самый жестокій врагъ — ихъ сосѣдъ, бывшій прокуроръ Ерофѣевъ, которому почти даромъ досталась вся земля польскаго магната. У него въ Мардаровкѣ и въ другихъ принадлежавшихъ ему селахъ было около десяти корчемъ, въ которыхъ сидѣли довѣренные люди, слѣдившіе за тѣмъ, что говорили крестьяне, и распространявшіе желательныя для него свѣдѣнія. Почему Ерофѣевъ такъ ненавидѣлъ Вѣру, люди тоже не знали.

Былъ праздникъ; слуги генерала—отставной вахмистръ и дидъ Грыцько, няньчившій когда-то Вѣру и до сихъ поръ неравнодушный къ ней, были отпущены на свободу. Были они по обыкновенію въ корчмѣ,—гдѣ же больше отвести душу крестьянину? Въ скорости воротился дидъ Грыцько и доложилъ генеральшѣ, а потомъ и самому генералу о клеветѣ, исходившей со двора Ерофѣева.

— Кажуть, що наша барышня въ шайци тыхъ, що царя вбыли...—говорилъ съ какимъ-то ужасомъ дидъ,—и що вона жыла зъ цыми выноватцямы, якъ полюбовныця... Таке Ерофѣевъ каже, що соромъ и слухать: що воны ни Бога не мають... жывуть якъ скотъ: сегодня въ одным, а завтра съ другымъ... Люде вси пытають, чы це правда?..

Побагровѣлъ генералъ и ужасомъ повѣяло отъ него. Оружіе... оружіе!..—кричалъ онъ, очевидно собираясь ѣхать расправиться съ клеветникомъ. И когда никто оружія ему не далъ, то онъ разорвалъ на себѣ одежду и страшно ругался и кричалъ отъ безпомощности. До убѣжавшихъ изъ замка людей доносилось:—Оружіе! а то себя задушу...—Онъ ревѣлъ и кричалъ, какъ звѣрь, загнанный въ желѣзную клѣтку. Послѣ криковъ раздался стукъ отъ разбитыхъ вещей, выброшенныхъ въ окно, а потомъ стонъ и плачъ... Наконецъ все стихло. И когда вошли въ замокъ генеральша и слуги, то генералъ весь дрожалъ и не могъ ничего сказать. Руки и рѣчь у него отняло.

— Неправда все это... — сказала потомъ вахмистру генеральша,—Вѣра пошла за правду противъ такихъ грабителей, какъ Ерофѣевъ... и почти шепотомъ добавила, что она землю добываетъ для людей... Оправдать во чтобы то ни стало въ глазахъ громады Вѣру—съ этою цѣлью возвращались въ корчму вахмистръ и дидъ Грыцько. Лица ихъ дышали увѣренностью.

Въ корчмѣ, уподобившейся улью съ пчелами, кипѣло какъ въ котлѣ. Всѣ одновременно говорили; нѣкоторые уже ссорились, когда раздался громкій голосъ вахмистра.—Врутъ на нашу барышню...—сказалъ онъ негодующе.—Я такъ и зналъ, что это враки. Она пошла противъ пановъ, за правду пошла... Пошла противъ такихъ, какъ Ерофѣевъ!..

— За правду... за правду!..—вторили голоса. Это извѣстіе именно отвѣчало ихъ представленію о Вѣрѣ.

— И земли для васъ она добывается... вотъ за что Ерофѣевъ и паскудыть... кровопыйца онъ!..

— Кровопыйця... це правда!.. кричала вся громада, на которую упоминаніе о землѣ произвело прямо таки отрезвляющее дѣйствіе. Забыты были даже налитыя рюмки и на лицахъ пьяныхъ и трезвыхъ блеснулъ лучъ надежды. И тѣнь Вѣры, какъ глашатая правды и заступницы за народъ, съ этихъ поръ витала надъ корчмой и всякимъ собраніемъ крестьянъ.

Спустя нѣкоторое время пришло извѣстіе о томъ, что пособіе, получаемое генераломъ, — нѣчто вродѣ аренды, не будетъ продолжено. Сто десятинъ были заложены еще во время ученія дочери и давали онѣ не много; Вѣра тоже не могла заработывать. И въ замкѣ жизнь становилась все печальнѣе и печальнѣе... Ко всему прочему присоединилась нужда.

Мысль о Вѣрѣ и раньше наполняла жизнь замка, теперь же при такой безпомощности о ней только и думали. Письмами, которые она присылала, только и жилъ старикъ. Каждый день за восемь верстъ на станцію шелъ мальчикъ Алеша за письмами, и если не приносилъ — генералъ лежалъ безмолвно и ничего не ѣлъ. А письма эти не заключали ничего утѣшительнаго. „Не могу дольше жить на чужбинѣ, — писала она, — добуду паспортъ (чужой, конечно) и возвращусь бродягой“... Эти слова не выходили у него изъ головы. Къ человѣку безъ ногъ жизнь отнеслась безжалостно. И онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ крайнему средству—ѣхать жаловаться царю, который для него казался наивысшею справедливостью и милосердіемъ. Богъ и царь въ представленіи генерала были почти одно и тоже. Принявъ такое рѣшеніе, онъ глубоко былъ убѣжденъ, что Вѣра тотчасъ будетъ прощена и станетъ жить съ родителями и закроетъ ему глаза. А теперь онъ и умереть не могъ спокойно. Оправдать дочь, въ невинности которой онъ былъ глубоко убѣжденъ, — это было его высшею обязанностью. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда жизнь въ паркѣ била ключемъ, разнеслась вѣсть о томъ, что генералъ ѣдетъ къ царю. Вся Мардаровка пришла въ движеніе, воспрянула духомъ. Во время сборовъ появилась въ замокъ депутація съ вахмистромъ во главѣ.—Къ вашей милости,—заявили мардаровцы—похлопотать у царя на счетъ земли... бѣдствуемъ мы... життя нѣтъ отъ Ерофѣева: казна ему отдала тысячи десятинъ почти задаромъ, а намъ и курицы держать негдѣ... Раньше они были прокуроромъ, всѣ статьи знаютъ и судами вонъ какъ донимаютъ насъ...

Генералъ слушалъ безучастно, старъ онъ былъ. — Буду у царя, — сказалъ онъ, — скажу, что вы бѣдствуете... Крестьяне низко кланялись и просили передать царю ихъ хлѣбъ-соль. — И хлѣбъ-соль передамъ и буду бить челомъ отъ васъ, — шептали старческія уста.

А когда выѣзжала изъ Мардаровки старая, престарая колымага съ генераломъ, то его провожала вся деревня. Эта поѣздка генерала, не выѣзжавшаго уже никуда болѣе двадцати лѣтъ, была похожа на какое-то паломничество. Мардаровцы смотрѣли на эту поѣздку, какъ на нѣчто такое, что осчастливитъ ихъ жизнь и внесетъ въ нее ту правду, которой недоставало.

Длинныя мытарства и опросы о цѣляхъ аудіенціи страшно истомили генерала, который предсталъ предъ царемъ еле живой.

Безлюдно онъ прожилъ все время и одичалъ въ полуразрушенномъ замкѣ. Здѣсь же въ роскошныхъ и страшныхъ для него аппартаментахъ онъ казался раздавленнымъ червемъ. Часъ, который прошелъ въ ожиданіи, показался для него вѣчностью. Какъ набожные люди приготовляются къ смерти, такъ генералъ приготовился къ этой встрѣчѣ. Предъ нимъ пробѣжала вся жизнь его, тяжелая и безсмысленная. Особенно яркой представилась та злополучная ночь, въ которую онъ потерялъ обѣ ноги. Лично отъ Муравьева онъ получилъ приказъ окружить лѣсокъ, въ которомъ спрятались повстанцы, пушками и обстрѣлять его гранатами. Онъ выполнилъ его буквально: думать было некогда. И вотъ осколокъ гранаты, пущенной очевидно съ намѣреніемъ повыше, перелетѣлъ лѣсокъ и оторвалъ ему обѣ ноги... Какъ живая, предстала предъ нимъ Вѣра, — единственная свѣтлая точка въ его жизни... и напрасная клевета Ерофѣева...

Появилась мощная фигура царя. Старикъ забылъ, что онъ безъ ногъ, хотѣлъ подняться и грохнулся съ дивана на полъ. Подняли его и онъ заплакалъ.

— Какъ живешь, старина? спросилъ царь ласково. И гдѣ лишился ногъ?

— Въ 1863 году при усмиреніи мятежа... отвѣтилъ онъ, а про жизнь умолчалъ.

— Была у меня дочка...—сказалъ генералъ,— она, говорятъ, нарушила присягу предъ царемъ... вѣрь, государь, она не преступная душа... она у меня одна, единственная...

— Не плачь, старина, — сказалъ царь, — разберу дѣло и если только непричастна къ дѣлу 1 марта... то немедленно прощу. Отвѣтъ былъ рѣшительный. При упоминаніи 1 марта лицо царя стало мрачнымъ, недовольнымъ. У генерала мелькнуло: онъ уже знаетъ, доложили... но онъ все таки просилъ:—Прости, государь, все прости, милость твоя безгранична.

— А вотъ наши крестьяне, — какъ-бы вспомнилъ генералъ, — просили меня бить тебѣ челомъ, великій государь, хлѣбомъ-солью и просить о землѣ... Нужда у нихъ больно велика...

— Скажи имъ, что по моему царскому приказу устроенъ для нихъ банкъ и что я о нихъ постоянно думаю...

Кузнецовъ тяжело дышалъ, когда его вынесли изъ дворца. И только здѣсь онъ вспомнилъ, что забылъ попросить объ отобранномъ пособіи. Но онъ махнулъ рукой: все равно, молъ, умру скоро. Дежурный генералъ-адъютантъ, молодой, въ изящномъ блестящемъ мундирѣ совѣтовалъ ему зайти къ шефу жандармовъ,— отъ нихъ, молъ, многое будетъ зависѣть. Но генералъ рѣшилъ положиться на Бога и царя и поѣхалъ сейчасъ же въ Мардаровку.

Вся громада вышла встрѣчать генерала. Онъ еле дышалъ. Глаза его глядѣли печально и безнадежно.

— Передалъ я вашу хлѣбъ-соль царю, — сказалъ онъ,— и просьбу вашу передалъ и сказалъ, что вы бѣдствуете безъ земли... По тону его словъ можно было судить, что онъ исполнилъ свой долгъ. Теперь онъ могъ даже умереть спокойно. По его мнѣнію царю нужно только доложить о нуждѣ, а въ дальнѣйшемъ это ужъ его дѣло.

Былъ осенній вечеръ. Буря срывала пожелтѣвшія листья и завывала въ полуразрушенномъ замкѣ. Ливень, разразившійся надъ Мардаровкой, произвелъ опустошеніе въ замкѣ; дырявыя крыши не выдержали воды и она залила весь полъ; не было ни одной комнаты, въ которой можно было положить генерала. И послѣдній молилъ Бога о смерти. Лишь только мысль о помилованіи Вѣры не давала ему покоя.

— А что Алеша пришелъ со станціи? раздался голосъ генерала.

— Пришелъ, — отвѣтила генеральша, — до нитки смокъ и почту помочилъ.

— Почту... почту! — кричалъ онъ.

— „Отъ собственной его величества канцеляріи“, медленно прочелъ генералъ на великолѣпной бумагѣ и съ большою красною печатью. И въ немъ онъ прочелъ о причастіи Вѣры къ дѣлу 1 марта.

— Такъ моя душа и чуяла, что жандармы наврутъ... проговорилъ онъ со вздохомъ и вспомнились ему слова его родственника, стоявшаго у дѣлъ, который сказалъ:—теперь жандармы и околодочные всему голова... какъ они напишутъ, такъ и будетъ... А буря все выла и выла. Вѣра писала, что лѣто провела въ Америкѣ, гдѣ познакомилась съ жизнью соціалистическихъ общинъ, а теперь взялась снова за изученіе медицины, такъ какъ по пріѣздѣ въ Россію она думаетъ лечить народъ... Письмо ея было спокойное и бодрое, что было большою рѣдкостью. Старикъ и старуха забыли при чтеніи ея письма о пакетѣ съ красною печатью, забыли про бурю и воду, наполнявшую замокъ, оно какъ-бы вдунуло новыя жизненныя силы... Одно только смутило стариковъ. Это—требованіе, повторяемое Вѣрой въ каждомъ письмѣ, о передачѣ крестьянамъ тѣхъ сотни десятинъ, которая у нихъ были въ арендѣ. „Чѣмъ же мы будемъ жить послѣ того“? спрашивала ее въ письмахъ мать. Пусть они платятъ вамъ до смерти тѣ же 500 рублей, что и теперь вамъ достаются, но пусть земля ихъ будетъ“. Владѣніе это очевидно не давало покоя Вѣрѣ. И это желаніе давно стало извѣстно Мардаровкѣ, которая ждала того благословеннаго дня, когда генералъ позоветъ къ себѣ, чтобъ отдать землю.

Мыслью о передачѣ земли крестьянамъ для веденія хозяйства на соціалистическихъ началахъ жила Вѣра за-границею. Упорство стариковъ ее печалило. Объ этой передачѣ и громадскомъ веденіи хозяйства часто писалъ ей Криницкій. Это громадское хозяйство — въ эту пору безвременья и бездѣлья было центральнымъ пунктомъ, около котораго вращались мысли Вѣры.

И здѣсь на чужбинѣ, какъ и вездѣ, Вѣра была какимъ-то особеннымъ человѣкомъ. Она не могла жить такъ, какъ живутъ другіе изо дня въ день. Мысль и сознательная жизнь казалось не оставляли ее ни на минуту. Раньше для нея общеніе съ людьми было высшимъ благомъ. Но теперь всѣ эти люди „бывшіе и сущіе“ казались ей одинаковыми, шаблонными и она предпочитала быть одной. Раньше для каждаго человѣка, съ которымъ она встрѣчалась или работала, у нея въ сердцѣ было какъ-бы отдѣльное мѣстечко. Въ самомъ худомъ человѣкѣ она старалась найти хорошую сторону и человѣкъ для нея былъ тѣмъ божествомъ, которому она поклонялась. Жизнь низвела это божество на землю и обнажила его. Не было у нея прежней вѣры въ людей, а въ душѣ ея, нѣжной и больной, какъ-бы пронесся страшный ураганъ, опустошившій самое цѣнное, что у нея было. То она все, что имѣла, всю себя хотѣла отдать людямъ, а теперь, напротивъ, Вѣра хотѣла поддержки людей. Ее и здѣсь многіе любили, почти всѣ ей сочувствовали. Ей нельзя было не сочувствовать. Но этого было мало для нея. Она любила простоту жизни, простыхъ людей, богатыхъ душей, а здѣсь были искусственно собраны. . собраны тѣ, которыхъ уже жизнь въ значительной степени опустошила. Они не понимаютъ ея души и часто неосторожнымъ своимъ движеніемъ причиняютъ ей страданія. Они не достаточно бережны къ ея душевнымъ запросамъ. Закоренѣлые революціонеры называли ее „тепличнымъ растеніемъ“. Это она считала самою большою обидой. Человѣкъ — таковъ, каковъ онъ есть... — говорила она. — Онъ — результатъ жизненныхъ условій. Нелѣпо было бы осуждать день, который будетъ завтра, также нелѣпо морализировать надъ людьми. Та нетерпимость, которая часто проявлялась представителями разныхъ партій, побудила ее выйти навсегда изъ партіи. — „Я буду служить народу и всѣ, кто ему искренно служитъ, — мои товарищи!.. не разъ подчеркивала Вѣра. Многіе обвиняли ее въ аристократизмѣ. Но это была неправда. Аристократизмъ у нея былъ, но онъ заключался въ человѣчности и честности. Вѣра, какова была на словахъ, такова и въ поступкахъ. Она была соціалистка по убѣжденіямъ, — соціалистка и въ жизни — чиста, какъ цвѣтокъ послѣ дождя и раскатовъ грома.

Поздняя осень. Вѣра одиноко сидѣла на берегу Женевскаго озера, а мысль ея была прикована къ гранитной громадѣ на Днѣстрѣ. Думала она о коллективномъ трудѣ, о пересозданіи всей жизни на основахъ правды. Все кругомъ было чужое. Жалость возбуждалъ этотъ человѣкъ, загнанный Богъ вѣсть за какія вины. По временамъ Вѣра вынимала письма и пробѣгала ихъ. „Согласны, — писала мать, — только смотри, не полагайся на крестьянъ: народъ они не надежный: безъ руководителя затѣя твоя — мертвое дѣло“... — Есть такой руководитель — писалъ Криницкій, — сами увидите, что нашъ народъ еще можетъ пополнять ряды культурнаго человѣчества. Люди, подобные вамъ, есть и въ народѣ. Нашъ „юноша“ принадлежитъ къ тѣмъ безкорыстнымъ и честнымъ людямъ, которые вообще рѣдки въ жизни.

Этотъ отзывъ, полный восторга, наполнилъ душу Вѣры. Она пошла домой, гдѣ ждали ее люди.

— Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало... — такъ отзывался одинъ изъ вождей на затѣю Вѣры.

— Соціализмъ осуществится, какъ массовое явленіе, частично же его осуществлять — это, значитъ, порочить самую идею соціализма... — говорилъ другой. — Ваша затѣя похожа на тѣ артели, которыя правительство поощряетъ.

— Только настоящій опытъ можетъ доказать намъ, возможно ли коллективное хозяйство или, можетъ быть, сама природа ставитъ ему предѣлъ... — оправдывалась Вѣра.

— Измѣняются формы хозяйства, измѣняется и психологія людей...

Къ Вѣрѣ всегда приходило много всякаго народа и часто здѣсь шла рѣчь объ этомъ громадскомъ хозяйствѣ. Всѣ знали, что это самая чувствительная у нея струнка. Поэтому даже тѣ, что не сочувствовали больше хожденію въ народъ, для Вѣры великодушно дѣлали исключеніе. Вѣра не мыслима была безъ народа. Выросла она въ деревнѣ и съ юности только и думала, что о народѣ. Отнять у нея эту мысль—это все равно, что подвергнуть смертной казни.

Было уже поздно, когда собраніе закончилось. Мысль Вѣры работала; она принялась за письмо къ Мардаровской громадѣ. Она хотѣла немедленно подѣлиться съ людьми своею радостью. Но какъ ей начать это необычное письмо? „Пахари, труженики моей родной деревни! — начала она, — я долго думала о томъ, какъ вамъ помочь, помочь вашей нуждѣ. Такъ какъ многаго сдѣлать для васъ я не въ состояніи, то рѣшила съ согласія своего отца передать вамъ нашу землю, но только съ условіемъ, чтобы она принадлежала всѣмъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Эти крестьяне должны будутъ обрабатывать ее сообща подъ руководствомъ образованнаго человѣка и дѣлиться уже собранными продуктами. Кто имѣетъ рабочую скотину, тѣ составятъ свое товарищество, а безлошадные — отдѣльное товарищество и для нихъ купимъ лошадей и земледѣльческія орудія. Все должно быть громадское, общее... Никто не долженъ имѣть земли въ личной собственности: вся она должна принадлежать всему народу“.

Въ другомъ письмѣ Вѣра просила Криницкаго поѣхать и потолковать съ крестьянами и передать привѣтъ „юношѣ изъ Ольшаны“, который долженъ будетъ, по ея выраженію, въ это дѣло душу вложить.

Мардаровская расправа не могла вмѣстить народа. Письмо Вѣры о землѣ было прочитано при глубокомъ молчаніи. Никто, казалось, не пропустилъ ни слова. Писарь еще разъ читалъ, но крестьяне только одно и поняли, что земля ихъ будетъ.

— Разъ, земля громадская, то, значитъ, и наша тамъ доля...— говорили богачи.

— И понюхать вамъ не дамо, не надійтысь... — говорили бѣдняки. И ссора затѣялась на всю зиму.

Кто знаетъ, чѣмъ бы споръ этотъ былъ оконченъ въ первый день, если бы не появилось начальство. Оно провѣдало уже о письмѣ и поспѣшило изъять его изъ обращенія. Нагрянуло же оно, какъ снѣгъ на голову.

— Не давай... — кричали со всѣхъ сторонъ крестьяне, когда бричка съ колокольчикомъ остановилась у расправы. И на лицахъ крестьянъ былъ написанъ ужасъ. Имъ казалось, что „земля“ уплываетъ изъ ихъ рукъ.

— Гдѣ письмо?.. — грозно спрашивалъ исправникъ писаря. Тотъ поблѣднѣлъ, и весь дрожа, силился что-то сказать, но не могъ. — Подавай сюда безъ разсужденія!.. И письмо очутилось въ рукахъ начальства. — Все только для того, чтобъ васъ бунтовать...— съ этими словами исправникъ уѣхалъ къ Ерофѣеву.— Хиба можна що не будь добре зробыть за оцыми архангелами...— крестьяне посылали вслѣдъ проклятья.

Черезъ недѣлю въ Мардаровку пріѣхалъ Криницкій съ юношей налаживать громадское хозяйство.

— Выполнили мы ея волю... — сказала мать — но будетъ ли какой-нибудь толкъ изъ ея затѣи — Богъ знаетъ... Она такъ много намъ надѣлала хлопотъ: каждый день къ намъ ходятъ крестьяне, спрашиваютъ, а мы не знаемъ, что и отвѣчать... Мужъ боленъ. Криницкій самъ видѣлъ, что генералу осталось жить немного. Въ полуразрушенномъ замкѣ зимой было особенно непріютно. — Нужно спѣшить оформить это дѣло... — подумалъ Криницкій. — Чего добраго генералъ умретъ, не сдѣлавъ распоряженія, еще отберутъ землю. Отобрали же пособіе, назначенное пожизненно.

Быстро разнеслась по селу вѣсть о пріѣздѣ уполномоченнаго отъ Вѣры и крестьяне толпами повалили къ замку.

— Поздоровался Криницкій и „юноша“. Крестьяне сняли шапки и тоже кланялись.

— Вы пахари, вамъ нужна земля, вамъ она и слѣдуетъ — началъ Криницкій, который выросъ среди крестьянъ и любилъ ихъ не меньше Вѣры. Эта любовь звучала теперь въ каждомъ словѣ его. — Но Вѣра хочетъ сдѣлать такъ, чтобы земля эта давала вамъ большую пользу и чтобы она принадлежала не Степану или Ивану, а была громадскою и чтобы люди не дѣлили ее на полоски, какъ теперь дѣлятъ, а всѣ сообща обрабатывали.

— И мы хочемъ, щобъ вона була громадскою... — отозвались тѣ, кто побогаче.

— Якъ то громадською? щобъ богачамъ? недоумѣвая, спрашивала бѣднота.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Криницкій. — Вѣра хочетъ, чтобы земля была тѣхъ, у кого земли совсѣмъ нѣтъ или есть очень мало.

— Э! громада такъ не согласна!.. кричали тѣ же богачи.

— Та вы ще не громада... — отвѣчала бѣднота. Среднее крестьянство тоже надѣялось получить и теперь готово было поддержать богачей, говоря, что земля должна быть громадскою.

— Нѣтъ, господа, — сказалъ Криницкій. — Земля будетъ безземельнымъ — этотъ вопросъ рѣшенъ; объ этомъ нечего толковать. Всѣ вы можете только говорить о томъ, кто изъ громады нуждается въ землѣ, а кто можетъ обойтись безъ нея. Давайте съ этого начнемъ.

— Що жъ зъ нею воны будуть робыть безъ рабочей скотыны? пропьють... — пробовали возражать богачи.

— Не клопочиця за насъ...

— Лопатою оброблять... — выручалъ бѣдноту Криницкій.

Писарь принесъ списокъ всѣхъ домохозяевъ съ показаніемъ земли ихъ и началась сортировка.

Въ этомъ вопросѣ громада проявила всю свою добросовѣстность. Опредѣлили прежде всего тѣхъ, кто имѣлъ только усадьбу. Такихъ нашлось душъ сорокъ. Перешли потомъ къ тѣмъ, у кого въ полѣ была только десятина и меньше; такихъ оказалось душъ пятьдесятъ.

— Итого девяносто, — проговорилъ Криницкій, — добавьте еще десять по своему выбору, чтобы была круглая сотня. Въ число этихъ десяти старался каждый попасть и происходилъ долгій споръ, который былъ оконченъ только при посредствѣ Криницкаго.

— Всю долину, всѣ низкія мѣста вы должны засадить садами и виноградниками — сказалъ Криницкій. Это первое условіе.

— Бѣднякъ не въ состояніи развести сада — ему некогда, — кричали богачи, — онъ всегда на работѣ...

— Вы, дукари, за насъ будете працювать... не безъ ироніи — отвѣчала бѣднота. — Якъ треба, то и засадымо.

— Второе условіе, чтобы вся эта земля была общею — недѣлимою, чтобъ всѣ садили виноградники и сады сообща..

— Этого нельзя... — крикнула громада. — Кожынъ долженъ знать свою полоску... тико тоди винъ стане працювать надъ виноградныкомъ. Громадою въ насъ дила ниякого не буде... Трудно зибрать всихъ до купы... Такъ мы не согласны. Громада, бачыте, одынъ разъ такъ, а въ другый — иначе ришае... не можна положыця на неи... былъ общій отвѣтъ. Крестьяне еще долго приводили аргументы въ пользу индивидуальнаго пользованія.

— Ну, добре, — заявилъ послѣ долгаго раздумья Криницкій. — Нехай буде ни по вашому, ни по моему. Берить сотню морговъ*) полосками — каждому по моргу, а на 45 десятинахъ мы заведемъ громадское хозяйство. Побачымо, де буде краще.

— А якъ же буде це громадське хазяйство? — обратились люди со всѣхъ сторонъ.

— Они сорокъ пять десятинъ, — сказа́лъ Криницкій, — будутъ ничьи — нибы бъ то запасными,—будутъ тѣхъ, кто станетъ на нихъ трудиться. Заведемъ такую шнуровую книгу, въ которую и будемъ каждый день вписывать, сколько часовъ каждый работалъ и что стоитъ его работа. А при концѣ года и будетъ каждый получать изъ дохода. Кто работалъ больше и получитъ больше, кто меньше, тотъ и получитъ меньше.

— А якъ же зъ выноградныками та садками? на ихъ же не годъ, не два треба працювать... — говорили крестьяне. — Туда тилько клады и клады, а польза колы ще буде.

— Изъ садками и виноградныками тежъ буде. Кто буде працювать въ ихъ, того воны и будуть. Въ той же самой книгѣ будутъ записывать, кто и сколько трудился, а потомъ, когда будетъ польза, тогда и будемъ дѣлить доходъ. Зъ сорока пяти десятинъ пидъ садки и виноградникъ — отойдетъ только десять-пятнадцать десятинъ; да и вы всю землю не сможете сейчасъ обратить въ виноградникъ и садъ, ибо вамъ придется платить и въ банкъ и генералу по четыре рубля съ морга, а гдѣ вы ихъ возьмете на первыхъ порахъ?..

— А якъ же трудыться въ громадському выноградныкови и хазяйстви? раздавались голоса — кожынъ може, чы тилько бидни?

— Перше усего бидни ти, шо не мають роботы; оци бидни навить заразъ будуть брать невелычку плату, шобъ змоглы прохарчуваться нею — а якъ оцихъ людей не хватыть, то тоди прыймать кожного, хто захоче працювать. А потимъ вже не буде ниякои разныци мижъ працею бидныхъ и богатыхъ. Зъ доходу одъ хазяйства и виноградника буде однаково личыця на ихъ працю... Оцымъ громадськымъ хазяйствомъ буде порядкувать оцей чоловикъ, — добавилъ Криницкій и указалъ на „юношу“,— и вы выбирить одъ громады своего уполномоченнаго, такого, котрый добре вмивъ бы весты хазяйство. Я тежъ буду кожынъ мисяцъ прыиздыть и Вѣра може прыиде зовсимъ до дому колынебудь... Съ этими словами Криницкій и юноша ушли обѣдать.

— А васъ до семи потовъ довели, — сказала мать Вѣры Криницкому. — Трудно съ ними столковаться, хотя они въ сущности хорошіе люди и будутъ слушать васъ.

---

*) Въ Подольской губерніи земля измѣряется польскими моргами въ 1317 кв. сажень.

— А какъ вы думаете? спросилъ его генералъ, который безъ посторонней помощи не могъ подняться, — не подымутъ крестьяне изъ-за этого бунта?...

— Бунта? — удивленно переспросилъ Криницкій, какъ бы не довѣряя своему слуху. — Нѣтъ, они жъ сами указали бѣднѣйшихъ... они всѣ согласны.

— Это они при васъ такъ, а уѣдете, богачи пойдутъ къ Ерофѣеву и напишутъ доносъ на меня и на васъ... Я ужъ ихъ не боюсь, а васъ станутъ тащить по тюрьмамъ. А юношѣ это и совсѣмъ повредитъ.

— Я тоже не боюсь... — отвѣтилъ Криницкій. А юноша ко всему приготовился уже.

— Чы не можна, барынъ, подилыть и тыхъ сорока пяти десятыни на полосы? обратились крестьяне къ Криницкому, когда онъ вышелъ къ нимъ проститься. Такъ бы намъ простище було, а це громадське хозяйство намъ не подобается.

— Нехай воны зостаються про запасъ. Це разъ, а друге вы сами побачыте, що на громадському буде бильша польза. Це вже такъ буде непорушымо. Я напышу все оце на бумагу, пошлю ту бумагу вамъ и Вѣрѣ и якъ вона сгодыться тоди и генералъ пидпыше и оддасть вамъ на руки на викы вични...

— Намъ ничого не прысылайте, бо выдеруть... говорили крестьяне.

И Криницкій съ юношею поклонились громадѣ и поѣхали. На вокзалѣ ихъ дороги расходились: юноша ѣхалъ на практику въ училище винодѣлія и садоводства. За весну и лѣто онъ долженъ былъ изучить всѣ пріемы работъ, чтобы съ осени приступить къ дѣлу.

Августовское солнце, несмотря на ранній часъ, сильно жгло. Урядникъ поднялся на гору по дорогѣ въ уѣздный городъ и глазамъ его представилась Мардаровка, лежавшая въ сторонѣ. Мысль урядника, смутно блуждавшая, какъ-бы озарилась. Онъ увидѣлъ замокъ на скалѣ. Это, значитъ, по дѣлу генеральской дочки, — подумалъ онъ.—Написано „секретно“ и „по важному дѣлу...“ Не въ первый разъ ему вѣдь приходилось ѣхать по ея дѣламъ.—Они съ жиру бѣсятся, а ты изволь трястись да вытягиваться предъ начальствомъ!.. — проговорилъ онъ, не имѣя никакого представленія о дѣяніяхъ Вѣры, кромѣ ходячихъ фразъ, что она замѣшана въ цареубійствѣ.

— Изъ-за границы можетъ прибыть Вѣра Кузнецова.. — сказалъ исправникъ, — смотри, не проспи, а то въ 24 часа прогоню съ мѣста: дѣло важное...

Былъ поздній вечеръ; урядникъ въ этотъ же день рѣшилъ исполнить волю начальства; вмѣстѣ съ сотскимъ онъ прокараулилъ всю ночь, шатаясь по парку и добираясь до заколдованнаго замка. Тамъ и безъ того плохо спали по случаю болѣзни генерала, а въ эту ночь окончательно рѣшили, что воры подбирались къ нимъ, вызывая нестерпимый лай собакъ.

— Знай же, морда буде бита, если проспишь генеральскую дочку—съ этими словами, обращенными къ сотскому, урядникъ уѣхалъ на разсвѣтѣ.

Генеральша стряпала въ кухнѣ съ Грыцькомъ, когда появился сотскій. Вызвавъ ее въ коридоръ, онъ шепотомъ сообщилъ о возможности пріѣзда Вѣры. Генеральша всякое извѣстіе, касавшееся Вѣры, хотя бы оно шло изъ полицейскихъ рукъ, считала самымъ дорогимъ. Она вынесла сотскому двѣ рюмки водки. Сотскій и безъ этого былъ свой человѣкъ, сосѣдъ; и теперь, получивъ моргъ земли, готовъ былъ стоять за барышню горой.

— Якъ буде трусъ, то я заразъ васъ звистю... — сказалъ онъ, уходя.

Генералъ лежалъ и глядѣлъ на Днѣстръ. Только онъ одинъ, быстротечный, не обнаруживалъ никакихъ перемѣнъ. Лѣсъ, украшавшій правый берегъ, былъ вырубленъ. Садъ, окружавшій замокъ, давно высохъ. Часть замка, выходившая на рѣку, разрушилась и генералъ лежалъ уже на развалинахъ. Жизнь и время всюду здѣсь внесли опустошеніе. Въ душѣ этого, никому не нужнаго, бывшаго лишь тяжестью для окружающихъ, человѣка тоже было пусто. Еще въ прошломъ году онъ думалъ свалиться прямо со скалы въ Днѣстръ. Но теперь эта мысль не могла имѣть мѣста. Онъ былъ недвижимъ. Жалкіе остатки ногъ и руки были парализованы. Всѣ отправленія онъ производилъ при помощи другихъ. Мучаясь и муча другихъ, этотъ человѣкъ, вѣрившій въ Бога, возроптал и на него. У него не было кому жаловаться на несправедливости жизни. — „Очевидно, нѣтъ хозяина надъ нашею жизнью... всѣ мы здѣсь сироты...“ — говорилъ онъ. Самою страшною для него была мысль о болѣзни жены. Что онъ тогда будетъ дѣлать?.. Мысль о Вѣрѣ казалось ни на минуту не покидала его и это только одно и осталось у него, чѣмъ онъ жилъ.

Столь сильное у Вѣры чувство родины было отравлено волненіями при переходѣ чрезъ границу. „Техникъ“ спеціально ѣхалъ съ нею, чтобы провести ее въ видѣ контрабанды. Темная ночь и эта спасительная кукуруза, которая какъ-бы нарочно посѣяна контрабандистами, оврагъ и топкое болото должны были выручать ихъ изъ бѣды. Былъ, кромѣ того, у техника револьверъ большого калибра и онъ не отдалъ бы безъ боя своего товарища ранняго дѣтства. Почему-то именно здѣсь, у этихъ трехцвѣтныхъ столбовъ съ двуглавымъ орломъ, технику вспомнилось это дѣтство, въ которомъ Вѣра играла такую большую роль. Въ голову его лѣзла первая встрѣча съ нею. Она училась въ Одессѣ, въ гимназіи, а онъ — сынъ путевого сторожа близь Мардаровки — въ желѣзнодорожномъ техническомъ училищѣ. Не разъ они ѣхали на одну и ту же станцію. То было время, когда люди быстро знакомились. Отважный Левъ Запорожецъ (настоящее имя техника) былъ слишкомъ выдающимся, чтобы его не замѣтить во время каникулъ на этой маленькой станціи. Въ вагонѣ III класса онъ велъ настоящую пропаганду; случайно они здѣсь встрѣтились съ Вѣрой, которая уже по принципу ѣздила вмѣстѣ съ народомъ. И съ этихъ поръ они большіе друзья. Уже въ семнадцать лѣтъ Левъ съ тюкомъ прокламацій въ темную ночь пробирался по этой топи. Съ тѣхъ поръ онъ десятки разъ переходилъ границу и переводилъ товарищей и знаетъ всѣ ея извилины. Правда, на этотъ разъ грузъ у него поопаснѣе и подороже, чѣмъ прокламаціи!.. Вѣра — душа соціализма, благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ, даже по отзыву этой „черствой души“, проникнутой марксовскимъ матеріализмомъ.

Лежа въ кукурузѣ, Левъ дѣлалъ внушеніе своей спутницѣ — ни въ какомъ случаѣ не кричать и быть молодцомъ. — Знайте, что болото не будетъ нигдѣ выше пояса, а къ этому мы приготовились... Въ такую темь ни одинъ пограничникъ не пойдетъ, можно перейти границу и помимо болота... Жуткое чувство охватило Вѣру, когда она увязла выше колѣнъ въ топи. Левъ своей мускулистой рукой буквально тянулъ ее, несъ на спинѣ одежду и пукъ прокламацій. Безъ этого онъ не могъ обойтись даже на этотъ разъ. Когда бѣглецы прошли полверсты болота, то показалась кукуруза. Промчался разъѣздъ, послышался вдали выстрѣлъ. Бѣглецы притаились и, собравшись съ силами, принялись бѣжать въ кукурузу.

Подъ утро верстъ за двадцать отъ границы въ винограднинкѣ молдаванина ѣли брынзу и закусывали сливами и виноградомъ два путника, съ котомками на плечахъ. По ихъ виду, по усталымъ глазамъ можно было подумать, что они давно въ дорогѣ. Они наняли хозяина, чтобы онъ отвезъ ихъ на Днѣстръ. Выспавшись, они двинулись въ путь. Солнце опускалось на далекіе Карпаты. Молдавская каруца медленно двигалась; она достигла высшей точки водораздѣльнаго кряжа; отсюда, какъ на ладони, открылся Днѣстръ, пологая долина, множество поселеній, сады, виноградники. Чудная картина: зеленый коверъ на десятки верстъ и могучій плескъ и шумъ рѣки въ изстрадавшейся душѣ Вѣры отразились аккордомъ изъ другого міра. И она заплакала. Въ эту минуту представились съ наибольшею ясностью всѣ ея бѣдствія, вынырнуло на поверхность все то, что въ будничной жизни никогда уже не появлялось въ ея сознаніи. Вонъ тамъ за десять верстъ на скалѣ виднѣется черное пятно. Отъ него Вѣра не отрываетъ глазъ. Тамъ она увидѣла первыя страданія. Самый близкій для нея человѣкъ былъ безъ ногъ. Уже въ пять лѣтъ она страдала за него, она всю жизнь, гдѣ-бы ни была, его не забывала. Онъ всюду ея какъ-бы преслѣдовалъ; въ самыя трудныя минуты жизни онъ, безногій и жалкій, безпомощный, представалъ предъ нею и говорилъ: „а мы развѣ не люди? развѣ не бѣдствующіе люди?..“ Любовь къ людямъ заложена въ ней тамъ въ полуразвалившемся замкѣ, гдѣ Вѣра была центральнымъ пунктомъ — надеждой и радостью... И въ этомъ отношеніи надъ безногимъ человѣкомъ жизнь насмѣялась, какъ и въ лучшую пору его жизни.—А что, если онъ умеръ?—промелькнула страшная мысль у Вѣры, — и она не отдала и послѣдняго долга. А вѣдь онъ готовъ былъ за нее жизнь отдать.

Была ночь темная, безлунная. Мардаровка спала, только одинъ сторожъ церкви очевидно бодрствовалъ. Онъ только что прозвонилъ десять часовъ. Тутъ, у скалы, силы Вѣры совсѣмъ ослабѣли. Левъ взялъ ее на руки и вынесъ на этотъ массивъ. Въ замкѣ виднѣлся слабый огонекъ.

— Ну, теперь я уйду, теперь наши дороги врозь; смотрите же, не попадитесь... И товарищъ дѣтства, героическій Левъ, крѣпко обнялъ ее, какъ-бы напутствуя, и самъ скрылся. Ему нужно еше пятнадцать верстъ махать, чтобы повидать отца и мать, а затѣмъ онъ повезетъ всяческія порученія въ Одессу, Кіевъ, Екатеринославъ и другіе фабричные центры.

Крадучись, пробирается Вѣра по прогнившимъ поламъ и попадаетъ въ полуосвѣщенную комнату. Она кажется пустой, но Вѣра пристально всматривается... Въ углу на кровати лежитъ... лежитъ ея отецъ При тускломъ свѣтѣ и закрытыхъ глазахъ онъ казался мертвымъ, казалось, что онъ на вѣки закрылъ свои глаза.

— Папа!.. папа!.. она вскрикнула въ ужасѣ и въ эту секунду въ глубинѣ ея пошевельнулась мысль, какъ остріе ножа:— можетъ быть, онъ мертвъ...

— Это... ты, Вѣра... иди, иди я еще живъ... онъ хотѣлъ пошевельнуться, но не могъ. Собравшись съ силами, онъ продолжалъ:—сядь возлѣ меня, не бойся... Вѣра стала цѣловать его и онъ какъ-бы ожилъ и заплакалъ.

— Побудь со мной... — съ трудомъ проговорилъ онъ, — знаешь, какъ мы съ тобой въ дѣтствѣ... были только вдвоемъ... Любилъ я тебя, моя Вѣра.

— Прости и прощай... все прости... тебя лишила, другимъ сторицею отдала... Родина звала насъ и мы ей понесли все, что у насъ было... прости...

— Вѣрю и знаю... сказалъ безногій и безрукій человѣкъ — и умру спокойно... не напрасно жилъ на свѣтѣ... Никого не буди, дай на тебя поглядѣть.

Мать была здѣсь же, за перегородкой. Она все слышала, но не хотѣла мѣшать этой исповѣди, краткой, и ясной... и послѣдней. Она повисла на шеѣ дочери и долго онѣ сидѣли молча; старика подняли на подушки и онъ старался сидѣть. И три тѣни казались призраками въ полуразвалившемся замкѣ, въ которомъ человѣкъ могъ жить по какому-то недоразумѣнію мачехи-судьбы. — Вырвать васъ отсюда и увезти за границу... — вырвалось у Вѣры. При этихъ словахъ на лицѣ старика пробѣжала тѣнь страданія... Умру тутъ, гдѣ столько страдалъ... Позови крестьянъ, исполню твою просьбу Вѣра и умру. Генеральша, непохожая на себя, вся торжествующая, надѣвшая чистое свѣтлое платье, которое десятки лѣтъ уже лежало въ гардеробѣ, рано утромъ вела секретный разговоръ съ сотскимъ о заготовкѣ пары быстрыхъ лошадей и о созывѣ громады.

Черезъ часъ была громада у замка. Вѣра издали наблюдала лица крестьянъ. Надъ ними какъ призракъ витало одно слово „земля“. Только оно одно способно было оживить эти, повидимому, безжизненныя массы. Трудъ, пьянство и нужда ослабили ту первобытную силу народа, которая вѣками накопилась, благодаря земельному простору. Обезсиленный и невѣжественный народъ ожидалъ, — чего онъ ожидалъ? земли и счастья. Въ немъ все таки таилась искра чего-то высшаго, божественнаго. Богъ и генералъ въ глазахъ этой массы были непоколебимыми авторитетами. Массѣ и казалось, что милость то божеская и снизойдетъ чрезъ генерала. Но годы шли, а милости-то этой не было... — Забыли про васъ и про меня и тамъ въ столицѣ и на небѣ... — когда-то какъ-бы въ шутку сказалъ генералъ. И эти слова тоже циркулировали по всей окрестности.

И замокъ, внушавшій ужасъ при крѣпостномъ правѣ, давно сталъ пристанищемъ всѣхъ надеждъ мардаровцевъ. Вотъ они и теперь стоятъ безъ шапокъ. Замокъ таинственно безмолвенъ, въ немъ какъ-бы происходитъ какое-то священодѣйствіе. Тамъ готовится послѣдній актъ вѣковой драмы — борьбы за землю. Вѣра собственноручно написала дарственную со всѣми условіями и завтра уже обитатели замка будутъ встрѣчаться съ крестьянами, какъ равные между собой.

Дверь отворилась, вынесли два человѣка на носилкахъ полуживого человѣка, — за нимъ шло то существо, которое въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій было предметомъ всѣхъ помысловъ ихъ. Сотни глазъ съ удивленіемъ устремились на нее. Вѣра поклонилась и хотѣла сказать: здравствуйте, наши друзья... Но губы ея пошевельнулись, а языкъ онѣмѣлъ и на глазахъ показались слезы. Произошла нѣмая сцена. — За васъ я думала и билась, но темная сила слишкомъ еще велика, не одолѣли ея... Эти слова она хотѣла выговорить... Но въ толпѣ было произнесено магическое слово „Вѣра“. „Вѣра и земля“ въ понятіи крестьянъ были неразлучны. Толпа какъ-бы замерла, никто даже не пошевельнулся. Люди какъ-бы застыли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ ихъ засталъ выходъ Вѣры. Водворилась торжественная тишина. Только шорохъ листьевъ да вѣчный шумъ Днѣстра явственно отражались въ людскихъ душахъ. Души эти на время забыли даже самое главное — мысль о землѣ. Помыслы о вѣчности взяли верхъ надъ земными. И они стояли, скрестивши руки.

— Не смогли мы безъ вашей помощи... сказала Вѣра съ поникшей головой, — добыть вамъ всей земли... Пройдетъ еще одно поколѣніе, пока вся земля станетъ вашею, много погибнетъ борцовъ въ бою... А теперь возьмите нашу маленькую лепту... И при этихъ словахъ она взяла въ руки дарственную.

Чтеніе ея какимъ-то диссонансомъ отражалось въ этой тишинѣ. Но самымъ трогательнымъ актомъ была подпись генерала, который уже совсѣмъ не владѣлъ рукой. Вѣра взяла эту руку и произвела его подпись.

— Она вамъ будетъ судьей!..—сказалъ онъ и закрылъ глаза.

Былъ вечеръ. Генеральша проводила дочку далеко, далеко опустѣвшими полями и на краю лѣса уложила въ возъ съ сѣномъ и ее увезли два молодца-парня окольными путями на третью станцію. Нехотя она возвращалась въ домъ — пустой и неприютный. Въ передней она встрѣтила станового, который часто навѣщалъ замокъ. Ей была особенно непріятна эта встрѣча въ данный моментъ. Она уже знала, что приставу сообщилъ Ерофѣевъ, узнавшій о пріѣздѣ Вѣры отъ шпіоновъ. Лгать ей не хотѣлось, старуха на первыхъ порахъ хотѣла даже совсѣмъ уйти. Однако, на встрѣчу ей вышелъ неизмѣнный Грыцько. Видъ его былъ встревоженъ. — Померли!.. — сказалъ онъ какъ-то особенно. — Царство имъ небесное!.. я закрылъ глаза...

Приставу при этихъ словахъ сдѣлалось неловко, онъ поклонился генеральшѣ тоже какъ-то особенно и сейчасъ же ушелъ, не сказавъ ни слова. Эта смерть была какъ-бы укоризной людямъ, она повисла надъ Мардаровкой и на время затмила всю жизнь ея. Безногій человѣкъ давно казался людямъ неумирающимъ.

Криницкій еще до пріѣзда Вѣры получилъ телеграмму о смерти ея отца.

И первое слово, какое онъ ей сказалъ, встрѣтивши ее въ Мотовиловскомъ лѣсу, было о смерти отца. И вспомнила Вѣра всю жизнь этого человѣка. Что-то сдавило ея горло и слезы выступили. — Устройте меня и поѣзжайте...— сказала она Криницкому.

— Ваша дарственна не вартъ и шага... говорилъ одинъ изъ дукарей въ Мардаровской расправѣ, наполненной людьми, послѣ похоронъ генерала и обѣда въ замкѣ.

— Вона не формальна и немае ни якои сылы... кожынъ день васъ можутъ выгнаты зъ вашои земли и садки ваши пропадуть. Це тилько одна пастка для васъ, щобъ васъ окрутыть.

— Не клопочысь, Михайло, за нашу дарственну... Нехай насъ сгонять зъ земли, тоби отъ цего не буде хлопоту... — кричала бѣднота. — Не лизьте вы, дукари, кровопыйци, до насъ... до Ерофѣева рушайте на пораду, тутъ вамъ не мисто.

— Мы таки жъ люде, якъ и вы, — отвѣчали богатѣи. — Дѣлить землю по душамъ, бо дарственна не годыця.

— Нехай не годыця, не клопочиця и не лизьте до насъ...—кричала снова голота и дѣло доходило до драки. „Бунтъ" же нуженъ былъ Ерофѣеву и сосѣднимъ панамъ, чтобы вмѣшаться въ это дареніе, всполошившее крестьянъ во всей окрестности.

— Генералъ сто разъ наказувавъ, щобъ земля его дукарямъ не досталась!.. — старался перекричать всѣхъ сотскій, ближайшій сосѣдъ генерала.

— Не крычы, голубчыку, не довго будешь крычать — зъ старостою покрылы Вѣру, въ Сибирь за це пидете...

Угроза Сибирью была каплей, переполнившей чашу. Даже староста, всегда шедшій рука объ руку съ дукарями, побагровѣлъ и завопилъ: Люде добри! пакують меня дукари зъ Ерофѣевымъ... Чуть не чувъ, знать не знаю, що барышню треба було обрыштувать... Отъ яка ихъ правда!

— Найшовъ у кого шукать правды—у грабителей! иронически замѣтили молодые крестьяне.

— Якъ наша дарствена — фальшива, ходимъ до пана.. — кто-то сказалъ изъ толпы. — Сама барышня просыла слухать цего пана... И толпа вся двинула къ замку.

Въ это время генеральша и гость, покончивъ безконечные хлопоты съ похоронами, сидѣли на крыльцѣ и отдыхали душой. Въ опустѣвшемъ замкѣ не было ни души. Слуги генерала ушли къ себѣ домой; причемъ Грыцько уже нарядился въ генеральскую шинель и пошелъ въ расправу слушать о дѣлежѣ земли.

— Не буду жить одна... проговорила генеральша послѣ долгаго раздумья — замокъ мнѣ опротивѣлъ... Въ 1863 году я только что вышла замужъ за покойнаго, а тутъ такое несчастье стряслось надъ нимъ... такъ и пропала моя жизнь... Одна Вѣра... Всюду за нею пойду и въ тюрьму и на каторгу... И старуху, заживо погребенную на десятки лѣтъ съ больнымъ человѣкомъ, потянуло къ дочери.

— Собирайтесь, поѣдемъ и мы васъ отправимъ за границу чрезъ Финляндію... — сказалъ Криницкій. По лицу его пробѣжала радостная улыбка. Вотъ какое большое удовольствіе я доставлю Вѣрѣ!—подумалъ онъ. Разговоръ ихъ былъ прерванъ голосами, доносившимися съ улицы. Говоръ становился все слышнѣе и слышнѣе. И предъ замкомъ выросла цѣлая толпа. Староста держалъ въ рукахъ дарственную.

— Кажуть дукари, що дарственна наша никуды не годыця, бо вона ниде не завирена — сказалъ онъ.

Криницкій самъ то ее и составлялъ съ юристами.

— Брешутъ воны, — сказалъ онъ, — вона настояша дарственна, не хлопочиця за це.

— А продать по ній можна? спросилъ одинъ изъ богатѣевъ, затесавшійся въ толпу.

— На що намъ продавать? спрашивали крестьяне, — то вы, хрыстопродавци, барышуете землей, а намъ колы бъ зъ голоду не вмерты.

— Именно генералъ и Вѣра такъ и хотѣли, чтобы вы не продавали и не нанимали этой земли.

— Та на що намъ тамъ продаваты... — и съ этими словами люди двинули на самую землю, пригласивъ съ собой и Криницкаго.

— Оце буде громадська частына, — сказалъ онъ, указывая на полосу, лежавшую рядомъ съ паркомъ, а тамъ мѣряйте свои сто полосъ.

Раннимъ утромъ генеральша въ знакомой уже намъ колымагѣ и Криницкій ѣхали на станцію. Замокъ былъ пустъ. Остался сторожить его старый Грыцько, но и онъ пошелъ на дѣлежъ. А тутъ въ долинѣ сотни людей съ аршинами и саженями въ рукахъ по четвертямъ мѣрили ту землю, которая ихъ такъ долго волновала. Былъ солнечный день, лучи солнца милліонами искръ падали на мутныя воды Днѣстра. Старикъ ночью разошелся. Запоздалое таяніе карпатскихъ снѣговъ выгнало воду изъ береговъ и вся долина съ виноградниками и садами была залита. Масса водъ какъ-бы приступомъ брала твердыню, на которой стоялъ замокъ, представлявшій полуразвалившуюся храмину. Но женщина эта даже не посмотрѣла на эту массу водъ. Этапъ для нея здѣсь длился слишкомъ долго — около тридцати лѣтъ, захватившихъ всю ея жизнь. Пріѣхала она сюда во цвѣтѣ лѣтъ, прямо изъ столицы, и погребла здѣсь жизнь!

Варварскій строй жизни отнялъ у нея близкихъ и дорогихъ людей... Такой же храминой она уѣзжаетъ, какъ и этотъ замокъ... А вѣдь счастье такъ улыбалось...

Въ глухомъ лѣсу стояла сторожка; въ ней жилъ лѣсникъ. Здѣсь-то Криницкій не разъ укрывалъ людей, за которыми гонялись ищейки. Въ ней отдохнула и Вѣра. Сюда долженъ былъ прійти и юноша изъ Ольшаны — будущій руководитель громадського хозяйства въ Мардаровкѣ. Съ самаго утра она его поджидала. Юноша не заставилъ себя долго ждать. Онъ пришелъ съ ружьемъ чрезъ плечо и съ сумкою, въ которой Оля посылала все необходимое для своей дорогой Вѣры. Эта Вѣра въ Одессѣ во время оно въ пору самаго разгара революціоннаго движенія, когда мать Оли вся ушла въ работу, — няньчила и выносила съ отцомъ Олю — такое хрупкое созданіе.

— Оля кланялась, цѣловала васъ и передала вамъ харчи...— проговорилъ юноша, пришедшій въ большое замѣшательство при видѣ того человѣка, о которомъ такъ много слыхалъ самого дорого для него.

— Я тоже много слыхала о васъ, — сказала Вѣра, пристально всматриваясь въ это смуглое, загорѣлое лицо и глядя на его мозолистыя руки, которыми юноша вотъ уже два года работалъ на опытныхъ плантаціяхъ и фермахъ, изучая всѣ детали хозяйства.

— Кланялся вамъ Сергѣй... — прежде всего сказалъ юноша. — Провожали мы его въ Сибирь. Уже изъ вагона онъ крикнулъ:—напишите „Еленѣ“ (кличка Вѣры въ партіи) и кланяйтесь... Хорошій и честный человѣкъ... Сколько жъ и мучили, его—два года продержали въ тюрьмѣ! Это воспоминаніе на время омрачило красивое и спокойное лицо Вѣры. Но она скоро пришла въ себя и перешла прямо къ дѣлу. Въ глазахъ загорѣлся какъ-бы огонекъ и вся она оживилась.

— Вы должны всѣхъ насъ замѣнить, — сказала она. — Всѣ мы не можемъ работать въ деревнѣ. И только вы одинъ избѣжали пока преслѣдованія... Смотрите, не попадайтесь... — Отдайтесь этому нашему дѣлу цѣликомъ, забудьте, что существуетъ міръ. Этотъ опытъ долженъ разрѣшить всѣ наши сомнѣнія и разногласія... За границей крестьянина нашего ставятъ ни во что, говорятъ, что онъ только реакціонная сила и что о немъ и думать не слѣдуетъ. Я убѣждена въ другомъ — создайте для нашего народа благопріятныя условія, дайте ему въ руководители просвѣщенныхъ людей, онъ въ двадцать лѣтъ переродится и станетъ неузнаваемымъ... всѣ наши крестьяне станутъ соціалистами — представителями справедливаго строя. Чувство правды у нихъ еще теплится, несмотря на то, что его такъ долго вытравляли.

Послѣ такого вступленія юноша началъ излагать свой проектъ, одобренный уже цѣлою группою свѣдущихъ людей въ хозяйствѣ.

— Я ничего въ этомъ не знаю,—сказала Вѣра,—одно только скажу, что нашъ братъ можетъ аккуратнѣе выполнить въ хозяйствѣ ту работу, которую дѣлаетъ крестьянинъ, но за то у него больше опыта и указаній его опыта не избѣгайте.

— Не полагаясь на свои силы, — сказалъ „юноша,“ — мы пригласили на осень студента Петровской академіи, уроженца вашей мѣстности, знающаго тамошнія условія. Нужно сразу поставить дѣло такъ, чтобы паны и крестьяне не могли подъ насъ подкопаться ..

— Нужно употребить всѣ силы на то, чтобы, во-первыхъ, доказать возможность жизни безъ эксплуатаціи народа, и, во-вторыхъ, — создать привлекательныя условія для труда... Теперь этотъ трудъ, какъ проклятіе какое-то тяготѣетъ надъ душами людей... — говорила Вѣра, стараясь заразить юношу тѣмъ же идеализмомъ, которымъ она была преисполнена.

— Тяготѣетъ и долго будетъ еще тяготѣть... и не намъ, слабымъ, разбудить этотъ великій народъ. На чашку вѣсовъ нужно, однако, положить все, не исключая и жизни, если бы это оказалось нужнымъ... сказалъ серьезно „юноша“. Послѣ этихъ словъ піонеры долго сидѣли молча. Вѣра смотрѣла на этого юношу и вспомнились ей нескончаемые споры о народѣ. Врутъ же они... — подумала она,—развѣ онъ - не доказательство того, что народъ нашъ способенъ на развитіе!..

— Знаете, что я вамъ скажу... — проговорилъ юноша, выходя какъ-бы изъ задумчивости. — Часто мы васъ вспоминали и на душѣ было намъ легче... Не было бы такихъ людей, не стоило бы и жить. Въ дѣлахъ людей можетъ быть что-то такое, что создаетъ новую жизнь...

— Я также думаю, что дѣла наши не умирающи... — сказала съ чувствомъ и серьезно дѣвушка. — Насъ могутъ уничтожить, но дѣлъ нашихъ уничтожить не могутъ. Они, эти дѣла наши, есть та искра свѣта, безъ которой человѣчество сбилось бы съ пути... Когда вдумаешься въ жизнь народа, обнимешь взоромъ всю ту неправду, которая угнетаетъ его, то и на одну минуту не задумавшись, отдалъ бы всю жизнь на его благо... Такою любовью и искренностью вѣяло отъ этихъ словъ ея! И этого человѣка нельзя было бы не любить. Юноша, казалось, всю жизнь отдалъ бы за возможность по крайней мѣрѣ разъ въ день видѣть его.

Юноша ушелъ; на прощанье онъ крѣпко пожалъ Вѣрѣ руку и посмотрѣлъ взглядомъ, полнымъ любви. Заходившее солнце сквозь густую листву посылало слабые лучи. Поразительная тишина, водворившаяся въ лѣсу, и охватившее Вѣру одиночество болью отражались въ ея душѣ. И юноша, счастливымъ ушедшій отъ нея, долго еще стоялъ предъ нею, какъ живой. Въ немъ были всѣ качества, присущія народу, — простота и искренность и серьезное отношеніе къ дѣлу.

Въ концѣ августа въ Мардаровской расправѣ ожидали пріѣзда начальства. Четверкою въ фаэтонѣ ѣхали запустѣлыми полями, въ которыхъ торчали только остатки отъ убранной кукурузы да бахчей, исправникъ, жандармскій полковникъ и прокуроръ. Еще при выѣздѣ изъ города полковникъ передалъ исправнику бумагу, привезенную отъ губернатора. Это было письмо д. с. с. Ерофѣева, въ которомъ онъ сообщалъ „о броженіи среди крестьянъ, вызванномъ революціонеркою Вѣрою Кузнецовою и проектомъ соціалистическаго хозяйства на землѣ, высочайше пожалованной генералу Кузнецову... Земля эта, какъ принадлежащая теперь за смертью генерала его дочери, государственной преступницѣ, должна быть конфискована по такой-то статьѣ". Дальше шло сообщеніе о сотскомъ.

— Ерофѣевъ напрасно пишетъ, — сказалъ исправникъ, котораго онъ уже донялъ своими писаніями, — ему самому хочется прибрать къ рукамъ эту землю...

— Не только Ерофѣевъ пишетъ, — вставилъ прокуроръ, — ко мнѣ пріѣзжалъ графъ Грохольскій и онъ говорилъ, что дареніе земли мужикамъ вызвало броженіе всѣхъ крестьянъ; они приходили къ своимъ помѣщикамъ, чтобы получить даромъ землю.

Полковникъ, все время думавшій о томъ, чтобы въ Петербургѣ не узнали о пребываніи Вѣры въ его губерніи, заявилъ:— генералъ былъ воленъ свою землю отдать хотя бы чорту, какое кому до этого дѣло, а сотскій за то, что не задержалъ преступницу, подлежитъ высылкѣ на основаніи усиленной охраны... Вы его сейчасъ чрезъ тюрьму и пошлите въ Херсонскую губернію.

— А съ соціалистическимъ хозяйствомъ, которое видно изъ дарственной?.. — спросилъ исправникъ.

— До хозяйства намъ нѣтъ никакого дѣла, а за людьми, которые будутъ вести его, имѣйте неослабный надзоръ и паспортамъ ихъ не вѣрьте... Это все мошенники, живущіе по чужимъ паспортамъ... Я долженъ вамъ заявить, что теперь революція уже окончательно подавлена и этихъ „народниковъ" можно оставить въ покоѣ, если только они не будутъ бунтовать народъ.

Вѣсть о томъ, что паны ѣдутъ отбирать генеральскую землю, съ быстротою молніи разнеслась по полямъ и виноградникамъ. Крестьяне бѣжали къ расправѣ. Невообразимый шумъ и крики, доносившіеся до слуха начальства, давали какъ-бы подтвержденіе доноса Ерофѣева о бунтѣ. Но при видѣ начальства въ одну минуту все затихло.

— Дарственну нашу отбирають, хотять отъ насъ отнять шматокъ хлиба... — жаловались крестьяне властямъ, почтительно кланяясь.

— Земли мы не касаемся!.. заявилъ авторитетно полковникъ; — а вотъ насчетъ тамъ всякихъ бредней полуумной дочки генерала, то вы это выбросьте изъ головы, — изъ этого ничего не выйдетъ: будете только даромъ работать.

— Нечего имъ дѣлать, — добавилъ исправникъ, — вотъ они и выдумываютъ громадское хозяйство... Мужику оно ни къ чему. Безъ него онъ жилъ, слава Богу, тысячи лѣтъ и дальше будетъ жить.

— А и справди воно щось не такъ зъ цымъ громадськымъ хазяйствомъ, — говорили крестьяне по отъѣздѣ начальства къ Ерофѣеву.

— По нашему вышло... — кричали богатѣи. — Нѣтъ, не по вашему будетъ... — говорила бѣднота. — Богачи ополчаются, значитъ, дѣло хорошое!

Мардаровка спала. Тишину нарушали звонъ колокольчика, плескъ и шумъ Днѣстра да вопль одинокой женщины, доносившійся отъ хижины бывшаго сотскаго, отосланнаго въ тюрьму.

„Въ мѣстахъ отдаленныхъ“.

Сергѣй былъ запоздалымъ путникомъ. Къ тому времени почти всѣхъ соціалистовъ переслали. Высланный изъ Кіева въ февралѣ, онъ достигъ послѣдняго этапа въ концѣ сентября. Рѣка Лена, по которой онъ шелъ, уже была скована льдомъ. Лѣсистая долина, крутые берега, сложенные изъ красныхъ песчаниковъ и мѣстами покрытые хвойнымъ лѣсомъ, — были безжизненны. Людей, которыхъ массами выслали изъ Россіи, Сергѣй совсѣмъ не встрѣчалъ. Они были гдѣ-то еще дальше. Несмотря на то, что Сергѣй прошелъ уже сотни этаповъ, грязныхъ и зловонныхъ, впереди еще оставалось ихъ много... Начальство въ Иркутскѣ какъ-бы сжалилось надъ запоздалымъ и столь одинокимъ „гостемъ“ и поселило его ближе Якутска, въ Олекминскѣ (городъ на границѣ Иркутской и Якутской губерніи). Сергѣю пришлось просидѣть нѣсколько дней, пока начальство рѣшило его участь. Здѣсь ему было разрѣшено даже отлучаться безъ караула. И Сергѣй дорого цѣнилъ свою свободу послѣ двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ ареста. Этотъ городишко, равняющійся половинѣ Тарасовки, былъ имъ осмотрѣнъ съ энергіей, достойной лучшей участи. Вечеромъ у него въ рукахъ былъ календарь. Сергѣй прочиталъ: 8260 верстъ отъ Кіева... по сорока верстъ въ день... И предъ его глазами предстали эти этапы.— Вотъ зачѣмъ мой отецъ отрывалъ послѣднюю копѣйку на науку! — подумалъ онъ, чтобы занести эти знанія туда, гдѣ въ нихъ никто не нуждается.

— Сто верстъ отсюда по рѣчкѣ до вашего улуса, — сказало ему начальство.

Это была Якутская равнина, на которой въ лѣтнюю пору пасутся большія стада якутовъ, а зимой дуютъ ужасныя стужи и мятели. Вой безконечной тайги объялъ Сергѣя, когда онъ выѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи казака. Этотъ казакъ былъ послѣднею нитью, приведшею его въ страну 50-градуснаго мороза. Нить эта прервалась и Сергѣй очутился въ средѣ якутовъ, которые не знали по-русски. Юрта, въ которой его поселили, была похожа на курень, немазанная, холодная. Первая ночь прошла безъ сна. Не будь у него запасовъ теплой одежды, онъ погибъ бы въ эту ночь. На другой день онъ пустилъ въ ходъ лопату и топоръ, привезенные изъ города. Цѣлый мѣсяцъ онъ таскалъ дрова на спинѣ. Нашлись ему и знакомые — бродяги; онъ просилъ ихъ остаться, но они теперь предпочитали пріиски тайгѣ. Чрезъ недѣлю у него было ружье. Пошли безконечные торги съ якутами. Черезъ мѣсяцъ, когда Сергѣй уже сжился съ юртой и тайгой, начальство прислало другого такого же запоздалаго путника. Это былъ студентъ Петровской земледѣльческой академіи. Сергѣй встрѣтилъ его, какъ родного брата. Нигдѣ человѣкъ не имѣетъ такой большой цѣны, какъ здѣсь, среди неприступныхъ и столь же дикихъ, какъ сама природа, людей. Это былъ спаситель Сергѣя; съ нимъ жизнь пошла лучше. Днемъ они таскали бревна, а ночью варили пищу и читали книги, разсказывали другъ другу до мельчайшихъ подробностей свою жизнь. Сергѣй изучалъ науки, которыя студентъ зналъ, и братія на весну собиралась приступить къ земледѣлію.

Пахота, тасканіе дровъ, ловля рыбы — все это заняло короткое лѣто. Юрта и при ней помѣщеніе для лошади и коровы были полною чашею къ слѣдующей зимѣ. Но далекое начальство заблагоразсудило угнать студента еще дальше. — „Пропалъ весь лѣтній трудъ... — проговорилъ бѣдняга.

Зима безконечна. Юрта будетъ занесена до верху снѣгомъ. Съ двумя штуками скота Сергѣю не справиться. Ужасное положеніе! Сергѣй слыхалъ о томъ, что въ Иркутскѣ новое „либеральное“ начальство. Онъ подалъ прошеніе о переводѣ на югъ къ поселенцамъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришелъ отвѣтъ. Сергѣя переводили на три тысячи верстъ ниже—на Иркутскъ, въ Саянскія горы, на границу Китая. Продавъ за безцѣнокъ свою скотину, Сергѣй двинулся. Снова этапы, но они вели къ людямъ, хотя-бы и бывшимъ каторжникамъ. Въ юртѣ догоралъ огонь. Сергѣй вышелъ окутанный шкурами. Юрта была окружена цѣлыми ярусами бревенъ, образовавшими крѣпость. Теперь онъ оставлялъ ихъ въ наслѣдство якутамъ. Сколько пропало даромъ труда!..

Въ эпоху „мирнаго царствованія“ Криницкій чувствовалъ себя убійственно. Онъ уцѣлѣлъ по недоразумѣнію. Товарищи его были казнены, сосланы въ Сибирь на каторгу или находились въ изгнаніи. Жилъ онъ загнаннымъ, какъ звѣрь въ берлогу. Враждебная среда, окружавшая его, давала себя чувствовать. О работѣ для народа нечего было и думать. Напротивъ, гордо подымали голову всѣ эти помѣщики, сахарозаводчики и фабриканты. Народъ они опутывали сѣтями все тѣснѣе и тѣснѣе. Надъ душами друзей народа, какъ Дамокловъ мечъ, висѣли черныя грозныя тучи. И кругомъ была мертвящая тишина. „Одъ молдавана до финна усе на всихъ языкахъ мовчыть, бо благоденствуе, — давно сказалъ Шевченко. Въ тиши петербургскихъ кабинетовъ происходило „строительство земли русской“. Это была прежде всего забота о новомъ поколѣніи образованныхъ людей. Реформа средней и высшей школы имѣли въ виду предохранить молодежь отъ того „пагубнаго пути“, по которому шли предшественники. Въ новой школѣ не должно быть мѣста кухаркинымъ сынамъ и мужичьимъ дѣтямъ, но въ ней было много мѣста отведено греческому и латинскому языкамъ и римскому праву. Тысячи, десятки тысячъ мѣстъ съ приличными окладами земскихъ начальниковъ, податныхъ и школьныхъ инспекторовъ, акцизныхъ и инженеровъ должны были пріютить цѣлую рать выдрессированныхъ по всѣмъ правиламъ „науки“ молодыхъ людей. И все это легло на спину народа. Все то, о чемъ ходатайствовали аграріи, и сахарозаводчики, и дворяне, и фабриканты, вошло тоже въ строительство законодательное и легло на ту же спину народа. Сорокъ лѣтъ съ мужика брали и ничего ему не возвращали—и въ результатѣ всероссійскій голодъ 1891 - 1892 годовъ!

— Человѣкъ не умираюшъ...—неоднократно говорилъ Криницкій своимъ юнымъ товарищамъ, собиравшимся у него аккуратно по пятницамъ. — Выживаетъ онъ при самыхъ ужасающихъ условіяхъ. И Криницкій жилъ одиноко и замкнуто. Лишь то маленькое существо, которое неизмѣнно всюду слѣдовало за нимъ, облегчало ему жизнь. Оля росла и крѣпла. Жизнь и эти ужасающія письма съ каторги накладывали на нее печать, но все это складывалось больше въ душѣ и не выносилось наружу. Оля была молчалива и печальна. И казалось, нѣтъ ничего въ свѣтѣ такого, что печаль эту могло разогнать. При видѣ этой красивой дѣвочки смолкала шумная молодежь, она какъ-бы отнимала у нея живучесть. Вотъ и теперь въ одинъ изъ вечеровъ, посвященныхъ обозрѣнію народнической литературы, какъ только вошла Оля, присутствующіе прекратили веселыя шутки и отъ нея повѣяло печалью. Жаль было смотрѣть на эту безграничную печаль.

— Подлая страна, — заключилъ Криницкій, — говоря о своемъ краѣ. Тамъ въ столицахъ цѣлая плеяда писателей, Салтыковъ, Успенскій, Златовратскій, Шелгуновъ, а здѣсь у насъ только „Кіевлянинъ“, аграріи да сахарозаводчики!..

— Подождите, расправимъ мы свои крылья и Кіевъ поставимъ на первомъ мѣстѣ... — говорили цвѣтущіе юноши.

Было уже поздно, когда въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Не жандармы-ли? у каждаго явился такой вопросъ. Дѣло въ томъ, что юношество все было учащееся, слѣдовательно, приходъ „гостей“ могъ многимъ и очень повредить. Дѣйствительность скоро убѣдила въ томъ, что это были не жандармы, а нѣчто болѣе страшное. Пришелъ одинъ близкій другъ Криницкаго; чрезъ него онъ получалъ письма съ каторги. Онъ былъ встревоженъ и еще въ передней спрашивалъ: спитъ-ли Оля?

Такое вступленіе ничего хорошаго не обѣщало. Другъ этотъ передалъ письмо. А письма съ каторги были угнетающаго характера. Начальникомъ тамъ былъ человѣкъ, дѣянія котораго были совершенно непонятны съ человѣческой точки зрѣнія. Уже давно тянулась эта, казалось, безконечная драма. Заключенные изнервничались до послѣдней крайности. Криницкому за десятки тысячъ верстъ ужасно было слѣдить за этой трагедіей. Помочь онъ не могъ, а лишь страдалъ. При видѣ письма съ каторги лицо его принимало мрачный видъ и онъ терялъ самообладаніе. И на этотъ разъ по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ чтеніи письма, лицо его вытягивалось и дѣлалось мертвенно блѣднымъ. „Покойная просила меня написать вамъ и дочери, — говорилось въ письмѣ, — что я и исполняю. Она и ея подруги окончили жизнь и свои мытарства... Они отравились послѣ безчеловѣчнаго наказанія розгами одной заключенной, умершей отъ этого истязанія. Вслѣдъ за женщинами приняли ядъ и шестнадцать мужчинъ, но изъ нихъ умерло только два. Положеніе было безъисходное...“

Собраніе выслушало это сообщеніе молча. Ужасомъ повѣяло съ далекаго востока и никто не проронилъ ни одного слова. Юноши тихо, какъ-бы чувствуя въ домѣ покойника, стали уходить изъ дома по одиночкѣ и по два. Казалось, что надвигается на всѣхъ, — на все человѣчество, какая-то невѣдомая еще сила, готовая раздавить все мыслящее и несогласно думающее. Какая-то беззащитность и безпомощность охватила этихъ людей и они казались раздавленными, какъ червь. Казалось, что всѣ успѣхи тысячелѣтней культуры низвергнуты въ бездну и ни правды, ни справедливости, ни здраваго смысла нѣтъ на свѣтѣ...

Криницкій много страдалъ въ жизни и отъ этого въ его существо закралась какая-то темная сила, которая всегда омрачала его жизнь предчувствіемъ чего-то страшнаго — непредотвратимаго, рокового. Онъ давно жилъ съ такимъ предчувствіемъ... И теперь онъ подумалъ: вотъ оно то, что останавливаетъ біеніе сердца и холодитъ нашу кровь.

Печаль, какъ зловѣщій воронъ, завладѣла имъ и онъ прошепталъ: теперь ужъ не увидимъ „никогда“. И боязнь за дочку, которая мирно спала, ничего не вѣдая, все росла и росла, какъ новая грозная туча.

Судьба гонимаго Яремы.

Минуло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Ярему выслали въ Херсонщину. Въ Рогахъ произошло много перемѣнъ. Польскій панъ проигралъ большой кушъ и экономія перешла къ Терещенкамъ, которые скупили здѣсь болѣе десяти селъ. Въ барскихъ покояхъ помѣстилась „контора“, отъ которой и исходили распоряженія во всѣ стороны. Была ранняя весна. На поляхъ начинали работы. Ярема шелъ изъ ссылки. Три года онъ прожилъ въ Архангельской губерніи. Миновалъ онъ будку дорожнаго мастера. — Гдѣ теперь бѣдняга Слѣдь съ одной ногой? — мелькнуло у него. А вотъ и родныя поля. Но у Яремы ни борозды. Заграбили, проклятые, мою землю!.. и его душа переполняется ненавистью. Царапали ралами крестьяне свои узенькія полоски, на панскому лану блестѣли сѣялки, желѣзные плуги, экстирпаторы. Возлѣ нихъ ходили угрюмые люди, подгоняемые приказчиками. Все, значитъ, прежнее. И хата Яремы стоитъ попрежнему, только немного покосилась на яръ да крыша обросла мхомъ. Когда онъ вошелъ въ нее, то дѣвочка лѣтъ семи, такая же чернявая, какъ и онъ, дико озиралась на этого странника. — Я твій батько...— сказалъ Ярема и поцѣловалъ ее. Она и послѣ этого какъ-то недовѣрчиво на него посматривала.

— А де жъ Мыхась и Горпына? спросилъ онъ. Дѣвочка только головой помахала и ничего не отвѣтила. — А хлибъ у васъ есть? спрашивалъ онъ.

— Якъ купымъ, то есть... — отвѣчала она.

Пришла жена съ поденщины. Привѣтливо и радушно встрѣтила она Ярему... ни одной жалобы, ни одного упрека. — Будь уже съ нами... — говорила она, — трудно намъ безъ хозяина. Пришли и старшіе дѣти. Они были въ латаныхъ свиткахъ и безъ сапогъ. И сердце Яремы сжалось при видѣ этой нищеты. И они встрѣтили отца съ неподдѣльною радостью. Изъ ихъ словъ можно было заключить, что и имъ трудно жить безъ отца... А Яремѣ вспомнились тюрьмы и безконечные этапы.

— Богъ знаетъ, за что гоняли меня.. — сказалъ онъ, наконецъ. Хотѣлъ бы у васъ хоть немного отдохнуть, забыть все пережитое... А въ экономіи у васъ можно работать?

— Хто его знае: перши собачныки... — говорили дѣти, — тилько хазяины переминылысь, а сипакы осталысь перши... Ще гирши сталы и вамъ ничого и йты въ двиръ... Тутъ таке про васъ кажутъ, що вы проты царя идете и въ Бога не вируете...

Ярема и самъ видѣлъ, что ему нечего надѣяться получить здѣсь работу. Думалъ онъ отдохнуть послѣ утомительной дороги, но и эту мысль онъ долженъ былъ оставить.

Рано утромъ дѣти Яремы отправились на работу. Пошелъ и онъ на линію. Рабочіе разошлись на посѣвъ и его приняли на недѣлю. Что же дальше? эта мысль не выходила у него изъ головы. Думалъ онъ добывать средства волчьимъ оружіемъ, но это не мирилось съ представленіемъ Яремы, который всю жизнь работалъ, какъ волъ. На линіи работали болѣе развитые крестьяне; съ ними Ярема и подружилъ. Въ избѣ старшаго рабочаго они подолгу вечеромъ обсуждали мѣры борьбы съ панами.

Въ одну изъ субботъ Ярема принесъ заработанные десять рублей и заявилъ семьѣ, что онъ отправляется на заработки въ Херсонщину. На линіи работы окончены. — Знову скажуть люде, що въ насъ батька немае... горевала жена. Но она и сама хорошо видѣла, что дѣлать тутъ нечего.

Въ условленномъ мѣстѣ, въ лѣсу на полянѣ, собрались четыре парня изъ сосѣднихъ деревень. Ярема съ торбою за плечами спѣшилъ туда же. Жаль было ему кидать семью. Но семья безъ средствъ — это не семья. Нужду переносить легче каждому въ отдѣльности — такъ ему казалось. Все то, что онъ здѣсь видѣлъ и услышалъ отъ дѣтей, внушило ему чувство мести. — Такъ знайте жъ, господа, отъ що — сказалъ Ярема, расположившись на травѣ.—Никому, даже родному отцу, не говорите, больше не принимайте товарищей. Не выдавайте другъ друга и не бійтысь собачныкивъ.. будутъ бить васъ, отвѣчайте имъ тѣмъ же...

Ярема крѣпко пожалъ руку и ушелъ. Парни сразу по уходѣ почувствовали сиротство, но, вспомнивъ все, разсказанное имъ Яремой, они нашли достаточно силъ для того, чтобы приступить къ дѣйствіямъ.

Стоялъ жаркій май. Въ ночную пору почти ежедневно вся мѣстность озарялась заревомъ. То были пожары въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Жгли сараи и скирды, не исключая и хлѣвовъ, въ которыхъ загонялся скотъ. Со стороны поджигателей проявлялась даже ненужная жестокость. Очередь оставалась за Рогами.

Вечеромъ жена Яремы получила отъ старосты десять рублей, присланныхъ мужемъ съ заработковъ, а ночью она была разбужена грознымъ окликомъ сотскаго:—Ярема дома?

— Та де жъ той Ярема! — отвѣчала жена, вышедшая на дворъ. Съ колокольни доносился тревожный звонъ, а зарево на панскомъ дворѣ освѣщало всю деревню. Крестьяне, убѣдившись что горятъ паны, спокойно возвращались домой. Съ сотскимъ былъ приказчикъ, который и спросилъ:—а хлопци ваши дома?

— Идить дывиться... — сказала жена Яремы.

Разбуженные парни побѣжали на пожаръ. Цѣлое море огня было разлито.

— Слава Богу, що нашого батька немае, а то знову взялыбъ въ острогъ... говорили дѣти Яремы.—Это слава Богу—сто разъ повторяла и его жена.

Свѣтало; дѣти Яремы возвращались съ пожара. Съ ними шла толпа крестьянъ.

— Молодчина Ярема... — говорили люди, — побольше бы такихъ — на землю вернулась бы правда!.. Юноши не понимали смысла этихъ словъ.

— Пошли вонъ, мерзавцы, поджигатели! — кричалъ страшнымъ голосомъ экономъ, увидѣвъ издали сыновей Яремы, пришедшихъ на работу.Онъ, какъ помѣшанный, гонялся за ними съ палкой.

Въ пору молотьбы горѣли панскія скирды, несмотря ни накакую охрану. Жена Яремы бывало выйдетъ ночью на дворъ и смотритъ: пожаръ въ одну сторону, пожаръ въ другую. А одинъ разъ во время молотьбы даже днемъ вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій скирду хлѣба и соломы и паровую молотилку. Страхъ объялъ всѣхъ помѣщиковъ и экономовъ. Деревни были наводнены сыщиками, но виновныхъ не находили. Хотя Ярема все время работалъ въ Херсонщинѣ, но сыщики и урядникъ, нанятый конторой, не давали женѣ его покоя.

Позднею осенью появился въ Роги Ярема. Первымъ долгомъ зашелъ онъ въ расправу уплатить подати. Староста и крестьяне встрѣтили его съ уваженіемъ и сейчасъ послали за бутылкой. Ярема послалъ много упрековъ мужику, несущему въ кабакъ послѣдній грошъ, но отказаться отъ рюмки не могъ. — Ставъ гордымъ — сказали-бы они. Кромѣ того соскучился онъ за своими людьми.

— Тикай, братъ, зъ цего пекла... подвыпивши, сказалъ староста по секрету Яремѣ. И Ярема быстрыми шагами пошелъ домой, чтобы въ сумеркахъ уйти отъ архангеловъ.

Но уже было поздно: у дома его караулили сыщикъ и конторскій урядникъ, который и задержалъ его.

— Напередъ вамъ объявляю—бить не будете... — предупреждалъ Ярема станового. И онъ не былъ битъ. Но зато слѣдователи его долго гоняли изъ Кіевской въ Херсонскую губернію, а, въ концѣ-концовъ, не найдя уликъ, передали жандармамъ. И чрезъ годъ послѣ ареста исправникъ объявилъ Яремѣ, что онъ по распоряженію министра высылается въ Сибирь на три года за вредную дѣятельность среди крестьянъ.

— А жену и дѣтей можно повидать? спросилъ Ярема и получилъ отвѣтъ, что завтра онъ высылается съ этапомъ.

Была лунная ночь. Поѣздъ проходилъ мимо Роговъ. Ярема изъ арестантскаго вагона пристально всматривался въ даль. Тамъ въ одной верстѣ въ ночной мглѣ тонуло родное село. Въ немъ черноокая Маруся, представшая предъ нимъ какъ живая, ожидаетъ отца. Нѣтъ ужъ пусть живутъ безъ меня. Яремѣ нѣтъ больше возврата... — подумалъ онъ и пожалѣлъ, что не вступилъ по возвращеніи изъ Архангельской въ боевую организацію. Возвращусь изъ Сибири... но тогда уже будетъ поздно...

„Соціалистическое хозяйство“.

Радужное настроеніе „юноши“ и сельскохозяйственника студента, пріѣхавшихъ для веденія хозяйства въ Мардаровку, смѣнилось на мѣстѣ безпокойствомъ. Въ ясный сентябрьскій день они пришли пѣшкомъ со станціи къ замку. Работа въ виноградникахъ и по уборкѣ кукурузы были въ полномъ разгарѣ.

— Такъ у насъ ничего нѣтъ кромѣ генеральскаго инвалида Сѣраго... — констатировалъ сейчасъ по пріѣздѣ студентъ.

— Нѣтъ, у насъ есть еще одинъ инвалидъ — дидъ Грыцько! — сказалъ юноша. Дидъ тутъ стоялъ у крыльца.

— У насъ есть ще корова, вона теперь пасецця, — спокойно добавляетъ дидъ. — И сино у насъ есть для цеи скотыны на зыму.

Обзоръ построекъ повергъ юношей въ уныніе: все нужно было чинить, да еще какъ и чинить! Зато пологая равнина, замыкавшаяся съ юга Днѣстромъ, а съ сѣвера возвышенностью, предназначенной для веденія хозяйства, производила чарующее впечатлѣніе. Тамъ, у самаго теченія, стояла какъ-бы на стражѣ большая группа осокорей и буковъ, старательно охраняемыхъ генераломъ отъ хищничества арендаторовъ. Самое теченіе, особенно бурливое у гранитнаго гиганта, гдѣ Днѣстръ сворачивалъ влѣво, образуя уголъ, какъ бы пробуждало энергію человѣка. На противоположной сторонѣ, сколько захватитъ глазъ, были рощи и виноградники. — Будемъ работать, братъ! — сказалъ студентъ, любуясь великолѣпной картиной. Оба они были дѣти земледѣльцевъ; въ ихъ жилахъ текла кровь пахаря. Возвращеніе вспять подымало ихъ энергію, запасенную въ городахъ, откуда ихъ всячески изгоняли конкуренція и ищейки.— Будемъ работать даже если останемся только вдвоемъ! — сказалъ юноша.

Въ эту пору юношѣ представился привлекательный образъ Вѣры, для которой это хозяйство было дѣломъ жизни. Для юноши не было такого труда, который казался бы невыполнимымъ для Вѣры.—И она вернется же когда-нибудь сюда... подумалъ онъ и въ груди его зашевелилось глубокое чувство. Она была для него идеаломъ и высшею любовью.

— Нѣтъ ли охотниковъ къ намъ въ компанію? спрашивалъ юноша выбраннаго громадой представителя.

— Якъ же до васъ приставать? спросилъ крестьянинъ.

— Будемъ работать вмѣстѣ и жить, кормиться и одѣваться, а по окончаніи года, если будетъ остатокъ отъ дохода, то и плату, равную для всѣхъ насъ, будемъ давать...

— Плату давать треба заразъ, — сказалъ крестьянинъ. — Нихто зъ вамы жыть не буде, бо вы, звисно, благородни люде, вы будете исты скоромне, а нашъ братъ буде постыть... Це одне, а друге те, що кожынъ робитныкъ мае на шыи дви, тры души тыхъ, що не можуть робыть... треба плату заразъ... на зиму скилько вгодно буде компаніонивъ, а теперь уси на роботи; на бурякы сыла люда пишла.

— Ну будемъ сами съ дидомъ начинать, — рѣшаютъ юноши и собираются ѣхать на ярмарку за покупкою лошадей и плуга.

— Обманятъ васъ барышныкы, — говоритъ крестьянинъ, предлагая свои услуги.

Черезъ два дня юноши блестящимъ сакковскимъ плугомъ пахали на равнинѣ. Крестьяне считали долгомъ, проходя мимо пахоты, доподлинно убѣдиться въ умѣніи панычей пахать.— Орють добре, ничого сказать... — передавалось изъ устъ въ уста крестьянами.

В[illegible] обѣда собрались крестьяне къ замку. Шла о[illegible] громадскомъ [illegible]радникѣ.—Чый же винъ буде, цей выноград[illegible] [illegible]ывали люди.

- Громадськый — тыхъ, хто буде працювать коло его... от[illegible] [illegible]ноши.

[illegible] дилыть? спрашивали крестьяне.

[illegible]инъ не [illegible], дилытымуть тилько дохидъ зъ его... — объ[illegible] [illegible]дилытымуть такъ, хто бильшъ робывъ коло[illegible] бильше доходу.

Ко[illegible] буде дохидъ? — заявилъ одинъ изъ скепти[illegible] Ерофѣевъ каже, що незабаромъ прыидуть жандармы и за[illegible]нычивъ въ острогъ, тоди и праця ваша марно по[illegible]ше[illegible]

— [illegible]че, Вѣра тому порукою.

— Як[illegible]що, — сказали люди, — на цій земли було-бъ 80 [illegible] по моргу, — цилыхъ 80 симей малы-бъ де садокъ розвести [illegible] огородыну. Саме найкраще роздать ихъ людямъ, а вы, вчени люде, найшлы бъ и безъ цего соби кращу роботу, на що вамъ копаця въ земли?..

— Мы хочемо показать вамъ,— говорили юноши, що не тилько ця земля, а вся мусыть буть громадською. Гуртомъ, громадою працювать легше... якъ буде уся земля громадська, тоди нихто не буде ею барышувать и панувать надъ людьмы.

— Не можна цему буты, — говорили люди, — у насъ зъ громадського ничогисенько не выходыть; кожынъ хоче захопыть и никому его доглядать.

— Бо теперь кожный мае окромъ громадського и свое, а якъ бы винъ не мавъ свого и все було-бъ громадське, то тоди уси взялыся бъ за громадське и воно пишло бъ краще, чымъ теперь, — розумнищый и проворнищый пидганявъ бы малоспосибнаго. Найрозумнищи люде теперъ дбають на свою корысть и нажываються, а тоди сталы бъ дбать на корысть усеи громады.

— Ни, цего не буде, — говорилъ очевидно наиболѣе развитой крестьянинъ, — теперь кожынъ про себе хлопочыця и що мае, то тымъ и обходыця, ни на кого ему жалиця, а то треба було бъ усихъ однаково задоволныть, а це не шутка! Немае такои сылы, щобъ вона взялась тилько прохарчувать увесь оцей мыръ такъ, якъ слидъ. На що вамъ такый примиръ: клычышь ты до помочи килька чоловикъ и то щобъ ихъ задовольныть, то треба не мало клопоту, а самъ винъ у себе исть, що есть. И наши люде можуть жыть зъ такыми злыднями и тилько оця змога и держыть нашого брата на свити... Саме краще подилыть цю землю и кто робытыме, той и матыме, а хто лыдацо, то той нехай голодуе. Щожъ вы зъ нымъ зробыте?

— Булы бъ кращи порядкы [illegible] ак правды, — не було бъ и бидныхъ и [illegible],— говор[illegible] [illegible]юрія — якъ бы подилыть на бидныхъ робитныкивъ все [illegible]беруть помищыки и усяки багати люде иноди безъ уякои [illegible], та зробыть замисть окремного хазяйства [illegible] громад[illegible] [illegible]завесты въ ему найкращи машыны и [illegible] додать [illegible]чи, то тоди бъ уси булы задоволенни [illegible]

Днѣстровская долина одна изъ [illegible] Россіи. Стоялъ теплый и влажный ноябрь; усиленн[illegible] работы по закладкѣ виноградника и сада. Крестьяне, [illegible] свои работы, рѣшили, наконецъ, засадить гуртомъ и громадскій участокъ. „Щобъ тамъ не казавъ Ерофѣевъ, все одно наше бу[illegible] взяло верхъ это мнѣніе и сотни людей съ лопат[illegible] [illegible]дъ руководствомъ юношей, которые, казалось, дост[illegible] [illegible]аго удовлетворенія.

Вчера при закладкѣ питомника виноградныхъ лозъ [illegible]довыхъ деревьевъ на цѣлой полудесятинѣ „юноша“, вид[illegible] [illegible]ужную работу, едва не прослезился и послалъ Вѣрѣ самое восторженное письмо. „Вотъ, что значитъ коллективный трудъ и общеніе интеллигенціи съ народомъ!“ восклицалъ онъ въ немъ и ему въ это время рисовались широкіе горизонты. Этимъ примѣромъ они хотѣли заразить весь край.

— Ну, намъ осталось на завтра только высадить дички въ питомникъ, — заявилъ юноша студенту, прійдя съ виноградника въ сумеркахъ. Весь онъ былъ въ грязи, страшно усталый и голодный. Студентъ оканчивалъ пахоту.

— Посадку дичекъ произведемъ уже оба, — заявилъ студентъ. — Надоѣла мнѣ пахота; мокро, залипаетъ плугъ, лошади еле-еле тащатъ. Пора, пора имъ на покой. Интеллигентъ ни себя ни животныхъ не жалѣетъ!

Юноша ничего не отвѣтилъ товарищу. Весь онъ былъ поглощенъ мыслью о посадкѣ дичекъ. Онъ забылъ усталость и голодъ и рылся въ книгѣ Гоше, чтобы не пропустить какого-нибудь правила при закладкѣ питомника, хотя самъ онъ много разъ наблюдалъ эту закладку.

Дидъ Грыцько принесъ самоваръ и воды для умыванія, принесъ яичницу и миску яблокъ и сказалъ:— буде вамъ въ кныжку дывыться, пора исты .. По обыкновенію юноши диду повиновались во всемъ; во всѣхъ его словахъ была поразительная логика. Въ немъ какъ-бы воплотилась вѣковая народная мудрость. То, что онъ говорилъ и то, что дѣлалъ, было все продумано. Его служба при генералѣ въ теченіе двадцати лѣтъ сдѣлала его замѣчательно аккуратнымъ. Даже своего рода культурность проглядывала во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Дидъ Грыцько былъ просто незамѣнимымъ помощникомъ юношей; на него можно было положиться во всемъ. О Вѣрѣ, которую дидъ Грыцько няньчилъ, онъ былъ самаго высокаго мнѣнія и берегъ добро генеральши, какъ зѣницу ока. Съ панычами онъ жилъ въ большой дружбѣ. Не будь дида Грыцька, они давно умерли бы съ голода. Въ значительной степени они были обязаны въ своемъ успѣхѣ среди крестьянъ диду Грыцьку, который велъ свою линію и пользовался у населенія безусловнымъ довѣріемъ.

„Хоче барышня, щобъ вы засадылы громадою садъ и виноградъ, — говорилъ онъ, — вволить іи волю, на то вона барышня; вона жъ за васъ клопочыця.

Рѣчи юношей и дида Грыцька съ крестьянами имѣли не одно и тоже значеніе. Панычи побудуть, побудуть, тай пойдуть, а дидъ Грыцько, вічный довіренный генеральши—такъ думали крестьяне.

Душа дида Грыцька чуяла, що це дило добромъ не окончится. И батюшка призывалъ его и по секрету распрашивалъ о панычахъ. Молятся ли они Богу и почему въ церковь не ходятъ? И Ерофѣевъ подсылаетъ на каждое собраніе крестьянъ —своихъ вышколенныхъ брехунцивъ. Це все не къ добру... давно рѣшилъ дидъ Грыцько.

Было уже поздно, когда Грыцько вышелъ на дворъ и увидѣлъ, что хлопья снѣга покрыли всю землю.

— Кинець вашымъ усимъ работамъ!.. — заявилъ торжественно дидъ, — Богъ васъ пожаливъ, щобъ вы не переробылысь и пославъ снигъ... — такый валыть!..

— Не вже? съ изумленіемъ сказалъ юноша, недовѣряя дидови, который иногда и шутки шутилъ съ ними, чтобы оторвать отъ книжки. Онъ быстро побѣжалъ лично убѣдиться. И въ коридорѣ столкнулся лицомъ къ лицу съ приставомъ, который пробирался въ замокъ, окруженный полицейскими.

— Нѣтъ, ужъ позвольте назадъ... — сказалъ онъ и юноша оторопѣлъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, — добавляетъ приставъ, — по порученію губернатора, даже генералъ-губернатора, — поправилъ онъ.

Въ головѣ юноши мелькнуло: — это, значитъ, тоже снѣгъ на голову.

— Извините, господа, — сказалъ уже въ комнатѣ становой, — я получилъ непріятное распоряженіе представить васъ исправнику... Самъ лично противъ васъ я ничего не имѣю и ничего противозаконнаго не замѣчалъ... но тутъ у васъ есть своя, такъ сказать, высшая полиція...

— Вѣроятно, въ самой пахотѣ земли интеллигентами заключается преступленіе... — замѣтилъ студентъ. Становой молчалъ.

— Какое же вы получили распоряженіе? — спросилъ онъ.

— Выслать по распоряженію генералъ-губернатора изъ предѣловъ Юго Западнаго края и больше ничего.

— А какъ же мы оставимъ наше имущество?

— Этого я не знаю... Мнѣ только поручено представить васъ завтра къ 10 часамъ утра... Собирайтесь пожалуйста.

— Оказывается, братъ, — проговорилъ студентъ къ юношѣ, — что постройка наша была построена на пескѣ... Юноша молчалъ. Языкъ его не пошевельнулся; онъ стоялъ, какъ вкопанный. Себя онъ не жалѣлъ, жаль было ему любимаго человѣка, у котораго этотъ арестъ отнималъ цѣль жизни.

Обычный конецъ мирной культурной работы.

Три года Сергѣй таскалъ на своихъ плечахъ бревна въ Саянскихъ горахъ на границѣ Монголіи. Но всякій срокъ имѣетъ конецъ. Насталъ онъ и для Сергѣя и онъ изъ Томска уже по рельсовому пути, на деньги, присланныя Марьяной, прикатилъ въ Тарасовку. Мать его давно умерла. Марьяна поселилась въ усадьбѣ Гордіенчихи и наконецъ дождалась того, кого такъ искренно любила съ дѣтства. — Теперь будемъ жить не разлучно... — сказалъ Сергѣй, — и будемъ пахать землю... Кстати и весна только что вступила въ свои права. Вспомнилась Сергѣю та послѣдняя весна, которую онъ провелъ здѣсь дома послѣ изгнанія директоромъ... Но какая перемѣна въ немъ!.. Между тѣмъ Сергѣемъ, полнымъ жизни, и нынѣшнимъ, изстрадавшимся и истерзаннымъ, стали враждебной стѣной безчисленные этапы и тюрьмы, пустыня, якуты, буряты, нужда и безысходное горе... И мысль его не подымается выше самыхъ ближайшихъ предметовъ. Жизнь его низвела съ той выси, на которую поставили юношескія грезы, и придавила къ самой землѣ. Не господинъ ты, а рабъ въ ней, въ этой жизни... Вотъ какимъ образомъ искореняютъ у насъ мысль человѣческую!—какъ-то неожиданно для самого себя Сергѣй сдѣлалъ открытіе. И ему хотѣлось опереться на кого-нибудь близкаго, хотѣлось обогатить свои силы союзомъ съ человѣкомъ болѣе сильнымъ. Любовь къ Марьянѣ проснулась со всей силой. И Марьяна за это время много сдѣлала. По серьезному лицу, по вдумчивому отношенію къ жизни можно было понять, что она много думала. Это былъ человѣкъ, живущій сознательной жизнью. Долгая разлука только подогрѣвала то чувство любви, которое теплилось раньше у нихъ. И она жила мыслью о Сергѣѣ. И эта мысль среди всѣхъ будничныхъ заботъ ея была чѣмъ-то лучезарнымъ. Чѣмъ-то героическимъ и сказочнымъ вѣяло отъ Сергѣя, упрятаннаго за горами, за долами... А онъ пришелъ измученный и ослабленный физически и духовно... Нужно прежде собраться съ силами... — сказалъ онъ. Онъ былъ похожъ на овцу безъ стада, на растеніе безъ почвы. И сидѣлъ онъ противъ Марьяны, полной еще жизни, которая еще, казалось, и не начинала жить. Та тишь, которая окружала ее, и однообразіе жизни, не вызывающее особенныхъ раздраженій нервовъ, способствовали сохраненію физическихъ силъ. Духовныя силы ея тоже находились какъ-бы въ дремотномъ состояніи.

— Жизнь стала болѣе сознательною... — сказала Марьяна. — Крестьянскіе идеалы, — идеалы пахаря отходятъ на второй планъ, нѣтъ условій для ихъ осуществленія... Наемничество процвѣтаетъ по всей линіи. Теперь эпоха наемничества... и печальная складка на лбу ея, широкомъ и открытомъ, при этомъ какъ-бы увеличилась. На ея лицѣ, дышавшемъ патріархальной простотой была написана затаенная мысль: кому слѣдуетъ отдать преимущество, пахарю или наемнику?.. — Зимой читаемъ книги... — продолжала Марьяна, — у насъ прекрасная безплатная библіотека. Намъ прислали изъ Вольно-Экономическаго общества. И школа наша даетъ много знаній. Такихъ развитыхъ хлопцевъ мы изъ нея выпускаемъ! Это просто — соль земли... И кредитное товарищество мы устроили. Жаль только, что теперь у насъ уже закончились занятія со взрослыми, ты бы увидѣлъ прежнихъ своихъ школьныхъ товарищей... Вотъ послушаешь, какъ они теперь разсуждаютъ обо всемъ. Эти въ обиду не дадутъ себя, во всемъ постоятъ...

И Сергѣй началъ снова какъ-бы ощупью входить въ жизнь. Не видно было у него прежней вѣры въ свои силы и людямъ онъ ничего не могъ дать. Попрежнему онъ тяготѣлъ къ людямъ. Но въ этомъ тяготѣніи его было нѣчто больное. И все здѣсь ему какъ-бы бередило раны. Съ Марьяной онъ хотѣлъ быть неразлучно. Она стала для него какъ-бы опорой въ жизни. На горизонтѣ стояло затишье. Одно лишь глубокою печалью запало въ его душу: въ маѣ онъ прочелъ о смерти Астырева. Съ нимъ Сергѣй встрѣтился три года назадъ въ Саянскихъ горахъ, а раньше читалъ его „въ волостныхъ писаряхъ“. Слыхалъ онъ о его письмахъ „къ русскому обществу“ по случаю голода и о его заточеніи въ Петропавловской крѣпости, сведшемъ его въ могилу. Гуманный и въ высшей степени человѣчный, мягкій, какъ живой, предъ нимъ предсталъ Николай Михайловичъ, помогшій ему жить въ пустынѣ. Вотъ противъ этого жандармы не могли сказать, что онъ боролся съ оружіемъ въ рукахъ... — подумалъ Сергѣй. —Тѣмъ не менѣе они его замучили... чистаго идеалиста-народника.

Сергѣй старался забыть все больное, но оно часто, какъ воръ, подкрадывалось къ нему. Физическій трудъ гасилъ и мысль и нравственныя страданія и онъ работалъ.

Печальны поля. Осенью вѣяло. Тихо на левадѣ. Какъ и во времена „рады“ осокори и вербы стоятъ на стражѣ, та же группа дубовъ на возвышеніи. Сергѣй съ Омелькомъ съ утра косилъ отаву на лугу. Марьяна съ подросткомъ поѣхала въ городъ къ инспектору по экстренному вызову. На лугу хорошо; отава ложилась стройными рядами. На душѣ косцовъ легко. Сергѣй вспоминаетъ косовицу на якутской равнинѣ и сердце его отзывается острою болью. Ему даже не вѣрится, что онъ живетъ, шесть мѣсяцевъ въ Тарасовкѣ и не встрѣчаетъ никакихъ гоненій. Неужели условія измѣнились? не разъ онъ спрашивалъ самъ себя. Жандармовъ какъ-бы не существовало на свѣтѣ. Однако экстренный вызовъ Марьяны заставляетъ его призадуматься. Чиновники никогда не спѣшатъ, — мелькаетъ у него мысль, — и только тамъ, гдѣ нужно устроить какую-нибудь пакость, проявляютъ поспѣшность.

Инспекторъ жилъ въ томъ городишкѣ, гдѣ училась Марьяна. Проѣзжая мимо своей прогимназіи, она вспомнила свою науку и свои добродѣтели. Какою-то фальшью показались всѣ эти казенныя науки и наставленія.

А въ это время инспекторъ, выслужившійся изъ маленькихъ учителей, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и раздумывалъ надъ бумагой, лежавшей у него на столѣ. Изъ-за нея онъ былъ вызванъ директоромъ за сотни верстъ и отъ губернатора лично получилъ выговоръ. И чувство неудовольствія у него росло и росло.— Но учительница то она хорошая... — какъ-бы въ противовѣсъ явилась у него мысль, — и не наше дѣло, какъ кто въ семьѣ живетъ, но воля начальства...

Бумага эта гласила слѣдующее: „Призванный слѣдить за нравственностью паствы, — писалъ мѣстный священникъ губернатору, — я не могу скрыть отъ высшаго начальства того факта, что мѣстная учительница Марьяна урожд. Войниловичъ, бросивши мужа и поправши св. таинство брака, вошла въ преступную связь съ бывшимъ госуд. преступникомъ Гордіенкомъ, что и служитъ соблазномъ для другихъ и свидѣтельствуетъ о ея неблагонадежности и т. д.“.

Въ сторонѣ на поляхъ этой бумажки, очевидно рукою губернатора, были начертаны слова: „совершенно секретно“.

Когда вошла Марьяна инспекторъ, хорошо знавшій ее, сдѣлалъ такой видъ, что она не посмѣла ему руки подать.

— До свѣдѣнія начальства, — началъ онъ высокимъ слогомъ, — дошли неблагопріятныя свѣдѣнія о вашей семейной жизни... и оно приказало... Инспекторъ заикнулся на этомъ словѣ.

Марьяна, смущенная и обиженная до глубины души, стояла какъ вкопанная.

— Что жъ порочнаго въ нашей жизни?.. — просто и съ достоинствомъ сказала она.

— И по моему, — сказалъ инспекторъ, — семейная жизнь не должна подлежать полицейскому надзору, но высшее начальство иначе смотритъ... не могу, не могу...

— Вотъ тебѣ и мирная культурная работа... проговорилъ Сергѣй по пріѣздѣ Марьяны, — а ты вѣдь думала здѣсь всю жизнь свою отдать.

— Марьяна молчала. Теперь она сама видѣла, что постройка ея стояла на пескѣ.

— Нужно искать болѣе прочной основы для дѣятельности... — сказала она. Для нея теперь жизнь здѣсь была невыносима. Наоборотъ, Сергѣй только здѣсь могъ жить свободно и годами залѣчить свои раны. Но жить онъ долженъ такъ, какъ живутъ всѣ крестьяне. Онъ хорошо зналъ, что какъ только онъ выйдетъ изъ рамокъ крестьянской жизни — его тотчасъ извлекутъ отсюда. Скитальничество — это общій удѣлъ всѣхъ глашатаевъ правды на землѣ! — подумалъ онъ. И въ одинъ ненастный ноябрьскій день обое они выѣхали въ Кіевъ, гдѣ, по словамъ Криницкаго, „какъ-бы начинало разсвѣтать“.

Въ странѣ крестьянскихъ союзовъ.

Годы для изгнанниковъ тянулись мучительно долго. Вѣра, казалось, все уже сдѣлала за границей. Еще въ прошломъ году она выдержала экзамены на врача, но лѣчить людей она могла только въ Россіи. А тамъ въ этой Россіи суровая борьба и жестокія гоненія какъ-бы на время затихли. Жандармы почили на лаврахъ. Мать Вѣры, прожившая безвыѣздно всю жизнь въ Мардаровкѣ, не могла вынести жизни на чужбинѣ. Она давно уѣхала въ Петербургъ, гдѣ ея братія далеко подвинулись по іерархической лѣстницѣ и занимали видныя мѣста. Вѣра подозрѣвала, конечно, намѣренія матери добиться оправданія дочери. Раньше она воевала съ этими затаенными мыслями старухи. Она считала себя не въ правѣ наслаждаться благами свободы въ то время, когда товарищи страдали и прямо бѣдствовали въ казематахъ каторжныхъ тюремъ, въ Якуткѣ и за Якутскомъ и въ изгнаніи... Но въ данный моментъ ея любовь къ народу приняла форму какой-то навязчивой идеи. Ни о чемъ больше она не могла думать и переживала тяжкую душевную болѣзнь. „Вѣру нужно неотложно отправить въ Россію...“ — таково было рѣшеніе товарищей. Весна вступила въ свои права, но Вѣрѣ не принесла облегченія. У нея было еще только одно средство, облегчавшее ея страданья — письма съ родины. Вотъ и теперь мы застаемъ ее за тремя письмами. „Десятый разъ архангелы, — писалъ „юноша изъ Ольшаны“, — высылаютъ меня изъ Мардаровки чрезъ тюрьмы — благо, недалеко ходить въ Херсонщину. Приведутъ сюда и снова ты свободенъ... Эти гоненія, пожалуй, имѣли и хорошую сторону, — теперь крестьяне совсѣмъ прониклись нашей мыслью о важности коллективнаго труда и безъ меня производятъ также аккуратно работы и въ полѣ и въ виноградникѣ, какъ и со мной. Самый большій поклонникъ вашъ и громадскаго хозяйства это дидъ Грыцько, который и денно и нощно васъ выглядае... А вся окрестность давно перестала лѣчить всѣ недуги, чтобы дать вамъ возможность проявить здѣсь свои знанія!..

Какъ живой при чтеніи этого письма представился этотъ дидъ Грыцько, вѣрный стражъ ея наслѣдства, и „юноша“, десять разъ переносящій клоповники, чтобы поддержать жизнь ея дѣтища, и сотни людей, работающихъ въ виноградникѣ только потому, что этого хочется ихъ Вѣрѣ! А эта Вѣра сидитъ, ѣстъ хлѣбъ, добытый этою сотнею людей въ потѣ лица, и ничего не можетъ дѣлать уже цѣлые полгода.

— Чрезъ недѣлю, а можетъ быть и раньше, — говорилось въ другомъ письмѣ, лежавшемъ на столѣ, — твое дѣло будетъ разсмотрѣно совѣщаніемъ, образованнымъ при департаментѣ полиціи. Оказывается, что противъ тебя уликъ очень мало, кромѣ нѣкоторыхъ показаній, чисто предательскихъ...

О, эти предатели! И въ груди Вѣры зашевелилось что-то острое, больное — потревожены нѣсколько зажившія раны. Приписка матери о томъ, что она находится наканунѣ большого счастья, ея не тронула. Она безнадежно махнула рукой. Мысль о счастьѣ отъ нея была такъ далека, что Вѣра даже не подумала объ этомъ. Самое письмо, заключавшее въ себѣ упоминаніе о д-тѣ полиціи — этомъ учрежденіи, держащемъ въ тискахъ всю мысль Россіи, она отложила въ сторону, чтобы оно не попадалось ей на глаза. Можетъ ли оттуда исходить людское счастье?.. Впрочемъ, для своей же братіи почему не сдѣлать исключенія... мелькнула мысль. Освобождаться такимъ путемъ Вѣрѣ было противно.

Чѣмъ-то жизненнымъ и новымъ вѣяло отъ третьяго письма, которое вотъ уже цѣлую недѣлю не давало покоя Вѣрѣ. Это было письмо отважнаго и героическаго Льва, работавшаго въ

Италіи. Онъ увлеченъ туда безстрашными борцами за народное счастье. Ученикъ Бакунина, Андреа Коста, — основатель соціалистической партіи, — былъ женатъ на русской эмигранткѣ, отдавшей всю себя пробужденію пролетаріата. Она послѣдовательно изгонялась во Франціи и даже Швейцаріи. Правительство Италіи тоже подняло гоненія противъ соціалистовъ и самому главному изъ нихъ приходилось не разъ попадать прямо съ работы по распространенію соціалистическихъ идей въ заточеніе. Тѣмъ не менѣе правительству не удалось сломить упорство и стойкость этого неустрашимаго борца. Теперь онъ былъ депутатомъ въ палатѣ отъ Романьи. Въ сосѣдней провинціи работалъ другой депутатъ (крестьянскій), Камиллъ Прамполини, необыкновенно свѣтлая личность. „Это своего рода апостолъ — подвижникъ, сумѣвшій вдунуть новую жизнь въ инертныя массы деревни, — такъ о немъ отзывался Левъ въ письмѣ. — Его появленія крестьяне вездѣ ожидали и ждутъ, какъ прихода Мессіи. Организовать въ „братскіе союзы“ милліоны самыхъ отсталыхъ людей могъ только такой самоотверженный и краснорѣчивый послѣдователь соціализма, какъ Прамполини. Жить въ близкомъ сосѣдствѣ и не взглянуть на столь поучительное для Россіи явленіе — это просто преступленіе съ вашей стороны“. Это произнесла, наконецъ, и Вѣра и рѣшила поѣхать. Самый этотъ Левъ, работающій даже въ полосѣ маляріи среди прокаженныхъ южной Италіи — своеобразное явленіе. Онъ, жестокій и безпощадный къ этимъ сытымъ, — готовъ полагать душу за страдающихъ. И Вѣра вспомнила тотъ моментъ, когда Левъ собирался въ Ниццу, чтобы расквитаться за Семена и пять бабъ, сосланныхъ на каторгу. Вѣра приняла всѣ мѣры, чтобы предупредить это убійство. Любовь ея и къ ней и здѣсь взяла верхъ.

Ломбардская равнина — благодатнѣйшій край въ мірѣ. На каждомъ шагу Вѣра даже изъ вагона могла видѣть упорный и разумный трудъ человѣка. Все здѣсь воздѣлано и орошено. Жизненнымъ нервомъ здѣсь служитъ рѣка По. Отъ нея во всѣ стороны развѣтвляются большіе и малые каналы, которыми изрѣзана вся равнина и отъ которыхъ несетъ свѣжестью на путника. Орошенная земля даетъ пять укосовъ сѣна и два урожая хлѣба. Зеленый коверъ пшеницы весь испещренъ стройными рядами оливковыхъ и тутовыхъ деревьевъ и кустами винограда. Люцерна — въ ростъ человѣка, а кукуруза была похожа на сахарный тростникъ. Но почти все это принадлежитъ людямъ, живущимъ безъ труда въ Миланѣ, Римѣ, Неаполѣ. Масса же населенія изъ рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ въ этомъ саду Европы также бѣдствуетъ, какъ и вездѣ, если не хуже. Постоянная скудная пища изъ одной кукурузы вызываетъ страшную болѣзнь, пелагру, а работа въ болотѣ на орошенныхъ поляхъ несетъ гибель отъ маляріи. Много столѣтій прошло, какъ освобожденъ здѣшній людъ, но онъ прозябалъ въ крайней нищетѣ и невѣжествѣ, пока, наконецъ, къ нему не пришли соціалисты. Голодъ и суевѣрія создали здѣсь не мало сектъ и пророковъ. Одинъ изъ нихъ, Лаццаретти, вышедшій изъ народа, призванъ былъ въ 1878 году играть роль настоящаго пророка. Проповѣдуя общность имуществъ и братское равенство, онъ внушилъ народу надежду на близкое пришествіе Христа. Люди воздвигли въ честь его на горахъ храмъ и отказались вносить подати. Многотысячная процессія, спускавшаяся съ горы отъ храма во главѣ съ Лаццаретти, встрѣчена была жандармами, которые дали залпъ по толпѣ. Лаццаретти былъ убитъ, а послѣдователи преданы суду. Гоненіямъ подверглись въ ту эпоху и соціалисты, но эти гоненія не шли далеко, конечно, въ сравненіи съ гоненіями въ Россіи.

Осмотрѣвъ биржу труда въ Миланѣ — этотъ идальный народный домъ, въ которомъ въ продолженіе 24 часовъ кипитъ жизнь, Вѣра очутилась въ Мантуанской провинціи, составляющей центръ крестьянскихъ союзовъ (лигъ). Подъѣзжая къ станціи Мантуа (сильная крѣпость въ болотной мѣстности), Вѣра издали увидѣла поджидавшаго ее Льва. Лицо его, всегда живое, теперь выражало усталость и крайнюю озабоченность.

— У насъ всеобщая стачка земледѣльческихъ рабочихъ...— произнесъ онъ и въ голосѣ его звучала тревога. Помѣщики рѣшаются на послѣднюю крайность — лишиться совсѣмъ урожая. Они это могутъ сдѣлать, а народъ тогда долженъ будетъ умирать съ голоду... Вчера былъ совѣтъ федераціи, созваны были представители всѣхъ лигъ и не пришли ни къ какому рѣшенію.. И завтра на берегу По, подъ открытымъ небомъ, будетъ общее собраніе...

Поѣздъ направлялся внизъ къ долинѣ По. Природа становилась все богаче и разнообразнѣе, но лицо Льва было попрежнему задумчиво и равнодушно къ окружающему. — А что если провѣдаютъ и разгонятъ наше собраніе? проговорилъ онъ, прерывая свое молчаніе.

— А развѣ могутъ разогнать? удивленно спросила Вѣра, привыкшая къ обычаямъ Швейцаріи, гдѣ всякія собранія, не исключая и собраній анархистовъ, совсѣмъ свободны.

— Еще бы... Правительство Кристи все сдѣлало, чтобы подавить соціалистическое движеніе: вождей выслало, газету запретило, союзъ нашъ закрыло и теперь собираемся уже нелегально... Но здѣсь, конечно, не то, что въ Россіи: никто ихъ не боится... Есть, впрочемъ, надежда, что этотъ заправила скоро падетъ.

— Какія же у васъ требованія? — спросила Вѣра.

— Работать восемь часовъ въ день, плата лѣтомъ 60, а зимою 40 коп., на наши деньги, и зимой работа хоть половинѣ лѣтнихъ рабочихъ, вотъ и все... Теперь же рабочій мужчина получалъ самое большое лиру — 36 коп. въ день и 60 сантимовъ или 20 коп. получала женщина и 40 сантимовъ подростокъ за 12 часовъ работы; треть года люди сидятъ безъ работы... А тамъ дальше на востокъ, въ Романьѣ, на рисовыхъ поляхъ, гдѣ работаютъ по колѣна въ болотѣ, платятъ еще меньше... Вотъ что заставило людей сплотиться въ крѣпкій братскій союзъ. Завтра вы увидите перваго организатора сельскаго пролетаріата, Прамполини — это душа всѣхъ союзовъ Эмиліи и редакторъ газеты „Справедливость“.

Задумчивыя и озлобленныя лица рабочихъ и крестьянъ не гармонировали съ ласкающимъ видомъ окружающей природы. Въ рукахъ рабочаго она подверглась преобразованію. Тутъ не было и шага земли, которая не была бы орошена потомъ его. Съ пригорка, на которомъ собрались эти люди, виднѣлись плотины — цѣлый рядъ плотинъ, защищающихъ сады отъ наводненій. Самая теплая часть долины занята маслиной и фиговыми деревьями, лимонными и апельсиновыми рощами. Мягкое южное солнце залило всю низменность. На сѣверъ шли поля пшеницы и конопли между стройными деревьями грецкаго орѣха. На фонѣ этой роскошной картины люди въ рубахахъ и синихъ блузахъ, обутые и босыя, съ мускулистыми руками представляли поразительный контрастъ.

Когда подошли къ огромной толпѣ Вѣра, Левъ и соціалистъ, прибывшій отъ Прамполини, суровые и грубые голоса возглашали: Стачка, стачка, стачка! Изъ послѣдняго поможемъ другъ другу!..

Единодушіе и самостоятельность видны были на лицахъ рабочихъ.

Когда соціалистъ, присланный соціалистической партіей, взлѣзъ на камень и началъ свою рѣчь, толпа сразу затихла. Наступила такая тишина, что слышны были тихо катившіяся внизу волны рѣки и свистъ удалявшагося парохода. Тишина свидѣтельствовала объ уваженіи къ оратору.

— Я привезъ привѣтъ вамъ, труженники земли, — сказалъ онъ, — отъ Андреа Коста и Камилла Прамполини. Они одобряютъ вашу рѣшимость, знаютъ, что вы дружно вынесете стачку, упорно вынесете нужду и голодъ, но они не увѣрены въ вашей побѣдѣ... Господа слишкомъ богаты... Нашъ совѣтъ — пойти на третейскій судъ, чего уже желаютъ ваши наниматели.

— Да здравствуетъ Коста! да здраствуетъ Прамполини! —

кричала толпа, но на предложеніе третейскаго суда обѣщала дать отвѣтъ только чрезъ часъ. Интеллигенты удалились къ По, а въ это время толпа снова перешла къ бурнымъ преніямъ. По возвращеніи собраніе чрезъ уполномоченныхъ изъявило согласіе на это предложеніе съ тѣмъ, чтобы представителемъ рабочихъ и крестьянъ былъ Прамполини и два рабочихъ. Уполномоченные представили списокъ по крайней мѣрѣ тысячи семействъ голодающихъ и представитель выдалъ пособіе изъ центральной кассы. Мѣстныя кассы были уже пусты.

Сегодня мы ликвидируемъ стачку женщинъ на рисовыхъ поляхъ Молинеллы, — сказалъ соціалистъ. — И сейчасъ же пріѣдемъ къ вамъ... Толпа знала, что это „сейчасъ“ будетъ не дальше, какъ завтра, и спокойно разошлась.

Компанія изъ трехъ прошла пѣшкомъ до станціи. Поѣзда тамъ идутъ почти каждый часъ. Послѣ полудня путники были уже въ вагонѣ.

Чередовались холмы и долины. Природа здѣсь богаче, но деревни не имѣютъ веселаго вида швейцарскихъ и французскихъ. Разбросаны онѣ были въ безпорядкѣ на холмахъ и скалахъ и лишь только черепичныя крыши, ярко сверкавшія на солнцѣ, казались издали привлекательными, но при ближайшемъ знакомствѣ отъ нихъ вѣяло нищетой.

— И это потому, — сказалъ соціалистъ по-французски, — что крестьянамъ достались только скалы, а долины и всѣ лучшія земли издавна разграблены владѣльцами.

— Всюду, значитъ одно и тоже, — подумала Вѣра, устремившая все вниманіе на работницъ, копавшихся въ рисовыхъ плантаціяхъ, о которыхъ она столько слышала.

— Вотъ вамъ и эта губительная работа! — продолжалъ соціалистъ. — Около десяти лѣтъ боремся за этихъ работницъ. Уже въ 1888 году тысячи поденщицъ потребовали восьмичасоваго рабочаго дня, платы въ лиру (36 коп.) для работницы и 60 сантимовъ (20 коп.) для подростковъ и признанія выбранной работницами комиссіи. Мы поддержали стачечницъ, выдавая изъ своей кассы по 30 сантимовъ (10 коп.) въ день на работницу, и дѣло выиграли бы, не вмѣшайся въ него правительство. Но оно арестовало двѣсти работницъ и закрыло потребительское общество — бывшее душою движенія. И работницы только на половину выиграли — теперь мы имѣемъ эту комиссію.

Въ центрѣ стачечнаго движенія — мѣстечкѣ Молинелли, лучшее зданіе, обсаженное орѣхами и апельсинами, принадлежало крестьянскому союзу. Здѣсь была кредитная касса, потребительское общество, библіотека и управленіе союзомъ крестьянскихъ лигъ.

Черезъ часъ должно было состояться послѣднее собраніе „Примирительной комиссіи“, въ которую входили въ равномъ числѣ представители рабочихъ и нанимателей. Стачка длилась уже болѣе десяти дней. Итальянскій рабочій и крестьянинъ не имѣетъ никакихъ запасовъ и выдержать хотя бы недѣльную стачку для него это огромная жертва. Всѣ эти дни засѣдала комиссія, но результатовъ—почти никакихъ. Требованіе восьмичасоваго дня для женщинъ буржуа не желали удовлетворить. Сегодня, въ виду неуступчивости господъ, вся площадь была запружена голоднымъ людомъ, сошедшимся съ цѣлой окрестности. Мужчины также пожертвовали рабочимъ днемъ и пришли поддержать требованіе женщинъ. Одну мысль можно было прочесть на этихъ лицахъ—это единодушіе и стойкость. Мы, мужчины, для себя не требуемъ, а женщина должна имѣть свободу... у нея, кромѣ работы, столько дѣлъ.

Крайне озабоченнымъ вышелъ Прамполини. Постоянная забота о меньшемъ братѣ наложила на это интеллигентное, красивое лицо апостольское выраженіе. Самъ онъ былъ воплощеніемъ тѣхъ страданій, которыя несли массы. — Согласились на третейскій судъ?—былъ первый вопросъ, очевидно тревожившій его.

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ успокоился. Левъ представилъ Вѣру. Пріѣхала, молъ, поучиться.

— Трудное это дѣло... — сказалъ онъ. — Что сдѣлаешь съ неимущимъ, когда у него нѣтъ лишняго сантима. Какимъ краснорѣчіемъ и довѣріемъ нужно обладать, чтобы онъ понесъ свою лепту въ союзъ на общее дѣло?..

Въ самой большой комнатѣ были собраны представительницы лигъ. Среди нихъ было двѣ интеллигентки — одна учительница, а другая докторъ. Онѣ приняли рѣшеніе, продиктованное нуждой — въ крайности согласиться на 9 часовъ. На лицахъ ихъ можно было судить о тѣхъ страданіяхъ, которыя были перенесены во время этой стачки. Чрезъ часъ къ зданію подъѣзжали экипажи съ нанимателями.

— Кромѣ работы — начала одна представительница,—намъ нужно пройти съ горъ на работу иногда десять километровъ, варить пищу, стирать, воспитывать дѣтей, чтобы потомъ отдать ихъ вамъ же...

— Человѣкъ по отношенію къ человѣку бываетъ болѣе жестокимъ, чѣмъ къ животному, находящемуся въ такомъ же положеніи, — сказалъ Прамполини. Женскія особы рабочаго скота пользуются у васъ льготами. Будьте справедливы къ людямъ...— О тачихъ льготахъ, если не меньшихъ, мы хлопочемъ. Въ эти слова онъ вложилъ всего себя и растрогалъ Вѣру до слезъ.

Уполномоченный владѣльцевъ говорилъ о согласіи на девять часовъ.

— Если не будутъ приняты наши условія — лира въ день и 8 часовъ— подымемъ всю провинцію...— грозилъ потомъ Прамполини, для котораго 8 ми часовой день имѣлъ кромѣ того и принципіальное значеніе. Двѣ недѣли онъ разъѣзжалъ, ночей не спалъ и жаль было ему потерять весь свой трудъ и напрасно вынесенныя лишенія населенія. Буржуа тоже знали, что уступки ихъ будутъ имѣть принципіальное значеніе и не сдавались.

Вѣра не выдержала; вся дрожа, она тоже вмѣшалась. По-итальянски она плохо знала, но говорила хорошо по-французски. Вспомнила она, сколько такихъ женщинъ въ Россіи на свекловичныхъ плантаціяхъ также бѣдствуетъ и рѣчь ея здѣсь была настоящею просьбою къ этимъ сытымъ людямъ. Она защищала право женщины на жизнь. Женщина уже въ силу своего материнства заслуживаетъ уступокъ. Въ свои слова Вѣра хотѣла вложить всю силу любви.

Наниматели привыкли къ рѣчамъ соціалистовъ и мало обращали на нихъ вниманія. Однако, рѣчь далекой иностранки, въ которой не было требованій, а была горячая просьба и тотъ же призывъ къ человѣколюбію, о которомъ такъ краснорѣчиво говорилъ Прамполини, — оказали свое дѣйствіе. Боязнь, кромѣ того, толпы голодной и возмущенной и культурное чувство взяли верхъ. Наниматели, соглашаясь на требованія работницъ, потребовали, чтобы тѣ въ теченіе пяти лѣтъ отказались отъ новыхъ требованій и чтобы Прамполини далъ честное слово не добиваться 8-часоваго дня для мужчинъ. „8-часовой рабочій день вводится въ видѣ исключенія для женщинъ въ виду ихъ материнства". Получивъ эти завѣренія, на которыя совѣтъ и Прамполини согласился не безъ волненій, буржуа подписали актъ о соглашеніи. Соглашеніе это подписала и гражданка Россіи, благодарившая этихъ нанимателей. На чашку вѣсовъ борьбы нужно положить все, — подумала она и въ этомъ „все" не послѣднюю роль должна играть любовь. И въ эту минуту ея мысль гармонировала съ мыслями бывшихъ здѣсь интеллигентовъ. Самъ Прамполини ликовалъ. Онъ сталъ неузнаваемъ. Для него 8-часовой день для сельскихъ работницъ — былъ дѣломъ жизни. Онъ даже не умеръ бы, не достигши его. И теперь онъ достигъ. Самъ онъ благодарилъ нанимателей, для которыхъ онъ кое-что значилъ.

— Мы вамъ уступили!... громко произнесъ предъ толпой уполномоченный нанимателей.

— Да здравствуетъ 8-мичасовой день!.. — восторженные крики огласили воздухъ вмѣстѣ съ криками: да здравствуетъ Прамполини! Да здравствуетъ справедливость! Вышедшимъ соціалистамъ, въ особенности главному изъ нихъ, устроена была шумная овація. Восторгу толпы казалось не было конца. Появилась музыка, пѣсни и знамена.

Было раннее утро. Природа казалась еще привлекательнѣе. Вся площадь была снова запружена народомъ въ праздничныхъ костюмахъ. Это была побѣдная процессія въ честь своихъ вождей-соціалистовъ. Десять километровъ тысячная толпа провожала Прамполини, депутата отъ соціалистической партіи, Вѣру и Льва. Это было торжество наемниковъ, у которыхъ мысль о 8-мичасовомъ днѣ жила болѣе десяти лѣтъ, составляя завѣтную мечту.

— Наши наемники умѣютъ бороться за свою долю и чествовать своихъ друзей!.. — сказалъ Прамполини на прощанье Вѣрѣ. Въ это время уже все образованное общество было оповѣщено о завоеваніи женщинами Емиліи 8-часоваго дня. Разносчики газетъ на всѣхъ станціяхъ продавали телеграммы объ этомъ великомъ событіи. А соціалисты приступали къ задачѣ, не менѣе важной, въ Мантулиской провинціи. Всюду по пути ихъ встрѣчали криками: Да здравствуетъ Прамполини!.. Да здравствуетъ соціализмъ!..

— Когда же въ Россіи будетъ возможна подобная работа? Эта мысль всю дорогу не выходила у Вѣры изъ головы. А это собраніе, казалось, на всю жизнь врѣзалось въ ея память. Отъ этого знакомства она какъ-бы выздоровѣла, какъ-бы обогатилась содержаніемъ ея жизнь.

И даже Женева на этотъ разъ казалась Вѣрѣ какъ-бы обновленною. Живописные берега Женевского озера и рѣки Роны, зеленыя и прозрачныя волны рѣки, гребни Юрской цѣпи на сѣверѣ, отвѣсная вершина Салэвъ на югѣ, а за ними начало Монблановой цѣпи, Островъ Руссо съ памятникомъ этому безсмертному скитальцу философу, поборнику людского равенства, тонулъ въ роскошныхъ деревьяхъ — все это заставило Вѣру забыть на минуту все на свѣтѣ и свой быстротечный Днѣстръ.

Аккуратная нѣмка подала Вѣрѣ еще на порогѣ телеграмму. Вся дрожа, она разорвала ее и прочла: „Совѣщаніе прекратило дѣло по недостаточности уликъ. Выѣздъ въ Россію разрѣшенъ. Выѣзжаю въ Мардаровку. Въ концѣ стояла подпись „мать“. — Первая счастливица въ свѣтѣ!.. добавила отъ себя Вѣра и, ликующая, побѣжала извѣщать братію объ отъѣздѣ.

Это былъ праздникъ для измученныхъ на чужбинѣ людей. Вечеромъ вся колонія была въ сборѣ; „на лицахъ всѣхъ была написана радость. И души людскія сдѣлались мягче, добрѣе. На время забыты нескончаемые споры о разногласіяхъ. И марксисты и народники съ одинаковымъ правомъ могли считать Вѣру своею. Она, давая всю себя и свои средства людямъ, была украшеніемъ печальной жизни всей колоніи изгнанниковъ. Теперь многимъ изъ нихъ она должна была сказать: прости — послѣднее прости.

На зарѣ.

Темная ночь съ нависшими свинцовыми тучами съ померкшими звѣздами казалась безконечной. Борясь со мглой и нависшимъ надъ землей туманомъ, люди прятались въ свои хаты и тамъ за желѣзными запорами они спали и спали. И этотъ сладкій сонъ казался имъ высшимъ наслажденіемъ. Даже „стражи“, оберегавшіе возможность этого сна, тоже поддались его убаюкивающей нѣгѣ. Стражи были тоже люди — простые смертные, а кто изъ нихъ не спитъ, когда можно спать?.. Какъ садовникъ, выростившій хозяину садъ, иногда изъ боязни быть выгнаннымъ за ненужностію, подкапываетъ корни взрощенныхъ деревьевъ, такъ точно и стражъ можетъ спать, чтобы особенною бдительностью не повредить самому себѣ. Какъ бы тамъ ни было, а въ эту темную ночь спали люди, спали хозяева, спали и стражи. И лишь тотъ, у кого голодъ отнялъ возможность сна, и тѣ, кому особенно тяжела была эта безпросвѣтная тьма, проснулись на зарѣ и раздался ихъ призывный кличъ: „вставай, подымайся рабочій народъ...“ „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!..“ И какою-то мощью вѣяло отъ этого призыва, раздававшагося въ царствѣ сна при свѣтѣ утренней зари.

— Что тамъ не говорите, а время ваше безвозвратно прошло... — съ такими словами полнаго торжества встрѣтилъ молодой человѣкъ, повидимому, студентъ, Сергѣя, пришедшаго вмѣстѣ съ Марьяной. Въ квартирѣ Криницкаго было душъ десять молодежи и нѣсколько человѣкъ пожилыхъ. Среди нихъ было двѣ-три дѣвушки. Почти всѣ они были люди новые. Кромѣ хозяина и Сергѣя, не было ни одного изъ числа матросовъ разбитаго корабля; всѣ они такъ или иначе погибли. Нѣсколько душъ, встрѣтившихъ жандармовъ съ оружіемъ въ рукахъ, давно заключены въ подземелье Шлиссельбурга, причемъ одинъ изъ нихъ, землякъ Сергѣя, сошелъ съ ума. Прежнія времена, несмотря на всѣ ихъ ужасы, тоже были забыты, не видно было того траура, который всегда виталъ надъ этою квартирой. Даже живой свидѣтель той ужасной годины исчезъ съ горизонта. Оля вышла замужъ за молодого ученаго и уѣхала съ нимъ въ столицу. Криницкій думалъ, вотъ, наконецъ-то она заживетъ по человѣчески и забудетъ прошлое. — Теперь я готовъ идти въ народъ... сказалъ онъ однажды юношамъ, но они только посмѣялись надъ нимъ.

По его худобѣ, по его усталымъ и запавшимъ глазамъ можно было заключить, что пѣсенка его спѣта. Да и самъ онъ скоро понялъ, что жизнь его уже сразила. Въ бурное море жизни собирались его питомцы, раздѣлившіеся на два враждебныхъ лагеря. Марксисты и народники давно казались непримиримыми и, если до сихъ поръ собирались вмѣстѣ, то только благодаря нейтральности и безпристрастію Криницкаго. Здѣсь шли только теоретическіе и принципіальные споры. Работа же каждой группы шла гдѣ-то тамъ, въ подпольѣ. Это было покрыто непроницаемой пеленой. Бодростью и отвагой вѣяло отъ этихъ юношей и какимъ-то диссонансомъ казались печальныя думы Сергѣя. Новые люди не хотѣли признавать никакой преемственности съ прежними борцами. Сергѣй весь попрежнему принадлежалъ деревнѣ. А деревня эта спала и не подавала никакихъ надеждъ въ ту пору.

— Будетъ вамъ, пѣвцы отсталыхъ и отживающихъ формъ жизни, — говорили ему марксисты, — не вамъ и не вашему мелкому буржуа принадлежитъ будущее... Сколько о крестьянахъ хлопотали, жизнь свою полагали, а много ли ихъ откликнулось?..

— Не безпокойтесь, откликнутся,— говорилъ Сергѣй; нужно знать только, какъ къ нему подступить... нужно раскрыть глаза.

— Двадцать лѣтъ мы это слышимъ: „откликнется“, да когда же это будетъ?..

— Тамъ нужна большая работа... — продолжалъ Сергѣй, — на безграничномъ сельскомъ просторѣ маленькихъ маяковъ не видно. Всколыхнуть застоявшуюся вѣками жизнь могутъ только слишкомъ крупные акты... Тамъ нужна такая работа, на которую взглянуло бы и воспряло бы все крестьянство... взглянулъ бы весь міръ! Чѣмъ ты этому сытому обществу можешь показать ужасающую нищету крестьянина и заставить его задуматься, какъ не пожаромъ?

— Америку, братъ, открываешь, — смѣялись марксисты. Сильны вы, народники, здѣсь въ теплыхъ квартирахъ, а тамъ мысли ваши потонутъ въ морѣ невѣжества и произвола.

Не вамъ, господа, это говорить... — сказалъ со вздохомъ Сергѣй, у котораго при этихъ словахъ какъ бы наяву предстали всѣ эти тюрьмы, и этапы, и скитальничество.

— Не вамъ .. — вторилъ Криницкій и въ поученіе привелъ стихи одного изъ матросовъ разбитаго корабля:

„Вѣрь въ свѣтъ иной, мечомъ инымъ борись,
Но — кто стезей страданья и печали
Шелъ до тебя — предъ тѣми преклонись!“

— Присущая людямъ односторонность и узость взгляда, —

продолжалъ Криницкій, — всегда мѣшала дѣлу. Жизнь опровергаетъ доктринерство. Вотъ, послушайте, что пишетъ намъ же человѣкъ, работающій въ Италіи, гдѣ жизнь крестьянина во многомъ похожа на нашу... Криницкій досталъ письмо Запорожца.

— „Еще недавно — писалъ онъ, — на соціалистическихъ конгрессахъ и слышать не хотѣли о деревнѣ. Жизнь опровергнула ошибочное мнѣніе. Теперь всѣ поняли, что, несмотря на кажущееся различіе, всѣ земледѣльцы: наемные рабочіе, дольщики (половинщики), мелкіе арендаторы и мелкіе собственники въ концѣ концовъ подвергаются капиталистической эксплуатаціи богачей и государства. Нѣтъ сомнѣнія, что только объединеніе всѣхъ обездоленныхъ можетъ дать перевѣсъ имъ въ борьбѣ съ эксплуататорами".

— Нѣтъ,только пролетарій—истинно прогрессивный элементъ, творецъ будущаго... твердилъ вождь марксистскаго направленія: ничто его не привязываетъ къ настоящему строю, а земледѣлецъ до мозга костей индивидуалистъ и собственникъ... Онъ всегда будетъ помѣхой соціалистическому строю.

— Хотя бы во имя того, чтобы онъ не былъ этой помѣхой, — сказалъ Сергѣй, — мы должны идти работать въ крестьянскую среду.

Вашъ споръ напрасенъ — сказалъ въ заключеніе Криницкій. Невоздѣланное поле обширно, работы непочатый уголъ, для всѣхъ хватитъ; кому ближе интересы городского и фабричнаго пролетаріата, тотъ пусть посвящаетъ свою жизнь его организаціи, а кто стоитъ ближе къ деревнѣ, пусть идетъ туда.

Было уже поздно. Криницкій изнемогъ и компанія, щадя его, разошлась. Остался онъ по обыкновенію самъ. И тяжело было ему жить. Въ минуту одиночества онъ вызывалъ въ своей душѣ дорогіе образы и съ ними онъ засыпалъ. Въ эту же ночь ему не суждено было спать.

Криницкій былъ разбуженъ рѣзкимъ звукомъ звонка. Жандармовъ онъ уже давно не боялся. Онъ боялся слова: „телеграмма". И это слово въ данный моментъ пришло.

— Срочная телеграмма!.. — сказалъ разсыльный. Съ перваго разу Криницкій не повѣрилъ своимъ ушамъ. Жандармы иногда произносили это слово, чтобы поскорѣе ихъ впускали. Но теперь телеграмма была подлинная. Криницкій зналъ напередъ, откуда и о комъ. Объ Олѣ телеграмма... — у него мелькнуло.

Дрожащими руками онъ расписывается и читаетъ: „Сегодня утромъ бросилась подъ поѣздъ... ребенокъ живъ..."

Извѣстіе это какъ-бы остановило совсѣмъ у него жизнь. Криницкій сидѣлъ, ничего не думалъ и не чувствовалъ; онъ замеръ на мѣстѣ. Погибшій человѣкъ казался частью его существа Онъ былъ самымъ близкимъ для него человѣкомъ, съ которымъ онъ прожилъ почти половину своей жизни. Она была слишкомъ чутка и не могла дольше выносить страданій.

Криницкій сидѣлъ въ вагонѣ, забившись въ уголъ. Окружающее для него не существовало. Оставались сзади станціи, бѣжали телеграфные столбы, люди суетились, а Криницкій сидѣлъ и думалъ:—ничего страшнаго уже не осталось... И вся жизнь его проходитъ предъ глазами. Тюрьмы, суды, шпіоны... и среди нихъ жизнь человѣческая кажется ничтожествомъ... Тамъ, гдѣ господствуютъ жестокіе нравы и законы, для такихъ, какъ она, нѣтъ мѣста и они не живутъ... Разсмотрятъ вокругъ, увидятъ, что ошиблись выборомъ жилища и что собирались провести жизнь среди чуждыхъ имъ людей, и быстро уходятъ...

Вражда между марксистами и народниками все росла и росла. Сергѣй шелъ поздно вечеромъ. Улицы были пусты. Внутри его было тоже пусто. Спорилъ онъ безъ конца и, несмотря на всѣ его доводы, противники остались при прежнемъ мнѣніи о необходимости пролетаризированія деревни. „Только крестьянинъ, освобожденный отъ своей собственности, можетъ воспринять соціалистическіе идеалы... Крестьянинъ-собственникъ это не только помѣха пролетарскому движенію, но онъ оплотъ капиталистическаго строя, что и доказано тысячу разъ на опытѣ въ Западной Европѣ... Напрасно Сергѣй доказывалъ разницу между нѣмецкимъ и французскимъ крестьяниномъ и нашимъ, напрасно убѣждалъ, что нашъ крестьянинъ такой же неимущій, какъ и пролетарій-рабочій, который есть тотъ же крестьянинъ... Напрасно онъ убѣждалъ, что капитализмъ и безъ нихъ съ каждымъ днемъ освобождаетъ крестьянина отъ его клочковъ земли.

И Сергѣй шелъ обиженный до глубины души. Даже Марьяна и та не поддержала его. Она ушла къ марксистамъ. Пока Сергѣй собирался вызвать новое движеніе въ народъ, у марксистовъ шла работа по всей линіи. Подъ свой флагъ они стянули все молодое, бодрящее и ихъ первые шаги работы въ подземельяхъ, въ подвалахъ носили прямо таки апостольскій характеръ. Жизнь этихъ послѣдователей новой религіи была полна подвига. Цѣлыя ночи напролетъ проходили въ занятіяхъ съ кружками рабочихъ и ремесленниковъ, да въ партійныхъ совѣщаніяхъ. Марьяна совсѣмъ отбилась отъ дому. Возвращалась она всегда усталая и вмѣсто отдыха происходили нескончаемыя пререканія. Нетерпимость къ мнѣніямъ другихъ въ эту пору достигла апогея. Сергѣй мало-по-малу долженъ былъ прійти къ тому заключенію, что ихъ союзъ близился къ концу. И Марьяна и онъ какъ-бы безмолвно приходили къ одному и тому же выводу и ставили крестъ надъ тѣмъ, что еще такъ недавно казалось незыблемымъ. Этому разрыву много способствовала нужда. Работа въ партіи и вѣчная бѣготня за заработками все больше выводило изъ равновѣсія Марьяну. Сергѣй еле зарабатывалъ кусокъ хлѣба и всегда приходилъ съ конторскихъ занятій усталымъ. Его, кромѣ того, гнали со всѣхъ позицій, гдѣ требовалось утвержденіе губернатора. Криницкій добылъ для него два такихъ мѣста, гдѣ онъ могъ работать по душѣ среди книгъ — завѣдывать библіотекой или книжнымъ магазиномъ, но и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ Сергѣя не утвердили.

Въ этотъ вечеръ въ головѣ Сергѣя произошелъ цѣлый переворотъ. Марьяна при выходѣ сказала ему три роковыхъ слова: „Союзъ ихъ оконченъ...“ И чѣмъ-то чужимъ вѣяло отъ этихъ трехъ словъ. И холодомъ было наполнено все существо Сергѣя. Какъ-бы поруганнымъ онъ вышелъ изъ этого собранія. Давно, за сотни верстъ отъ Олекминска, среди якутовъ, онъ переживалъ нѣчто подобное. Правда, семейное счастіе не гармонировало съ его жизнью, оно было какъ-бы диссонансомъ въ этой жизни страшнаго страданья. Онъ пошелъ на компромиссъ, хотѣлъ совмѣстить борьбу и работу на народъ съ личнымъ счастьемъ, и теперь казнилъ себя. Марьяну онъ любилъ и не разъ убѣждалъ въ томъ, что можно молиться разнымъ богамъ и при этомъ любить другъ друга. И у нея долго длилась борьба. Бросить Сергѣя не позволялъ ей нравственный долгъ. А теперь Сергѣю кажется, что Марьяна въ этотъ періодъ борьбы была съ нимъ не искренна. „А что если она любила другого и продолжала жить со мной?.. эта мысль, неожиданно появившаяся, наполнила его душу горькой обидой... Поруганнымъ и брошеннымъ шелъ онъ, и ему казалось, что уже всѣ знаютъ объ этомъ. И Сергѣй, какъ виноватый, не могъ почему-то гордо поднять свою голову. Даже стѣны домовъ и заборы, какъ-бы напоминали ему, что онъ здѣсь чужой... И комната, въ которой онъ дѣлилъ нѣсколько лѣтъ горе и радость вмѣстѣ съ Марьяной, тоже напомнила ему тюремныя камеры, въ которыхъ онъ провелъ цѣлые годы. Былъ у него единственный человѣкъ, который его понималъ и которому онъ могъ разсказать свое горе. Но этотъ человѣкъ теперь умиралъ. Криницкій, имѣвшій такой сильный и ясный умъ, по возвращеніи съ похоронъ дочери потерялъ разумъ. Видъ безформенной массы, въ которую обратилась его дочь, какъ что-то самое ужасное, не оставлялъ его въ покоѣ ни на минуту.

Такимъ образомъ и эта послѣдняя опора для Сергѣя рухнула и онъ оставался безъ почвы. Сергѣй безъ колебанія рѣшаетъ обратное возвращеніе въ народъ, который въ эту минуту для него былъ единственнымъ пристанищемъ и прибѣжищемъ. Чѣмъ-то молитвеннымъ вѣяло отъ этихъ думъ Сергѣя и онъ ставилъ крестъ надъ личнымъ счастьемъ. Любовь свою переносилъ на народъ.

По обыкновенію „юноша“ послѣ нѣкоторой передышки отъ тюремныхъ этаповъ возвращался въ Мардаровку, а передышка эта происходила на поденщинѣ въ панскихъ экономіяхъ. Десять разъ его отсюда изгоняли, но возвращался-то онъ въ Поднѣстровье не десять разъ: не разъ его полиція проглядѣла. Сюда его тянуло; въ ту пору у него было это единственное дѣло. И онъ шелъ. Былъ поздній вечеръ. Мардаровка спала. Глаза путника невольно остановились на замкѣ, центрѣ его помысловъ. — Неужели новые жильцы?.. мелькнула мысль у „юноши“, когда онъ спускался по направленію отъ лѣса. И у „юноши“ сердце сильнѣе забилось. А что если Вѣра здѣсь!.. и при этихъ словахъ „юноша“ забылъ объ усталости, о томъ, что онъ голоденъ, забылъ о полиціи, забылъ всю свою скитальческую жизнь.

Ночь была ясная, громадскій виноградникъ тонулъ во мракѣ, а зеленые посѣвы, которые онъ производилъ, уже были выше пояса. — Хорошо все это, только... и юношѣ представились всѣ эти хожденія по клоповникамъ и онъ не договорилъ. Онъ сразу лишился энергіи, но лучъ свѣта, исходившій отъ замка, маняще дѣйствовалъ на юношу. Вотъ онъ идетъ паркомъ, видна чья-то заботливая рука, внизу огороды.—Вѣра... онъ прямо таки вскрикнулъ, увидя ее на балконѣ одну за книгой. „Юноша“ пристально вглядывается и боится испугать. Въ этой боязни, въ этой бережности вылилась вся его любовь.

— Вѣра Васильевна!.. не испугайтесь... — окликаетъ онъ издали. И черезъ секунду они лицомъ къ лицу. Скитальцу, который велъ жизнь, полную лишеній, не имѣя подчасъ и копѣйки за душой, было какъ-то неловко предстать предъ нею. Разница между ними была слишкомъ велика. Однако, первая же минута ихъ общенія разсѣяла его опасенія.

Вѣра обняла по-братски и такимъ радушіемъ и такою неподдѣльною радостью повѣяло отъ нея. Вся она моментально ожила. Всѣ эти печальныя складки на ея красивомъ лицѣ расправились и глаза загорѣлись тѣмъ огонькомъ, который никогда не забывалъ юноша.

— Исполнилъ... — скромно сказалъ одно слово юноша и двѣ слезы невольно и незамѣтно выступили на глазахъ. Встревоженная его душа какъ-бы вскрыла всѣ наболѣвшія раны, все то, что онъ выстрадалъ за эти десять лѣтъ сознательной жизни, встало какою-то враждебной стѣной. Оно его какъ-бы сжимало за горло и онъ даже выплакать его не могъ.

— Раньше мы съ вами родились, чѣмъ слѣдуетъ... — проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ торжественнаго молчанія. Именно на лицахъ этихъ гонимыхъ людей можно было прочесть торжество, полное счастье. Онъ хотѣлъ этому чуткому, съ любящею душой человѣку разсказать все, очиститься, сбросить всѣ эти болячки, нажитыя въ тискахъ жизни.

— Прокладывать дорогу, идти впереди трудно, но эту работу нужно же продѣлывать кому-либо изъ людей — нужно же нести этотъ крестъ... говорила она медленно; въ каждомъ ея словѣ звучалъ какъ-бы призывъ и въ концѣ рѣчи и сама она заплакала. Она хотѣла прижать его къ своей изстрадавшейся груди, но „юноша“ скромно сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Что не говори, — сказала она, — а мы должники предъ народомъ: въ той или иной формѣ мы пользуемся его трудомъ... хотѣла бы я жить такъ вотъ, какъ вы живете, но не могу... У васъ нѣтъ этой фальши.... Отрѣшись отъ всего...

— И возьми крестъ... — подумалъ юноша. Но онъ этого не сказалъ. Однако, все его существо говорило объ этомъ крестѣ. Онъ даже о счастьѣ не подумалъ въ эту минуту, о томъ обычномъ счастьѣ, которымъ довольствуются всѣ. Мысль о народѣ, о его бѣдствіяхъ занимала ихъ обоихъ въ данную минуту. Вѣра сидѣла молча и предъ нею проходила вся ея жизнь. И въ ней центральное мѣсто занималъ народъ. Теперь при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ она увидѣла пассивныя массы и то свѣтлое, что держало ее десятки лѣтъ на свѣтѣ, стало заволакиваться дымкой тумана. Съ понятіемъ народъ у нея теперь связывалось что-то безнадежное. И она вспомнила всѣ эти жгучіе споры на эти темы тамъ вдали, на чужбинѣ... Не явись въ данный моментъ юноша, она готова была потерять въ него вѣру. Онъ ей безъ словъ какъ-бы говорилъ: нѣтъ, наше дѣло не безнадежно, — народъ просыпается, чувство правды въ немъ не вытравлено до основанія. Вся жизнь его свидѣтельствовала объ этой вѣрѣ въ народныя силы и говорила о чемъ-то высокомъ и свѣтломъ.

— Знаете, Вѣра Васильевна, — сказалъ „юноша“ послѣ долгаго молчанія, — не могу я остановиться на вашемъ опытѣ громадскаго хозяйства... Оно вамъ по силамъ: вы уже и работали и бѣдствовали, положили послѣднія силы и мы васъ просимъ больше не бѣдствовать, мы хотимъ оберечь вашу жизнь и въ никакую опасную работу не пустимъ... вы нашъ ангелъ-хранитель — будьте имъ и только... лѣчите народъ... и любите его — и въ этомъ ваша сила. Мы же не можемъ на этомъ остановиться... это было-бы для насъ просто позорно... нашъ долгъ идти дальше подымать сонныхъ и бороться за правду... Вѣрьте, что для насъ сознаніе того, что есть гдѣ-то тамъ, на берегу Днѣстра, любящая душа, нашъ вѣрный и лучшій другъ—это самое большее въ жизни!.. Какъ были вы нашею любовью и нашимъ идеаломъ, такъ и оставайтесь... Съ этими словами юноша пожалъ руку Вѣрѣ и ушелъ спать на сѣновалъ, чтобы на другой день съ утра приступить къ работѣ.

Всю ночь не спала Вѣра. Слова „юноши“ дышали какою-то спартанскою дѣвственностью и чистотой. Въ самомъ дѣлѣ, въ болѣе близкомъ общеніи мужчины и женщины было какъ-бы что-то такое, что умаляло человѣка и наслажденіе низшаго порядка не гармонировало съ ихъ жизнью. Какъ бы то ни было, а она готова была всю жизнь провести неразлучно съ этимъ человѣкомъ и въ этомъ ей казалось наибольшое счастье. Тамъ вдали только любовь къ нему и къ массѣ народа ее держали на свѣтѣ...

Работы въ громадскомъ виноградникѣ шли въ полномъ разгарѣ, когда принесли со станціи телеграмму отъ Сергѣя о томъ, что Криницкій ночью умеръ.

Криницкій умеръ, какъ и жилъ, одиноко. Сергѣй долго сидѣлъ у него вечеромъ и хотѣлъ остаться ночевать. Нѣтъ, „идите... сказалъ ему его учитель — хочу остаться одинъ. И ничто не производило въ душѣ Сергѣя такого сильнаго впечатлѣнія, какъ это „одинъ“.

Утромъ Сергѣй позвонилъ — отвѣта нѣтъ. — Умеръ... произнесено роковое слово. Послѣ всего вынесеннаго онъ казался неумирающимъ. Много разъ эту дверь выламывали жандармы, а на этотъ разъ пришлось эту операцію производить Сергѣю.

Вечеромъ Вѣра и юноша пришли на знакомую имъ квартиру и увидѣли лежащимъ на столѣ того, кто такъ долго будилъ въ ихъ душѣ чувство правды и любви къ людямъ. На этомъ серьезномъ лицѣ можно было прочесть исторію его жизни, его всегдашнюю думу объ искорененіи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ на землѣ. Ужасно было подумать, что онъ умеръ. И Вѣра заплакала. Почти двадцать лѣтъ она была связана съ нимъ. Жили и работали они отдѣльно, тѣмъ не менѣе Криницкій служилъ для нея опорой.

— Кому копаете яму? спросила Вѣра рабочихъ въ углу на Байковомъ кладбищѣ.

— Не знаемъ... — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — говорятъ, какому-то учителю...

— Учителю, — подумала Вѣра, — невѣдомому вамъ учителю... Когда же, наконецъ, вы будете знать своихъ учителей и друзей и они будутъ имѣть возможность становиться лицомъ къ лицу съ вами?.. И съ этими словами она ушла отъ послѣдняго убѣжища.

Маріинско-Благовѣщенская церковь была полна, собрались люди, чтобы отдать послѣдній долгъ соціалисту. Тутъ были студенты, тутъ были образованные люди разныхъ направленій, представители украинской громады, членомъ которой покойный состоялъ до смерти. Здѣсь не было только того народа, которому покойный всю жизнь негласно служилъ вѣрою и правдою. За гробомъ шли также и два тѣлохранителя, которые въ жизни стояли между нимъ и народомъ. Были тутъ и такіе чиновные друзья умершаго, которые, по выходѣ изъ церкви, остались очень далеко отъ процессіи, чтобы не выказать своего причастія къ соціализму.

И долго толпа не расходилась послѣ того, какъ хоръ пропѣлъ въ послѣдній разъ: „вѣчная память...“ Каждому думалось, вотъ кто-нибудь выйдетъ и скажетъ, какъ жилъ и чему служилъ покойный. Но страхъ предъ жандармами сковывалъ уста людей. Одни боялись повредить своей карьерѣ, другіе тому дѣлу, которое предстояло.

Почва для аграрныхъ волненій.

Ничто такъ не ускоряетъ развитія и возникновенія идей, какъ соціальныя событія и факты, чѣмъ-нибудь замѣчательные. Жизнь — повседневная борьба за кусокъ хлѣба — имѣетъ склонность засасывать людей въ трясину. И только выдающіеся акты человѣческой дѣятельности способны всколыхнуть застоявшуюся и заплѣснѣвшую жизнь, озаряя ее лучами свѣта, при которыхъ яснѣе выступаютъ недостатки и неустройства общественной жизни. И въ этомъ отношеніи положеніе угнетенныхъ классовъ оказывается болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе господствующихъ, съ момента освобожденія ихъ отъ слишкомъ большого бремени и слишкомъ гнетущей нужды. Воздѣйствіе внѣшняго міра, соціальныхъ фактовъ и отношеній на высшіе классы менѣе интенсивно. Жизнь вокругъ нихъ течетъ тише и спокойнѣе; она не вызываетъ въ нихъ чувства протеста, — она убаюкиваетъ ихъ умственную жизнь. Иначе обстоитъ дѣло внизу, — въ клокочущемъ омутѣ народа. Массы изнемогаютъ тамъ подъ гнетомъ суровыхъ условій и прозябаютъ въ тупоуміи, но чуть этотъ гнетъ хоть немного ослабѣетъ или окажется безсильнымъ въ отношеніи къ мощной натурѣ, тѣмъ могущественнѣе бываетъ духовная реакція. Изъ всей Украйны крестьянамъ Полтавщины въ началѣ XX столѣтія жилось наиболѣе трудно. Полтавщина и Подолія самыя густо населенныя и самыя бѣдныя мѣстности Россіи. Гнетъ помѣщиковъ и бюрократіи здѣсь былъ сильнѣе, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ большинство пановъ были поляки. Послѣ мятежа 1863 года они были въ опалѣ у правительства. Они могли угнетать народъ только своимъ капиталомъ, но этотъ капиталъ давалъ все-таки и заработокъ населенію. Въ Полтавщинѣ же помѣщикамъ принадлежала земля и власть надъ людьми. Они были земскими начальниками и болѣе крупными чиновниками. Въ Юго-Западномъ краѣ паны-поляки по большей части относились отрицательно къ русскимъ законамъ и властямъ и рѣдко въ борьбѣ съ крестьянами прибѣгали подъ ихъ защиту. Полтавское же дворянство и на рубежѣ XX вѣка, какъ и въ концѣ XVIII, выдѣлялось своими оригинальными ходатайствами. Теперь оно ходатайствовало о возстановленіи порки „подлаго сословія“. Извѣстный врачъ Португаловъ, уроженецъ Полтавы, прислалъ ему въ подарокъ маленькій пучокъ розогъ, какъ эмблему его дѣятельности. Владѣльцы крупныхъ имѣній жили въ большихъ городахъ и собирали жатву чрезъ своихъ управляющихъ, что еще болѣе отягощало народъ. И онъ дошелъ до крайности. Полтавщина была поставщицей дешеваго товара на рынки Новороссіи и Кіевщины и выпускала сотни тысячъ въ переселеніе. Ослабленный вѣчнымъ недоѣданіемъ и возмущенный неправдами окружающей жизни, народъ предсталъ лицомъ къ лицу съ соціалистами, которые встрѣтили особенное сочувствіе среди болѣе развитой части населенія. Эта болѣе развитая часть населенія выгодно выдѣляетъ Полтавщину среди сосѣднихъ мѣстностей.

Глухая ночь поздней осени. Въ Полтавѣ въ укромномъ мѣстѣ, вдали отъ шума городского состоялось собраніе Комитета Украинской Революціонной Партіи, при участіи соціалистовъ, прибывшихъ изъ Кіева и Харькова. Были здѣсь и Сергѣй и „юноша изъ Ольшаны“.

Собирались люди съ большими предосторожностями. Лица ихъ были серьезны, по всему можно было заключить о томъ, что рада должна будетъ предпринять рѣшительный шагъ. Шла рѣчь о поднятіи народа.

— Всѣ мы знаемъ, — сказалъ „юноша изъ Ольшаны“ — чѣмъ можно поднять нашъ народъ... Только одна земля и возвращеніе ея можетъ поднять его. Вмѣстѣ съ землей нужно воз-

Если бы надъ помѣщиками производились такіе эксперименты, какіе производятся надъ крестьянами то я, не задумавшись ни на минуту, пошелъ бы на защиту ихъ. И къ народу мы должны подходить съ этою мѣрою правды и щадить вообще человѣческую жизнь, интересы обѣихъ сторонъ...

— Вамъ, юноша, нужно уйти въ свои книги и писать проповѣди богатымъ властнымъ людямъ, напоминая имъ ихъ долгъ предъ меньшимъ братомъ... — иронически замѣтилъ полтавецъ.

— Ироніи здѣсь, господа, не мѣсто... — заявилъ Сергѣй также серьезно, какъ и раньше. — Не мѣсто... не мѣсто, дѣло выше ироній!.. вторили голоса. И рѣшеніе дѣйствовать такъ или иначе было принято ужъ безъ словъ. Само оно вытекало изъ жизни съ желѣзною необходимостью. И всѣ приняли его какъ высшій долгъ, несмотря на то, что это рѣшеніе могло провести многихъ изъ нихъ къ утратѣ жизни, — къ огромному личному горю. Полтавецъ, Левадный и Галичанинъ доложили текстъ воззванія къ народу „41 рікъ після 19 февраля“, предназначеннаго для распространенія среди крестьянъ въ февралѣ, прокламацію: „Чы е теперъ паншина?“ и брошюру: „Дядько Дмытро“.

Принятое рѣшеніе какъ бы сковывало рѣчь. Молча были приняты эти „орудія агитаціи“. Лишь только „юноша“ замѣтилъ: радуженъ былъ восходъ зари „воли“ и печаленъ ея закатъ!.. — Безъ людей эти воззванія — мертвое дѣло, — вставилъ кто-то другой. — Теперь люди уже есть... слышались голоса. Темная ночь, укрывшая расходившихся революціонеровъ, гармонировала съ тою неизвѣстностью, которая была у нихъ впереди.

— Въ центрѣ имѣній самой крупной землевладѣлицы, княгини Великой, стояла „главная контора“.· Здѣсь были всѣ узлы нитей, опутавшихъ жизнь чуть ли не сотни тысячъ душъ. Жилъ тутъ главный властелинъ управляющій — гроза всѣхъ. Имѣя за собой княгиню, онъ чувствовалъ свое могущество и сносился не иначе какъ съ губернаторомъ; исправникъ, земскій, становой все это была мелюзга для него и всѣ они находились въ полномъ у него подчиненіи и вдобавокъ къ тому въ страхѣ. Сверху конторскаго зданія было какъ бы написано огненными буквами это символическое слово „страхъ“. По субботамъ здѣсь собирались съ рапортами и отчетами управители, получавшіе наряды и приказы. Пріемъ происходилъ въ большомъ залѣ. На возвышеніи, возлѣ царскихъ портретовъ и портретовъ княгини, помѣщался тронъ, на которомъ и возсѣдалъ властелинъ. На почтительномъ разстояніи внизу стояли столы для управителей.

Въ тотъ самый день, когда въ Полтавѣ происходило собраніе соціалистовъ, въ этомъ залѣ управители должны были доложить отчеты о суммахъ, выплаченныхъ сроковымъ рабочимъ и о сдѣланныхъ съ нихъ вычетахъ и отчеты о суммахъ, взысканныхъ съ крестьянъ за потравы.

Тронъ былъ еще пустъ. Управители всѣ въ сборѣ. Посматривая поминутно на дверь, откуда долженъ былъ появиться ихъ господинъ, они справлялись другъ у друга о суммахъ вычетовъ. Лицо у одного изъ новичковъ управителей вдругъ сдѣлалось блѣднымъ, какъ полотно... У его сосѣда на четыре тысячи, выданныхъ рабочимъ, было вычетовъ свыше тысячи рублей, а у него на пять тысячъ всего только сто двадцать рублей!.. — Это Левадный, соціалистъ проклятый, свинью подложилъ... — мелькнуло у него въ головѣ. Когда ты ему ни скажи о вычетѣ, онъ всегда забудетъ... Однако же и наши братчики—молодцы, умудрились вычесть тысячу изъ четырехъ!.. — подумалъ онъ. И потравъ у него было всего на сто рублей въ то время, когда другіе собрали на этой статьѣ дохода тысячи. И всему причиной тотъ же Левадный...

Управители почтительно встали еще въ то время, когда грузная фигура приближилась къ дверямъ въ слѣдующей комнатѣ. Отвѣсивъ поклонъ, они стали подходить по старшинству къ трону. Все это былъ народъ испытанной вѣрности, вычитывавшій съ рабочаго и за утраченную иголку и бравшій съ крестьянъ и за курицу, перешедшую границу княжескихъ имѣній.

Долго читались цифры и долго онѣ съ болью отражались въ душѣ управителя съ малыми вычетами.

Ни живъ, ни мертвъ предсталъ онъ предъ лицомъ владыки. Блѣдный, какъ полотно, онъ перелистывалъ дрожащими руками отчетъ и наконецъ рѣшился произнести: Выдано 5115 рублей и вычтено изъ нихъ 121 рубль...

— Сто двадцать на пять тысячъ? съ яростью крикнулъ возсѣдавшій на тронѣ и лицо его приняло свирѣпный видъ.

— У меня аккуратные рабочіе!.. бормоталъ управитель, какъ школьникъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія. Но эти попытки защищаться еще болѣе возмутили начальника.

— У васъ и крестьяне аккуратные?.. Отвѣчайте мнѣ на этотъ вопросъ!.. — присталъ онъ, какъ бы съ ножемъ къ горлу. Такъ какъ дальше слѣдовала статья о потравахъ, поэтому управитель послѣ минутнаго раздумья сказалъ: и крестьяне аккуратные... по крайней мѣрѣ потравъ не дѣлали...

Управитель не договорилъ этой фразы. Ему прямо въ глаза патронъ швырнулъ бумагу, въ четверо сложенную.—Мерзавцы...— пробурчалъ онъ.

Управитель еле удержался на ногахъ. Но гнѣвъ, достигнувъ высшей точки, началъ какъ бы потухать.

— Подали прошеніе самой княгинѣ, — началъ уже ко всѣмъ управителямъ говорить управляющій, — дерзкое прошеніе... все переврали, требуютъ, чтобъ имъ всю землю отдали... Ходоки ваши же „аккуратные крестьяне“ нагрубили въ главномъ дворѣ, откуда ихъ выгнали и отправили по этапу на родину... Вся волость подала, а вы этого, господа, не знаете... И узнаете только тогда, когда они соберутся въ одну прекрасную ночь и всѣхъ перерѣжутъ... Слова эти задѣвали уже всѣхъ управителей и были наполнены самымъ ѣдкимъ сарказмомъ.

Отвѣтомъ на нихъ было гробовое молчаніе.

— Все это пахнетъ соціализмомъ и бунтомъ, а вы, хорошіе слуги, спите на здоровье. Управитель не выдержалъ, лицо его при этихъ словахъ какъ бы озарилось мыслью. — Мы въ этомъ не повинны, — сказалъ онъ съ достоинствомъ — у насъ слишкомъ много работы... за крестьянами мы не можемъ слѣдить... А вотъ Леваднаго, котораго прислала мнѣ контора, я замѣчалъ въ сношеніи съ крестьянами...

— Замѣчалъ... и далъ возможность пропаганду вести!.. вонъ въ двадцать четыре часа, вонъ всѣхъ... При этихъ словахъ управляющій, весь багровый и злой, быстро соскочилъ съ трона и, хлопнувъ дверью съ такою силой, что все зданіе пришло въ движеніе, скрылся.

— Паршивый нѣмчуга... — сказалъ кто-то изъ управителей, собравшихся въ кучу и пришедшихъ въ смятеніе.

— Вашего Леваднаго надо выгнать и написать жандармамъ... — сказалъ старѣйшій управитель, — мужиковъ прижать, чтобъ они не смѣли больше лѣзть съ прошеніями.

— Не будетъ у насъ, господа, въ этомъ году наградныхъ— сказалъ съ горечью управитель съ вычетами въ тысячу двѣсти рублей. — Изъ кожи лѣзъ, чтобъ до тысячи догнать, а теперь изъ-за дураковъ ничего не достанется...

— Тутъ ужъ дѣло пахнетъ не наградными, цѣлы бы остались... сказалъ другой. И вся братія рѣшаетъ принести повинную, для чего избирается старѣйшій управитель, которому княгиня собственноручно навѣсила золотую медаль за вѣрную службу. Съ этою медалью онъ раньше никогда не разставался. Во время одной изъ расправъ съ рабочими одинъ смѣльчакъ было вцѣпился въ нее и перервалъ золотую цѣпь, — съ тѣхъ поръ онъ надѣвалъ ее только по торжественнымъ днямъ и при поѣздкѣ къ главноуправляющему. Пока управляющій деликатно извинялся, братія прочла прошеніе. И чего тутъ не было! И то, что крестьянъ обманули при нарѣзкѣ надѣла, дали имъ нищенскій надѣлъ и взяли за него непомѣрный выкупъ, на который выстроили контору и экономіи, высасывающія кровь населенія, а управляющій ведетъ себя, какъ турецкій султанъ, и управители вычитываютъ съ рабочаго послѣднюю копѣйку и живутъ, какъ цари...

— Это, батенька, дѣло рукъ Леваднаго!—рѣшили въ одинъ голосъ управители.

— Крестьяне такого прошенія не составили бы...

А тѣмъ временемъ и управляющій, смѣнившій гнѣвъ на милость, снова появился на тронѣ.

Отряхни прахъ отъ сапогъ, Левадный уходитъ. У него въ „конторѣ“ были свои люди; они ему и передали о всемъ случившемся. Въ хатѣ Грыцька, крестьянскаго ходатая, истоптавшаго не одну пару сапогъ въ безплодныхъ хожденіяхъ къ княгинѣ, собрались Галичанинъ, служившій помощникомъ волостного писаря, „юноша изъ Ольшаны“ и Левадный. Была слякотная зимняя ночь.

— Мое соприкосновеніе съ главнымъ управленіемъ окончено...— заявилъ Левадный.— Оставайся, братъ Галичанинъ, одинъ, а я по-добру по-здорову долженъ уходить. Главноуправляющій пришелъ въ ярость и сообщилъ архангеламъ... При этомъ Левадный разсказалъ о всемъ происшедшемъ въ извѣстномъ залѣ.

— Теперь я объявляю войну всѣмъ этимъ „управленіямъ“, а ты, братъ (обращаясь къ Галичанину), все твердишь о человѣчности и думаешь, чтобы никого даже не побезпокоить!! Левадный при этомъ засмѣялся, добавивъ:—а они не думаютъ, а дѣйствуютъ... Не знаю, какъ вы, а я иду тоже дѣйствовать... Эту подлую мѣстность я тоже не оставлю въ покоѣ (имѣйте это въ виду), и буду къ вамъ навѣдываться изрѣдка темною ночью и съ револьверомъ въ рукѣ, ибо не хочу живымъ отдаться въ руки жандармамъ. А вы, прекрасныя души, оставайтесь, изыскивайте самыя нѣжнѣйшія формы протеста и все-таки постарайтесь использовать извѣстіе объ участи ходатайства и ходоковъ... Это во-первыхъ, а также намѣтьте въ каждомъ селѣ по нѣсколько сознательныхъ крестьянъ—это во-вторыхъ. Съ ними я самъ поговорю... Вручивъ „юношѣ изъ Ольшаны“ адресъ, по которому онъ долженъ былъ его найти въ Харьковской губерніи, Левадный пожалъ руки товарищамъ и Грыцьку и удалился.

— А ночь и тьма тебя не страшитъ? спросилъ Галичанинъ уже на порогѣ.

— Темнотой пользуются ваши противники и намъ ничего больше не остается, какъ идти въ борьбѣ съ ними этимъ же путемъ... донеслись эти пародоксальныя слова уже изъ мрака.

Атмосфера, насыщенная парами взрыва, душила оставшихся людей, по существу самыхъ скромныхъ и мирныхъ тружениковъ земли.

— По природѣ онъ воинъ... — сказалъ Галичанинъ, — а служба вблизи очаговъ капитализма свернула его на путь революціи. И исходъ нашего дѣла будетъ зависѣть не отъ насъ, а отъ него. Поднять массы можетъ только онъ во имя разрушенія...

Выступленіе соціалъ-демократовъ.

Организація соціалъ-демократовъ въ Кіевѣ росла не по днямъ, а по часамъ. Нельзя сказать, чтобы жандармы о ней не знали. Они знали, но не въ ихъ интересахъ было пресѣкать на первыхъ порахъ. Жандармамъ нужно было громкое дѣло и они все наблюдали и выслѣживали, стараясь возможно больше прихватить лицъ. Съ одной стороны, эта тактика жандармовъ, съ другой — особенная бдительность соціалъ-демократовъ были причиною роста ихъ организаціи... Вся зима прошла въ кипучей работѣ. Работалъ комитетъ, стоящій въ центрѣ организаціи, работали отдѣльные члены въ рабочихъ кружкахъ. Литература въ изобиліи доставлялась изъ заграницы и фабриковалась здѣсь. Кіевъ служилъ какъ-бы передаточнымъ пунктомъ между центральною Россіею и югомъ.

— Организація пролетаріата и поднятіе его самосознанія, — такъ формулировалъ свои задачи одинъ изъ лидеровъ партіи. — Путемъ сплоченія рабочіе будутъ бороться съ работодателями за улучшеніе своего положенія, съ одной стороны, съ правительствомъ за свободу, — съ другой. Безъ этой свободы борьба съ капитализмомъ почти невозможна, не мыслима и побѣда соціализма. Средствами борьбы у насъ являются коллективныя требованія и забастовки по отношенію къ хозяевамъ, и демонстраціи и массовые протесты по отношенію къ правительству. Способы эти выработала практика Западной Европы и по существу они мирные и культурные. И если они сопровождаются жестокостями, то не съ нашей стороны и не по нашей винѣ... Во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ мирная забастовка или демонстрація не даетъ повода къ вмѣшательству военной силы и нагаекъ. И только въ странахъ варварскихъ эти культурные способы борьбы преслѣдуются..,

Къ веснѣ были намѣчены цѣлый рядъ стачекъ, демонстрація и празднованіе 1-го мая. Стачки должны были открыться самыми отсталыми и самыми загнанными хлѣбопеками. Нужно было присутствовать на собраніи представителей хлѣбопековъ. Одинъ видъ ихъ говорилъ безъ словъ о ихъ жизни. Осунувшіеся, съ уста лыми и больными глазами, они работали въ страшной жарѣ, раздѣваясь до нага. Тамъ, въ подземельи, они жили и спали, если можно назвать сномъ дремоту часа два въ сутки. Работа ихъ была самая тяжелая: таскали они кули съ мукой, мѣсили хлѣбы, какъ вьючныя лошади.

Стачки должны были начинаться съ вокресенья, на которое назначена была и демонстрація. Въ демонстраціи на главной улицѣ, которая по воскресеньямъ весной бываетъ запружена народомъ, должны были принимать участіе всѣ соціалъ-демократы и сознательные рабочіе, къ которымъ были выпущено соотвѣтствующее воззваніе. Работы было много. Поднять хлѣбопековъ, среди которыхъ много турковъ, ни слова не понимавшихъ по-русски — дѣло не легкое. Но они были подняты. Сознательная мысль была возбуждена въ подземельѣ. Утромъ, въ воскресенье, обыватели, раскрывши рты, поняли, что такое стачка. Свѣжаго хлѣба не было. Весь городъ былъ полонъ разговоровъ о жизни хлѣбопековъ. И взору обывателя впервые со времени основанія города представился этотъ хлѣбопекъ. Голый, въ стоградусной жарѣ, весь въ поту и грязи, онъ цѣлую недѣлю безъ праздничнаго отдыха работалъ, не разгибаясь и не видя солнца.

Свѣтало, на востокѣ занималась заря. Городъ оживалъ, мелкій людь принимался за свои обязанности. Марьяна пробиралась въ свою комнату на пятомъ этажѣ съ однимъ окошечкомъ, выходившемъ въ немазанную стѣнку. Только здѣсь, опустившись на кровать, она почувствовала, что уже двѣ ночи не спала. Тамъ на улицѣ она забывала усталость: боязнь шпіоновъ, необходимость спѣшить по дѣлу эту бѣготню сдѣлали автоматическою. Да и жизнь, которую она вела въ послѣдній годъ, была во многомъ похожа на дѣйствія автомата. Организація подъ конецъ изгнала изъ нея душу живу и вся жизнь ея была во власти организаціи. Марьяна до такой степени устала, что мысль ея не работала, наскоро раздѣвшись, она старалась уснуть; въ ея распоряженіи осталось только нѣсколько часовъ, а тамъ она должна будетъ выполнять взятую на себя роль. Но сонъ отъ Марьяны бѣжалъ. Предъ ея глазами предстали хлѣбопеки и та конура, въ которой они собирались, и лица ихъ, молившіе о защитѣ... И цѣлый рядъ такихъ же конуръ ремесленниковъ, въ которыхъ она проводила ночи, уча этотъ людъ сплоченію и борьбѣ за лучшую долю. И среди массы этото забитаго человѣчества вырисовываются въ воображеніи Марьяны единицы съ чуткою любящею душой и привлекательные образы ихъ на время вытѣсняютъ мракъ этихъ конуръ и зіяющую нужду, съ которою она такъ близко столкнулась... И наконецъ ея сознаніемъ завладѣваетъ цѣликомъ образъ Ананія, съ которымъ она часъ тому назадъ разносила послѣдніе экземпляры прокламаціи.— Кто онъ? задаетъ себѣ въ сотый разъ Марьяна вопросъ — самоотверженный борецъ или провокаторъ — предатель? Какою искренностью и какою преданностью народу дышетъ отъ его письма, которое она не рѣшается даже уничтожить. Такъ оно прекрасно и содержательно! Глубокая критика дѣйствій правительства и всѣ уловки богатыхъ классовъ въ цѣляхъ удержанія въ подчиненіи массы!.. Неужели авторъ такого письма, которое можетъ подкупить каждаго своею правдивостью, можетъ быть предателемъ?.. Но въ глубинѣ души, усталой, изстрадавшейся и встревоженной, слышится какъ бы посторонній голосъ: „Ананій предатель"!..

— Все равно, пусть предатель — дѣло не поправимо: все вѣдь знаетъ... мелькаетъ въ головѣ ея. И страхомъ вѣетъ отъ ея мысли о предстоящей демонстраціи. Подымать красный флагъ... Пѣть „Вставай, подымайся... и какою-то болью въ ея душѣ отразились эти слова. Марьяна хотѣла закрыть глаза навсегда, до такой степени она была усталой. И ей въ эту пору почему то вспомнилась Тарасовка и Пріютъ и та спокойная жизнь, которую она вела. Оставить все и возвратиться вспять... мелькнуло въ головѣ Марьяны... Но она тамъ лишняя, возврата назадъ не можетъ быть. Съ людьми, работающими совмѣстно, она органически связалась и они теперь надъ нею господствовали.

— Всякія безпорядки будутъ подавляемы силою оружія...— большими буквами красовалось на столбахъ и заборахъ объявленіе. И эти слова врѣзались въ душу Марьяны, которая пробирается среди плотныхъ массъ народа къ условленному мѣсту. Море головъ, — яблоку нѣтъ мѣста на главной улицѣ. Полиція согнана со всего города. На всѣхъ перекресткахъ солдаты и казаки. Возлѣ каждаго двора видѣнъ зоркій глазъ; тѣмъ не менѣе одновременно въ разныхъ мѣстахъ прорываются звуки: „Вставай, подымайся"... И только въ одномъ мѣстѣ взвился красный флагъ. На него съ большою яростью набрасывалась полиція, нагрянулъ отрядъ казаковъ, смяли публику... Губернаторъ, какъ угорѣлый, мечется въ фаетонѣ и кричитъ: расходитесь... расходитесь! Но эти слова не производятъ никакого дѣйствія. Публики столько, что и просунуться нельзя.

Весеннее солнце ласково согрѣваетъ озабоченныя лица людей, присутствующихъ на невиданномъ еще зрѣлищѣ. Уже смеркало, когда послѣдная кучка демонстрантовъ — студенты, рабочіе, женщины—вмѣстѣ съ публикой была загнана къ участку солдатами и нещадно побита прикладами и нагайками. Прорвалась вмѣстѣ съ другими и Марьяна, на которую нѣсколько разъ нападали и полицейскіе и казаки. Лицо ея носило слѣды побоевъ. И она въ сумеркахъ еле-еле приплелась на пятый этажъ. И только здѣсь она вспомнила, что три дня не обѣдала, но эта мысль была подавлена другими. Картины только-что минувшаго дня неотступно вставали предъ нею и сонъ ея бѣжалъ. Толпа и толпа, жадная до зрѣлищъ, свирѣпые казаки и полицейскіе, цѣлый полкъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ... и борьба жестокая... И въ этой толпѣ она, Марьяна, кричащая... поющая... и Марьянѣ кажется, что то была другая Марьяна, находящаяся во власти организаціи. И то, что она продѣлывала, кажется ей сномъ. Никогда больше, никогда... прошептала она и почему-то въ эту минуту она вспомнила Сергѣя, который казался ей брошеннымъ и обиженнымъ ею, и старый Войналовичъ такимъ же брошеннымъ и обиженнымъ предсталъ предъ нею... Рѣзкій звонокъ.—Ананій выдалъ... мелькнуло у нея и Марьяна все забываетъ. Глазамъ своимъ не вѣритъ. Предъ нею „генералъ“ — глава комитета, — весь поглощенный дѣломъ организаціи. Онъ видѣлъ синяки Марьяны. Онъ принесъ лѣкарство и пришелъ навѣстить. Онъ и кулекъ съ провизіей принесъ.

— Крѣпитесь!.. — сказалъ онъ ласково, — демонстрація удачна и наши всѣ цѣлы и стачка хлѣбопековъ выгоритъ... хозяева идутъ на уступку...

— А вы были у участка?.. спросила Марьяна.

— Былъ, какъ же... — отвѣтилъ онъ. Одинъ негодяй пробовалъ меня ударить штыкомъ въ глухомъ переулочкѣ, а товарищъ Юрко, подкарауливъ его сзади, выхватилъ у него винтовку и вытолкнулъ на улицу... Пока онъ звалъ помощь, мы перебрались чрезъ заборъ и ушли, оставшись въ барышѣ съ винтовкой!.. И на лицѣ его, серьезномъ и вдумчивомъ, появилась улыбка. На минуту забыла свои страданія и Марьяна.

— Теперь еще самое трудное осталось для насъ... — продолжалъ вождь — это первое мая... Въ этотъ день всѣ наемники должны напомнить о себѣ, какъ напомнили сегодня хлѣбопеки... И начальство взялось за составленіе правилъ объ 11 часахъ работы!

— А я бы хотѣла взять отпускъ...—несмѣло сказала Марьяна, — не выдержу.

— И я бы хотѣлъ взять отпускъ... вторилъ онъ.—У меня государственный экзаменъ... Ну, ужъ знаете, тогда мы съ вами будетъ отдыхать, когда насъ Ананій выдастъ и заберутъ въ тюрьму... И повѣрьте, это будетъ очень скоро... Мнѣ шпіоны положительно не даютъ дышать, — по пятамъ слѣдуютъ... И съ этими словами онъ ушелъ, крѣпко пожавъ руку Марьяны. Она забыла на время боль, какою-то человѣчностью и добротой дышали слова этого человѣка. И ей всѣ товарищи представились со всѣмъ ихъ героизмомъ и самотверженіемъ.

Приготовленія къ 1-му мая свалили Марьяну съ ногъ. Вечеромъ наканунѣ нужно было еще разъ пойти на собраніе для распредѣленія ролей. Но она была не въ состояніи: бѣготня, работа и ожиданіе каждую ночь жандармовъ, шпіоны на каждомъ шагу все это разстроило нервы. Она лежала и думала — думала не о завтрашнемъ днѣ, а о далекомъ, о Тарасовкѣ, о безпомощной матери, о больномъ отцѣ, который былъ наканунѣ сумасшествія, о тишѣ полей и лѣсовъ. А въ отворенное окно доносилась сутолока городской жизни, чуждой ей и мало интересной. Лишь только оно, бѣдствующее человѣчество, достойно того, чтобы здѣсь страдать... думаетъ Марьяна и напрягаетъ силы, чтобы заставить себя подняться и приняться за подготовку той рѣчи, которую она должна будетъ произнести на рабочемъ праздникѣ въ лѣсу. Мысль о томъ, что она должна будетъ выступать предъ большимъ собраніемъ, повергаетъ Марьяну въ жаръ. Не вѣрится ей, чтобы состоялся этотъ праздникъ... Робкій звонокъ прерываетъ мысль ея и говоритъ о приходѣ кого-либо изъ товарищей. Марьяна отворяетъ. Озабоченное лицо Рахили, которая служитъ въ организаціи разсыльнымъ, говоритъ о тревогѣ. Задыхавшись, она опускается на единственный стулъ. — Сегодня заберутъ.. получены вѣрныя свѣдѣнія.. Семьдесятъ околодочныхъ заготовлено.. И лицо дѣвушки, красивое и обычно печальное, дѣлается еще болѣе печальнымъ. Марьяна, собиравшаяся вставать, снова опускается. И мысль о праздникѣ уходить далеко, далеко. — А Ананій? —

— Вѣроятно, предатель.. Я къ нему не пойду... Прощай! — дѣвушка крѣпко цѣлуетъ Марьяну. Послѣдняя съ трудомъ подымается и достаетъ въ отверстіи висѣвшій на веревочкѣ свертокъ брошюръ, покрытый сажею.

— Возьми, Рахиль, это самое необходимое для работы въ кружкахъ...

Дѣвушка быстро прячетъ, еще разъ цѣлуетъ подругу и уходитъ. Ей нужно дать знать еще въ десяти мѣстахъ. И сдѣлать это нужно до арестовъ, иначе она рискуетъ попасть въ руки жандармовъ.

— Не уйти ли въ Тарасовку? Мелькнула мысль по уходѣ Рахили. Но Марьяна ни на что не была способна. Цѣлые годы мысль ея работала только въ одномъ направленіи и она разучилась, наконецъ, думать о чемъ-либо другомъ. Нужно идти до конца. Чувство товарищества взяло верхъ. Вмѣстѣ работать, вмѣстѣ отвѣчать... думаетъ Марьяна и вся уходитъ въ слухъ. Цѣлая толпа подступила къ дверямъ и дворникъ тревожно позвонилъ: „Вамъ телеграмма“.. Кричитъ онъ тревожнымъ голосомъ. Марьяна автоматически подымается и идетъ, какъ на закланіе. Въ одну минуту комната ея наполняется людьми. Жандармы, околодочный, городовые и женщина.

Уйдите.. нужно обыскать.. — скомандовалъ ротмистръ и братія удалилась.

Было раннее утро. Изъ-за высокихъ крышъ появились первые лучи солнца. Лаской и нѣгой вѣяло отъ нихъ. Цѣлый кортежъ образовался возлѣ тюрьмы. И все знакомые лица, все товарищи! Одинъ за другимъ входили они въ мрачный сводъ въ сопровожденіи околодочныхъ. И дѣвственною невинностью и чистотой вѣяло отъ многихъ. Вотъ одна дѣвушка поразительной красоты. Лицо ея, нѣжное, ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ задернутое дымкой грусти, не гармонируетъ съ суровыми лицами окружающихъ. И ненавистью только-что сверкавшіе глаза закоренѣлыхъ революціонеровъ при видѣ товарищей улыбаются и они какъ бы забываютъ эту мрачную обстановку. Всѣ они до сихъ поръ живутъ общею мыслью о первомъ маѣ, а впереди ихъ ждетъ долгая и тяжелая борьба, жизнь безъ достаточнаго свѣта и воздуха и съ голодовками и допросы, напоминавшіе пытку, и далекая Сибирь.

Въ одинъ изъ длинныхъ и тяжелыхъ дней голодовки, предпринятой съ цѣлью вызвать предъявленіе обвиненій, по всѣмъ камерамъ пронеслось:

— Ананій выдалъ.. Провокаторъ, зубатовецъ.. И эти слова, какъ соль, падали на растревоженныя раны.

Аграрные безпорядки Полтавщины и Харьковщины.

Вѣсть о судьбѣ, постигшей ходатайство крестьянъ, облетѣла съ быстротою молніи и вся округа заволновалась. Изъ конторы прошелъ слухъ, что прошеніе уничтожено. Можетъ быть, это была утка, но народъ повѣрилъ слуху. Ходоки тѣмъ временемъ странствовали по длиннымъ россійскимъ этапамъ. Казенные харчи хоть изъ рукъ вонъ худыя, но все же харчи, а тюрьмы это своего рода школы для крестьянина, и ходоки, притерпѣвшись, сами не особенно спѣшили. Отсутствіе вѣстей отъ нихъ только подливало масла въ огонь. Буря приближалась и могла разразиться каждый день. Экономіи стояли какъ-бы окруженныя морскою волной. Появленіе ходоковъ въ сопровожденіи стражи всколыхнуло житейское море. Въ мѣстечкѣ вся площадь была запружена народомъ. За десятки верстъ шли люди въ драныхъ свиткахъ и въ кожухахъ. Море головъ, какъ на ярмаркѣ!—Подавай ходоковъ...—слышны были голоса. Не скоро былъ отысканъ одинъ изъ ходоковъ, но онъ былъ малъ ростомъ и рѣчи его никто не могъ разслышать. Нашли у еврея порожнюю бочку и высадили его на бочку. Ходатай испуганно кланяется міру и не знаетъ съ чего начать. — Дякуемъ вамъ за честь, а більше въ гости до княгини не хай йде, хто хоче...

— А земля намъ буде? раздались голоса толпы, не нуждавшейся въ предисловіи.

— Та де жъ тамъ вамъ буде земля?! удивленно проговорилъ ходокъ. Слава Богу, що зъ душамы пустылы... Идить та требуйте, а зъ насъ довольно... И съ этими словами онъ спрыгнулъ съ бочки.

— Контора проклята!.. Толпа еще сильнѣе заволновалась, собираясь громить контору.

— Не конторы вамъ треба, — урезонивалъ Грыцько, получившій надлежащія указанія отъ галичанина, — а земли, а земли теперъ не возьмешь, бо вона замерзла. Покы що, тилько не наймайтесь за безцинокъ... Нехай контора платыть за строкъ сто карбованцивъ чоловикови и симдесятъ жинци. Поришить усымъ мыромъ и держиця на цему...

— Нихто не нанимайсь... — кричала толпа. — Сто карбованцивъ въ срокъ на все лѣто — пронеслось по всей толпѣ. И на этотъ разъ это былъ самый подходящій выходъ. Толпа, принявъ это рѣшеніе и закрѣпивъ его проклятіемъ тому, кто нарушитъ его, уже въ сумеркахъ разошлась. Вопросъ о дѣлежѣ панской земли былъ такимъ образомъ отложенъ до болѣе благопріятнаго момента.

Такой подходящій случай скоро представился. На одномъ изъ собраній управляющихъ было рѣшено не нанимать на срокъ мѣстныхъ бунтарей, а привезти съ сѣвера, гдѣ еще хуже жилось людямъ. Была ли это простая угроза или контора дѣйствительно рѣшила наказать крестьянъ, неизвѣстно, — только это было послѣдней каплей, переполнившей чашу... Былъ Левадный, имѣвшій секретное совѣщаніе съ сознательными крестьянами.Изъ предосторожности на немъ не присутствовалъ галичанинъ, ограничившій свою работу мирною стачкой, которая была уже проведена по всѣмъ селамъ. И не ворвись струя бунтарства, она достигла бы цѣли.

Весна вступала въ свои права. Съ полей понеслась пѣснь жаворонка, но не она занимала крестьянина. По всѣмъ селамъ пронеслась вѣсть о томъ, что на завтра назначенъ раздѣлъ панскихъ земель. Было еще рано, когда на княжескихъ поляхъ появилась толпа крестьянъ всевозможныхъ возрастовъ. Тутъ были старцы, тутъ были и юноши и вдовы; всѣ спѣшили, чтобы не упустить этого благословеннаго и давно жданного момента. Лица крестьянъ были серьезны и всѣ они были глубоко убѣждены въ правотѣ этого дѣла.

— Съ молебна слѣдуетъ начинать... проговорилъ благообразный старикъ, ходившій дважды на Аѳонъ и въ Іерусалимъ.

— Съ молебна... вторила за нимъ толпа. — У попа и указъ долженъ быть...

Пока старики ходили за батюшкой, въ толпѣ произошло замѣшательство. Бѣдняки, не имѣвшіе ни скота, ни сѣмянъ, увидѣли, что заможные ихъ обойдутъ. Тѣ сейчасъ могли осуществить свое право, а бѣдняку, всегда ожидавшему, теперь придется ожидать еще больше. И бѣднота готова была ополчиться на плугатарей.

— Вы чого на насъ нападаете? крикнулъ кто-то изъ плугатарей, — у пановъ есть много сѣмянъ и скота.

— На що имъ худоба, и насиння, разъ земля наша...— пронеслось по рядамъ.

— Колы земля наша, то и все, що до неи належыть... довольно съ нихъ, пожили на свое удовольствіе!.. И тысячная толпа двинулась къ конторѣ. По мѣрѣ приближенія внутри каждаго вставали воспоминанія о перенесенныхъ обидахъ и довольно спокойное богобоязненное настроеніе тамъ у земли смѣняется бурнымъ потокомъ. Все то, что было придушено чуть-ли не вѣками, проснулось и стали наяву всѣ эти вычеты и утѣсненія. — Уничтожить проклятую до основанія... раздаются въ толпѣ голоса. На время забывается мысль о скотѣ и сѣменахъ; при видѣ конторы людъ забылъ даже о дѣлежѣ и вся сила возмущенія переходитъ на стѣны конторы, въ которой не было души живой.

— Бый проклятую!.. — раздался чей-то голосъ и его было достаточно, чтобы толпа набросилась съ яростью. И по мѣрѣ того, какъ стѣны сопротивлялись, ярость росла.

— Не вартъ зъ нею рукъ паскудыть... бросилъ кто-то мысль — спалыть, щобъ до щенту скореныть...

Это слово „спалыть“ быстро пронеслось въ толпѣ и черезъ нѣсколько минутъ уже свирѣпствовало разрушительное пламя. Чувство мщенія какъ-бы удовлетворяется и толпой овладѣваютъ хищническіе инстинкты. Пылающее зданіе бросается и всѣ направляются въ амбары и скотскіе дворы. Давя и толкая, люди всюду проникаютъ и, вырывая другъ у друга, тащутъ все, что попадалось въ руки.

Все мѣстечко бросило занятія и пошло на пожарище. Отправляется туда и галичанинъ. Вотъ тебѣ и протестъ... подумалъ онъ, увидѣвъ, что люди совсѣмъ перемѣнились, стали не узнаваемы. Въ данную минуту они не послушали бы и самаго Христа. Съ тѣми прежними людьми у галичанина было общее; онъ ихъ любилъ всей душой. Съ этими же, дерущимися до крови изъ за обладанія панскою лошадью или коровой, у него не было ничего общаго. Между ними легла непроходимая пропасть. Много разъ въ жизни онъ былъ одинокъ и жилъ среди чужихъ. Но нигдѣ это жуткое чувство не достигало такой степени, какъ здѣсь. Видъ этого хаоса въ его душѣ, нѣжной и чуткой, произвелъ удручающее впечатлѣніе. Кромѣ человѣческой неправды, доведшей людей до скотоподобнаго состоянія, онъ не могъ подыскать никакого другого объясненія. Надъ его намѣреніями и мечтами о мирномъ протестѣ посмѣялись товарищи и жизнь. Направленіе „око за-око, зубъ за-зубъ" взяло верхъ. Его принципы мирнаго завоеванія земли и хлѣба не соотвѣтствовали тѣмъ жестокимъ инстинктамъ, которые управляли жизнью.

Восходившее солнце освѣтило равнину, на которой стоялъ гулъ толпы. Казалось, тысячи голосовъ слились въ этомъ шумѣ, похожемъ на шумъ въ ульѣ. Ничего нельзя было разслышать въ этомъ, повидимому, безконечномъ спорѣ на счетъ дѣлежа. Каждый изъ тысячи желалъ протиснуться въ самую гущу и внести свое мнѣніе. Вождей не видно было и толпа никому неспособна была повиноваться. Она была совершенно не организована. Дѣлить по душамъ или по дворамъ, давать всѣмъ или только нуждающимся эти и другіе безконечный рядъ вопросовъ всплыло наружу; вмѣстѣ съ ними всплыли личные счеты. Люди ругались и укоряли другъ друга. Никому не было дѣла до окружающаго. Они не замѣтили другой толпы, двигавшейся изъ города. Миновавъ развалины конторы, отрядъ драгунъ выросъ какъ-бы изъ земли предъ толпой. Видъ опустошеній подѣйствовалъ внушительно на начальство, слѣдовавшее вслѣдъ за драгунами.

Толпа пришла въ нѣкоторое замѣшательство. Споры сразу прекратились. Люди инстинктивно почувствовали страхъ при видѣ войска.

— Вы, что дѣлаете, грабители?.. — спросилъ старичекъ губернаторъ, не вѣрившій до сихъ поръ, чтобы въ его губерніи — спокойнѣйшей изъ губерній — былъ бунтъ.

— Приказъ землю дѣлить... кто-то сказалъ, но толпа безмолствовала. Она какъ-бы застыла въ той позѣ, въ которой засталъ ее этотъ кортежъ.

— Отдайте награбленное... выдайте зачинщиковъ... раздался сердитый голосъ.

Но въ это время среди начальства показался управляющій, на котораго толпа и устремила вниманіе. Это онъ навелъ... пробѣжало по толпѣ. Не хочетъ, молъ, разстаться съ сытнымъ мѣстомъ.

— Онъ душитъ нашего брата... И толпа заревѣла.

— Разойдитесь!.. прокричалъ зычнымъ голосомъ ротмистръ, начальникъ отряда. — За третьимъ разомъ будемъ стрѣлять...

Толпа смѣшалась, но никто не двинулся съ мѣста. Глаза крестьянъ безумно глядѣли на минутныя приготовленія драгунъ; они, казалось, не слышали этихъ установленныхъ закономъ троекратныхъ предупрежденій. Раздался залпъ. Произошло что-то страшное. Дымъ разсѣялся. Тысячная толпа убѣгала въ различныхъ направленіяхъ, оставивъ убитыми и ранеными около двадцати душъ. Драгуны и начальство застыли въ оцѣпенѣніи. Выстрѣлы, крики убѣгавшихъ и стоны оставшихся раненыхъ привлекли массу народа изъ мѣстечка.

— Можете убирать... распорядилось начальство, уѣхавшее къ волостному правленію. Оттуда шелъ галичанинъ къ мѣсту разыгравшейся трагедіи, пристально вглядываясь въ лица убитыхъ и раненыхъ. — Грыцько... съ ужасомъ у него вырвалось. Тѣло его было бездыханно. Юноша сразу растерялся, не зная, что и предпринять.

Это былъ тотъ человѣкъ, котораго любилъ юноша, тотъ, кто не участвовалъ въ грабежѣ и былъ такимъ же сторонникомъ мирнаго прогресса, какъ и онъ. Со страхомъ галичанинъ беретъ его трупъ и тащитъ вмѣстѣ съ другими. Жена его, увидѣвъ мертваго мужа, въ безуміи бросается на юношу.

— Це вы его научалы!.. це вы его запакувалы... быйте его, люде добри...

Юноша едва удержался на ногахъ. Онъ тоже дико смотрѣлъ на процессію съ мертвыми и живыми; въ головѣ его не было ни одной мысли. Онъ былъ растоптанъ, какъ червь. Медленно „галичанинъ“ поплелся къ волостному правленію, чтобы глухою ночью уйти навсегда. Противной казалась эта волость, и весь міръ для него казался такимъ же противнымъ и негостепріимнымъ.

Въ сумеркахъ незамѣченнымъ галичанинъ пробрался въ свою комнатку.

— Тикайте, тикайте... Шепчетъ ему парнишка-сторожъ, его всегдашній собесѣдникъ. — За вами бувъ велыкый трусъ и на старшину дуже кричавъ губернаторъ, що васъ держыть на служби.

— Попасть въ эту кашу... подумалъ галичанинъ и ужасомъ прониклось все существо его. Онъ вылѣзъ чрезъ окно, обнялъ на прощанье по-братски юношу-сторожа и быстро скрылся во мглѣ. Долго онъ бѣжалъ, падая въ канавы и карабкаясь чрезъ плетни. Ему казалось, что погоня близко. Но за нимъ никто не гнался. Юноша проходитъ равниной, обагренной кровью. Изъ мѣстечка доносятся вопли. Онъ мысленно представляетъ себѣ хату Грыцька съ его пятью дѣтьми. И въ душѣ его сильнѣе растетъ протестъ противъ кровавой борьбы. Въ эту минуту онъ готовъ провалиться сквозь землю. Разбѣжавшіеся люди въ страхѣ возвращались домой и сторонились этого одинокаго путника. Вдали на востокѣ виднѣлось огромное зарево; это задержало драгунъ и начальство. — Вотъ что спасло!—подумалъ юноша и, нѣсколько успокоенный, онъ сопоставилъ это движеніе крестьянъ съ движеніемъ въ Галиціи... Тамъ возможна мирная борьба, открытая организація и тамъ ничего подобнаго не было бы, а вѣдь экономическое положеніе народа еще хуже. — Варварская страна!.. вырвалось у него и онъ ускорилъ шаги.

Въ харьковскихъ очагахъ аграрнаго капитализма жизнь населенія была еще тяжелѣе, чѣмъ въ кіевскихъ. Тамъ также были свои Браницкіе, Терещенки, только иныя фамиліи носили. Тамъ сахарный король Кенигъ, милліонеръ Харитоненко и другіе держали въ цѣпкихъ рукахъ крестьянина. И рядомъ съ цѣлымъ городкомъ при Гутянскомъ сахарномъ заводѣ, въ нѣмецкомъ вкусѣ, ютятся деревни, полныя нищеты и крайняго невѣжества. Невдадекѣ стоялъ и другой такой очагъ Харитоненка, въ которомъ находилась оборудованная для научныхъ цѣлей агрономическая лабораторія, занимавшаяся изслѣдованіями культуры свеклы. Лѣтомъ зеленый коверъ свеклы и пшеницы простирается на десять верстъ, а полоски крестьянъ, какъ непрошенные гости, затерявшіеся среди роскошныхъ полей, были еще уже и еще непригляднѣе, чѣмъ въ Кіевщинѣ.

Собраніе крестьянъ, представителей деревень, тянулось долго. Левадный давно обратилъ вниманіе на этотъ очагъ капитализма и, работая лѣтомъ на практикѣ въ цвѣтущихъ экономіяхъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ завязывалъ связи съ крестьянами. Съ каждымъ годомъ онъ присоединялъ къ своему „союзу“ нѣсколько деревень; въ нихъ Левадный и зажигалъ свѣточъ, какъ онъ выражался. И теперь появленіе его среди зимы, когда не было никакихъ заработковъ, никакихъ запасовъ отъ прошлого скудного урожая, подымало духъ крестьянина. На собраніи можно было видѣть, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣчали его представители, пріѣхавшіе верстъ за сорокъ. Рѣдко лицо крестьянина озарялось такою радостною улыбкой, а глаза загорались такимъ огонькомъ счастья. И они повѣряли своему давнему другу самыя затаенныя мысли, задушевныя желанія. Левадный былъ грустно серьезенъ. Онъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать и это рѣшеніе онъ долженъ былъ сообщить крестьянамъ. Тяжело было у него на душѣ въ данный моментъ. А крестьяне все разсказывали о притѣсненіяхъ экономій и о прочихъ своихъ дѣлахъ.

— Хлиба немае для себе.. паши немае для скотыны... про себе ще байдуже, а отъ скотыны жалко...

Левадный хорошо зналъ, что крестьянину легче перенести голодовку дѣтей, чѣмъ скотины, которая его кормитъ. И онъ хорошо зналъ, что здѣсь же рядомъ въ экономіяхъ излишки кормовъ гніютъ, обращаются въ навозъ и ни за что не уступаются людямъ. Вспомнилъ онъ жизнь Галтимора, котораго онъ видѣлъ проѣздомъ чрезъ Харьковъ. Двѣсти тысячъ заплочено; да содержаніе его обходится двадцать тысячъ въ годъ.—Вотъ, о комъ у насъ заботятся!.. подумалъ онъ.

— Настала, господа, пора дѣйствовать... Таково было рѣшеніе его, высказанное собравшемуся люду. Надеждъ никакихъ нѣтъ, нужда ваша вопіюща, чего же дальше ждать? Громко заявляйте этимъ господамъ о своей нуждѣ, добивайтесь выдачи кормовъ для скота, требуйте земли и дѣйствуйте дружно цѣлыми громадами.

Поздно вечеромъ при лунѣ расходились, а Левадный шелъ полями ночевать къ товарищу на опытную станцію. Крестьяне глубоко были убѣждены въ правотѣ своихъ требованій. Законовъ никакихъ они не знали. Они и мысли не допускали, чтобы могли быть на свѣтѣ законы, освящающіе подобное ихъ положеніе. Положеніе это—дѣло рукъ панскихъ и бороться съ нимъ—это высшій долгъ. И Левадный горячо и искренно говорилъ имъ объ этомъ долгѣ, о правдѣ, которая панами потоптана и поругана. И теперь онъ шелъ съ сознаніемъ выполненнаго долга. То возмущеніе, которое накоплялось въ его душѣ чуть ли не десятилѣтія, онъ перенесъ, перелилъ въ душу крестьянъ, придушенныхъ безысходною нуждой, и теперь онъ шелъ безъ единой мысли въ головѣ. Онъ все, что у него было, отдалъ этимъ лучшимъ, по его мнѣнію, крестьянамъ, онъ всего себя имъ отдалъ. Неподдѣльнымъ героизмомъ и чистотой дышало отъ него въ данный моментъ. И ему не хотѣлось идти въ этотъ храмъ служенія капиталу. Левадному не хотѣлось встрѣтить директора опытной станціи. Онъ учился вмѣстѣ съ Левадньмъ, но скоро забылъ лучшіе завѣты школы и обратился въ прихвостня капитала. Съ отвращеніемъ онъ вспоминаетъ отказъ директора дать работу юношѣ изъ Ольшаны, о которомъ просилъ Левадный.—Нѣтъ, нужно порвать съ этими господами!..—вырываются, наконецъ, у него слова проклятія всѣмъ этимъ недругамъ народа. — Можетъ быть и лучше, что юноша не связался службою съ этими гнѣздами..—рѣшаетъ Левадный уже на виду красивыхъ зданій станціи. О, сколько эта станція хранитъ для него юношескихъ воспоминаній!.. И Левадный на время забываетъ всѣ невзгоды скитальческой жизни; онъ весь погружается въ мечту о томъ времени, когда эти опытныя станціи будутъ свѣточами для народа. Левадный вѣритъ въ наступленіе такого часа, а въ это время тамъ вдали, верстъ за шестьдесятъ, „Юноша“ все шире раздвигалъ районъ, отмежеванный Леваднымъ и, ведя жизнь подвижника, говорилъ о скоромъ наступленіи на землѣ царства правды.

— И Богъ благословывъ бороться за правду и за бидныхъ, — говорилъ онъ и видно было людямъ, что онъ готовъ положить душу свою за своего брата. И люди пошли за кормами для скота, за хлѣбомъ для себя, пошли, наконецъ, за землей, безъ которой они не могли жить. Выступленіе крестьянъ вызвало страшную панику среди помѣщиковъ и управителей и они полетѣли въ Харьковъ искать защиты. А тѣмъ временемъ крестьяне двинулись на поле дѣлить панскую землю. Вотъ ужъ десятки лѣтъ они ждутъ этого дѣлежа и, наконецъ-то, дождались! Они увѣрены, что Царь давно рѣшилъ отдать ее крестьянамъ и только паны задержали царскій указъ. Въ одинъ изъ первыхъ весеннихъ дней вся большая слобода „Велыки Терны“ зашевелилась. Слухи о томъ, что во всей окрестности подѣлили уже панскую землю, дошли до нея. Всѣ, отъ мала до велика, отправились на барскій дворъ требовать по доброй волѣ земли. Испуганный помѣщикъ скрылся.

— Сховався. Значить, не хоче намъ по доброй воли дать... рѣшаютъ крестьяне и сами уже отправляются на дѣлежъ.

— Безъ божого благословенія не можна такого великого дѣла начинать.. — раздаются голоса изъ толпы. — Не можно, не можно!.. вторятъ имъ. И всѣ терновцы отправляются въ церковь на молитву. И нужно было видѣть эти торжествующія лица крестьянъ. Они увѣрены, что Богъ, наконецъ-то, увидѣлъ ихъ слезы, увидѣлъ ихъ нужду и снизошелъ на ихъ молитвы.

Тянулось все это долго и только къ вечеру люди вышли на панскую землю. Здѣсь на межѣ собралась рада, а нѣсколько поодаль у дороги стояло нѣсколько плуговъ, которыми предполагалось проводить борозды. Лица у парней плугатарей были спокойны. Теплый день и ширь полей — все это дополняло чудную картину. Нужно подѣлить по божески, по правдѣ, чтобъ никто не былъ обиженъ дѣлежемъ. Нужно было принять во вниманіе и всѣхъ вдовъ и сиротъ.—Всѣмъ хватитъ... какъ бы говорили эти довольныя лица крестьянъ, привыкшихъ спорить за каждый шагъ земли у себя на нищенскихъ надѣлахъ. По

дужче дерево запосидае слабище. Невелычка сыла панивъ, алежъ скризь ихъ верхъ, бо воны добре дбають про свою корысть. Воны васъ добре и давно учать, та тико вы ничому не навчылысь. Зъ ихъ же берить науку. Воны добре пылнують, щобъ обороныть себе, стоять дружка за дружку и не продають за безцинокъ своеи праци. Такъ само робить и вы. Багатыри дужи своимы багатствами, котри есть дило рукъ вашыхъ, дужи воны своимы землямы, котрыхъ воны не создавалы и котри мають харчувать увесь мыръ... усю сылу багатымъ даете вы своею працею: безъ неи воны померлы бъ зъ голоду. Свою працю вы оддаете Богъ знае кому: іи проводять, програють нетружени люде. И намъ зъ боку тяжко дывыця на оцю крывду, що вы сами соби робыте. Почнете вы добре одстоювать себе и не оддавать своеи праци за дурныцю, тоди мусять уси взяцця за роботу и не буде на свити дармоидивъ: надъ усымъ запануе правда. И земля и багатство стануть усихъ людей и люде будуть жыть братамы, не такъ, якъ теперъ, колы воны черезъ оци земли и гроши готовы пожерты одынъ другого, зигнать зъ свита...

Рѣчь оратора, сильная, вдохновенная, была прервана возгласами: „бижать зъ экономіи урядныкъ, стражныкы“.—Нехай бижать... говорили люди. Но Павло поклонился людямъ и на прощанье сказалъ:—не нападайте ни на кого, не быйтесь, не лайтесь и стійте за себе уси дружно, якъ одынъ чоловикъ, и вашъ буде верхъ.— Въ сопровожденіи десятка парней онъ скрылся въ лѣсу.

Солнце только что взошло. Вся окрестность предстала при его свѣтѣ, какъ на ладони. И человѣкъ и пташка — всѣ берутся за дѣла. По большой дорогѣ отъ Роговъ въ сосѣднюю экономію Терещенка шла толпа крестьянъ. Во главѣ были мужчины, парни, а дальше на сотню саженъ растянулись бабы, дѣвушки. Лица у этихъ людей были особенные, напряженные глаза сверкали злобой и недовольствомъ. Шествіе было грознымъ, несмотря на видимую тишину и на то, что въ рукахъ ни у кого не было ни шеста. Экономія утопала въ утреннемъ туманѣ. У воротъ ея сидѣли люди, пришедшіе полоть свеклу, которая тутъ же красовалась въ видѣ зеленыхъ лентъ.

— Здрастуйте, люде добри! говорили шедшіе впереди. — Рада поришыла, щобъ давалы шестьдесятъ копіекъ у день, иначе не прыступать до роботы...

— Согласни, господа?

— Согласни!.. согласни!.. кричала тысячная толпа.

— Щобъ не було полтавцивъ!.. — кричала толпа вышедшему управляющему. — Самымъ намъ немае чого исты.

Медленно, какъ волы, потянулись на вокзалъ полтавцы и бѣлоруссы, разнося трахому, тифъ и лихорадки по всему свѣту. Худые и изможденные, они были безразличны ко всему происходящему здѣсь. Только тамъ, въ глубинѣ ихъ существа, подъ гнетомъ нужды и темноты можно было отыскать искру солидарности.

Жизнь экономій какъ-бы замерла. Не было кому пасти скотъ и доить коровъ.

Къ вечеру въ Роги пріѣхалъ исправникъ съ сотнею казаковъ. Потолковавъ съ часъ съ управляющимъ и покричавъ изрядно на старосту, въ сопровожденіи десяти казаковъ онъ попоѣхалъ арестовывать зачинщиковъ.

— Гдѣ хата Яремы Журбы? спросилъ исправникъ у старосты.

— У его немае хаты... винъ безъ хаты...

— А гдѣ же онъ живетъ?

— Такъ по свиту ходыть...

— Людей, значитъ, бунтуетъ? На этотъ вопросъ исправника староста не далъ отвѣта

Душъ десять крестьянъ подъ сильнымъ конвоемъ повели ночью въ станъ. Село какъ-бы вымерло. Все затихло. И въ этой поразительной тишинѣ раздавался голосъ возвратившагося уже въ экономію приказчика, сына Панаса: „выходь на бурякы —пивкарбования въ день! выходь на бурякы, и гроши впередъ!“

Въ домѣ Ерофѣева еще спали. Вся площадь въ Мардаровкѣ была заполнена народомъ: изъ окрестныхъ селъ, въ которыхъ Ерофѣевъ владѣлъ землей, шли бабы и дѣвушки. И вся эта толпа двинула къ дому, не взирая ни на какія ограды. Это были какъ бы не тѣ люди, которые еще три дня назадъ покорно пололи свеклу по четвертаку въ день. Это были недовольные, злые и даже жестокіе. Въ домѣ жилъ душевно-больной сынъ владѣльца. Больной боялся людей, кричавшихъ вокругъ дома, онъ обезумѣлъ и испускалъ страшный крикъ. А толпа все-таки не уходила. Она хотѣла разрушить зданія упраздненнаго польскаго монастыря, обращеннаго Ерофѣевымъ въ свое жилище.

Позвалъ Ерофѣевъ стариковъ и объявилъ имъ, что половину земли отдаетъ въ аренду по двѣнадцати рублей за десятину и будетъ платить по полтиннику на свеклѣ... И толпа сейчасъ же ушла.

Кругомъ было тихо. Отъ лучей солнца, стука и визга сотни колесъ промчавшагося поѣзда Галичанинъ очнулся. Спалъ ли онъ послѣ безсонныхъ ночей или же впалъ въ забытье, онъ не знаетъ. Мало-по-малу къ нему возвращается сознаніе и боль правой руки. Пробуетъ онъ подняться, но она какъ-бы атрофирована, около него лужа крови на смятой пшеницѣ, рукавъ прострѣленъ.

заговорилъ:—Двѣ недѣли велъ собачью жизнь, почти не думалъ о себѣ... Жестокая жизнь...—Вѣра заплакала. Онъ имѣлъ видъ умирающаго человѣка.

Жатва была на исходѣ, поля опустѣли. Громадское хозяйство не имѣло хозяина: бывшій сотскій сидѣлъ въ тюрьмѣ за стачку, а дидъ Грыцько былъ старъ. Вѣра была поглощена больнымъ. У нея возвратилась прежняя болѣзнь.

Въ замкѣ хозяйничали чужіе люди — два врача, пріѣхавшіи изъ Могилева. Дидъ Грыцько взялъ на себя важное порученіе выманить изъ замка Вѣру.

— Ходимъ, барышня, на виноградникъ, — тамъ жде васъ громада... — говорилъ онъ и въ голосѣ его было что-то такое, чему Вѣра подчинялась. Когда она, не заставъ никакой громады, быстро возвратилась въ замокъ, то нашла его запертымъ изнутри. Стоя у двери, блѣдная и дрожащая, она поняла, что происходило въ замкѣ.

Солнце спряталось за Карпатами. Два человѣка отъѣзжали отъ замка. И когда Вѣра имъ предложила десять рублей, то одинъ изъ нихъ укоризненно на нее посмотрѣлъ, какъ-бы говоря: „за кого жъ вы насъ принимаете?“

Въ комнатѣ сильно пахло хлороформомъ. Больной открылъ глаза и попросилъ воды. На лицѣ его не было и кровинки и самъ онъ тяжело дышалъ. Руки у него уже не было.

— Пускай немного поправится и я его увезу... — думала Вѣра, боясь доноса Ерофѣева, который вмѣстѣ съ сосѣдями-помѣщиками всю вину за стачку крестьянъ возлагалъ на нее. Проекту увоза не суждено было исполниться. Больной былъ слишкомъ обезсиленъ прежнею жизнью и надломленный организмъ не выдержалъ. Отрѣзанная рука не заживала, рана загнила и сопровождалась страшными страданіями. Уже цѣлую недѣлю онъ бредилъ и не принималъ пищи. Вѣра забыла объ опасности. Мысль ея была подавлена, она ни о чемъ не могла думать. Сидя у изголовья, она страдала. Шли длинные и тяжелые дни, призракъ смерти виталъ надъ замкомъ. Знанія человѣка пасовали предъ велѣніями природы и человѣкъ долженъ былъ подчиниться имъ. Даже занесенный уже карающій мечъ долженъ бы остановиться предъ роковымъ исходомъ борьбы и только нашъ бездушный бумажный формализмъ стоитъ какъ-бы внѣ всякой логики и всякаго человѣческаго разумѣнія.

Жизнь Вѣры въ этихъ богоспасаемыхъ мѣстахъ доставляла много хлопотъ маленькимъ людямъ, игравшимъ въ ближайшемъ городкѣ въ винтъ, жившимъ почти зоологически и дрожавшимъ предъ губернаторскою или жандармскою бумагой, на которой стояло: „совершенно секретно“, и въ которой говори-

корабля — Сергѣемъ, объединившимъ уже цѣлый уѣздъ, Павломъ (изъ союза молодежи Н. В.), устроившимъ соціалистическое предпріятіе въ Харьковской губерніи, и Яремой, только что выпущеннымъ изъ тюрьмы. Большинство собранія въ панской одеждѣ и жутко Яремѣ въ своей поношенной свиткѣ; онъ все жмется къ Сергѣю и Вѣрѣ. Настроеніе съѣзда бурное, насыщенное электричествомъ. Жизнь дала слишкомъ много горючаго матеріала и рѣчи дышали страстностью... „Народу—земля и власть, вся земля и вся власть“. Центральный пунктъ — разговоры о землѣ. Собраніе отнеслось къ аграрнымъ безпорядкамъ съ сожалѣніемъ, высказывшись за мирный правовой путь, отвергая насиліе. На первомъ планѣ ставился созывъ учредительнаго собранія, которое и должно было провести земельную реформу. Наша группа сидѣла молча, только, когда зашла рѣчь о томъ, на какихъ условіяхъ должна отойти земля народу, Павло поднялся и вопреки общему настроенію заявилъ:—Безъ выкупа земля можетъ перейти только тогда, когда всѣ имущества сдѣлались бы народною собственностью... Конфискація же одной земельной собственности не соотвѣтствовала бы прежде всего правдѣ, вызвала бы на бой, не говоря уже о владѣльцахъ, всѣхъ тѣхъ, кто вложилъ свои средства и сбереженія въ закладные листы поземельныхъ банковъ, всѣхъ тѣхъ, кто косвенно пользуется благами этой собственности. Съ этою организованною ратью не справиться крестьянству. Только въ концѣ долгой и организованной борьбы всѣхъ трудящихся обездоленныхъ и земля и капиталъ станутъ общею собственностью.

— Силъ нѣтъ у нашего народа... — сказала Вѣра, зная по опыту устройство громадскаго хозяйства. — При нашихъ невозможныхъ условіяхъ десятки лѣтъ пройдутъ, пока онъ сорганизуется... работы много, а гдѣ работники?..

— А вотъ всеобщій крестьянскій союзъ и поможетъ этой организаціи... — говорилъ знакомый Вѣры народоволецъ. И мысль о союзѣ, какъ что-то лучезарное, принимается съ бурнымъ восторгомъ. Всѣмъ кажется, что чрезъ мѣсяцъ вся страна покроется сѣтью крестьянскихъ союзовъ, которые и призовутъ къ активной и сознательной жизни все крестьянство.

Въ тѣсномъ номерѣ собралась наша братья, чтобы перемолвиться словомъ и проститься.

— Еще въ Якутской долинѣ,— началъ Павло — я рѣшилъ пустить въ ходъ свои инженерныя познанія... капитальную постройку создать, кладя кирпичъ за кирпичемъ. Не вѣрю я, признаться, въ такое скорое перерожденіе нашего отечества... Я хочу быть архитекторомъ и простымъ каменщикомъ. Какъ архитекторъ, я хотѣлъ показать на примѣрѣ возможность веденія хозяйства на соціалистическихъ началахъ. Наше село купило всю землю помѣщика въ общую собственность, потомъ и надѣлы къ ней присоединило. Устроили мы сахарный заводъ и ведемъ все это на товарищескихъ началахъ. Нѣтъ у насъ ни хозяевъ, ни рабочихъ, никто ни на кого не работаетъ, только всѣ мы работаемъ на банкъ, съ помощью котораго куплена земля, и на капиталиста, давшаго деньги на заводъ, да на подати... Все держится моими силами. Возьмутъ меня и все, сколоченное съ такимъ адскимъ трудомъ, разлетится въ прахъ: землю подѣлятъ крестьяне, а заводъ возметъ капиталистъ. Мое предпріятіе — постройка на пескѣ. Такими частичными измѣненіями ничего не сдѣлаешь, какъ водой ручейка, какъ бы чиста она ни была, не разрушить плотины. Ее можетъ разрушить только общій потокъ. Всѣ ручейки слѣдуетъ слить въ одно русло. Организація крестьянства въ этомъ потокѣ будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Какъ ни считай, а всѣ мы только архитекторы, а ни хорошихъ каменьщиковъ, ни хорошихъ кирпичей для зданія еще нѣтъ... И при этомъ ораторъ указалъ на Ярему. Вотъ, когда каждая деревня будетъ имѣть хотя бы по одному такому, то успѣхъ нашего дѣла будетъ обезпеченъ. И всѣ присутствующіе устроили овацію „гонимому“ Яремѣ. А ему въ то время вспомнилась хатка безъ крыши, дворикъ безъ огорожи и сыновья, слоняющіеся гдѣ-то на заработкахъ въ Херсонщинѣ, и многое другое... На душѣ его стало еще тяжелѣе.

Большая пріемная губернатора была похожа на толкучку. Чуть ли не сотня душъ перебывала въ ней, а Вѣра все ждала очереди. Сердце ея усиленно билось. Вотъ уже всѣ разошлись, а про нее какъ-бы забыли. Смеркало. Короткій декабрьскій день оконченъ. Наконецъ, вышло начальство, окинувшее взглядомъ ея черный костюмъ. Въ этомъ взглядѣ можно было прочесть безпокойство.

— Пригласилъ я васъ, — началъ губернаторъ недовольнымъ тономъ, который онъ всячески хотѣлъ смягчить, — чтобы предупредить... За этотъ крестьянскій союзъ вы подлежите высылкѣ въ Сибирь... Вотъ предписаніе... Но такъ какъ вы дочь генерала Кузнецова — вѣрнаго царскаго слуги — и дяди ваши такіе почтенные люди, то я ходатайствую, чтобъ васъ оставили... Идите, лѣчите мужиковъ, этого мы не воспрещаемъ, пашите съ ними землю, и это можно, но чтобы не было никакихъ союзовъ и бунтовъ. Это не ваше поприще и на немъ вы далеко не уйдете!..—Генералъ подалъ два пальца и скрылся также быстро, какъ и вышелъ. Вѣра, захваченная врасплохъ, едва сказала: „не нужно мнѣ снисхожденія!.“ Вся дрожащая, она быстро вышла.

На святъ-вечеръ Вѣра за общимъ столомъ ѣла кутью. Рядомъ съ нею сидѣлъ Ярема, убѣжавшій отъ преслѣдованія полиціи, и дидъ Грыцько. На душѣ было тяжело. Залаяла собака. Въ хату вошелъ весь въ снѣгу Сергѣй, убѣгавшій за границу. Павло уже былъ въ Сибири. Темная сила, какъ злой рокъ, попрежнему витала надъ душами борцовъ за право и счастье народа...

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Должно быть:
1	13	сверху	если были	если бы были
—	16	—	несправедливое	несправедливое,
44	11	—	единого	единаго
47	4	снизу	милости	милости,
93	9	—	мало по малу	мало-по-малу.